

Гарри Тюрк

ДЬЕНБЬЕНФУ

Сражение, завершившее колониальную войну

Перевод с немецкого: Виталий Крюков, Киев, 2005.

Оригинал: Harry Thürk, Dien Bien Phu. Die Schlacht, die einen Kolonialkrieg beendete, Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik; Berlin, 1988

Популярный немецкий журналист и писатель Гарри Тюрк (8.03.1927 – 24.11.2005), многолетний корреспондент ГДР в Индокитае и свидетель проходивших там военных конфликтов, рассказывает в своей документальной повести о победе в 1954 году национально-освободительных сил Вьетнама над французскими колонизаторами под Дьенбьенфу, что привело к окончанию колониальной войны.

Переводчик выражает свою искреннюю благодарность г-ну Ханью Хаманну (Дрезден), модератору «Форума Гарри Тюрка», www.harrythuerk.de, пригласившему его эту книгу, и всем, оказавшим ему помощь своими советами и исправлениями.

Примечание переводчика. В связи с тем, что русская транскрипция многих вьетнамских названий сильно отличается в разных книгах, в некоторых местах я указывал варианты их написания в квадратных скобках.

СОДЕРЖАНИЕ

До того...

Гастон-шут

Наварр замахивается для удара

Кенг-невидимка

Горы и джунгли

Такова война

Операция «Гриф»

Левый берег

Погиб за Францию

Последний бункер

Эпилог

ДО ТОГО...

После столетий межплеменной вражды и феодальной усобицы, лишь в начале XIX века император Вьетнама Гиа Лонг смог создать во Вьетнаме единое государство от южной китайской границы до дельты Меконга с довольно исправно функционирующим государственным аппаратом. Развивались хозяйство, торговля и ремесла, и из разнообразной семьи народов начала, наконец, формироваться единая вьетнамская нация.

Франция очень скоро осознала экономическую и стратегическую ценность процветающей страны в Индокитае. Под предлогом опасности для работающих там христианских миссионеров французы осенью 1858 года ввели части своего военно-морского флота в бухту Дананг [Да-Нанг] и потребовали передачи во французское владение всего портового города. Это было началом колонизации всего Вьетнама, продлившейся последующие 25 лет – шаг за шагом, с помощью оружия, подкупа, шантажа и обмана.

Позднее были покорены Лаос и Камбоджа, и оттуда во Францию потекли миллиардные доходы, хотя в важной для нее колонии никогда не было спокойствия: крестьянские восстания, выступления национальных меньшинств, демонстрации и рабочие бунты не прекращались.

Именно в новом, ставшем в XX веке серьезной общественной силой рабочем движении, зародилась идея объединения различных независимых друг от друга сил, боровшихся за свободу и справедливость, которая и принесла в конечном счете этим силам общий успех. Хо Ши Мин, молодой патриот из центрального Вьетнама, работавший некоторое время во Франции, основал там в 1922 году «Лигу народов французских колоний». Уже тогда он стал братом французским коммунистам в совместной борьбе. В 1930 году, после первых больших забастовок нелегальных индокитайских профсоюзов, была создана Коммунистическая партия Индокитая, которая в преддверии Второй мировой войны, в 1937 году, начала объединять все антифашистские, патриотические и антиколониальные силы нации.

«Вьет-нам док лап донг мин» – так называлась эта большая организация – «Лига борьбы за независимость Вьетнама». Она быстро набирала силу в борьбе с японскими оккупантами, заключившими негласное перемирие с оставшимися в Индокитае французскими колониальными войсками, инспирированное коллаборационистским правительством Виши.

Таким образом, партизаны Лиги за независимость, сокращенно именуемой «Вьетминь», остались единственными серьезными противниками японцев во Вьетнаме в годы Второй мировой войны. Незадолго до капитуляции Японии на севере Вьетнама уже были полностью освобождены шесть провинций, и

эта зона под названием «Вьет-Бак» стала центром вооруженного восстания, вскоре охватившего всю страну.

В августе 1945 года Япония капитулировала. Вьетминь выступил повсюду одновременно. Его бойцы разоружили еще оставшихся в стране японцев и победили всего за несколько дней. 2 сентября 1945 года Хо Ши Мин уже провозгласил в Ханое независимость Вьетнама.

В первое Временное правительство Демократической Республики Вьетнам, которое сразу же начало претворять в жизнь программу модернизации и реформ, входили представители всех национальностей Вьетнама. Казалось, что народ Вьетнама, наконец-то, после почти ста лет, завоевал свободу и государственный суверенитет.

Но Франция не хотела отпускать свою уже ставшую «совершеннолетней» колонию. Еще в сентябре 1945 года в Сайгоне высадились первые французские солдаты, совместно с британскими «войсками по поддержанию порядка». За ними последовал экспедиционный корпус под командованием генерала Жака Леклерка. Так началась агрессия против народной власти. Но она наткнулась на куда более сильное и лучше вооруженное сопротивление, чем рассчитывали французы.

Повсюду в мире, и, прежде всего, в самой Франции, ее политика во Вьетнаме встретила однозначное осуждение. Поэтому с 1946 года французское правительство было вынуждено пойти на переговоры с Демократической Республикой Вьетнам, которую не удалось стереть простым движением руки. Хо Ши Мин отправился в Париж.

В марте 1946 года французское правительство в соглашении, детали которого должны были быть согласованы в 1947 году, принципиально признало Вьетнам «свободным государством со своим правительством, парламентом, вооруженными силами и своей валютой». Но при этом, однако, французы имели в виду лишь север и центр страны. Юг должен был решить вопрос о своем вхождении в ДРВ путем особого референдума. Тем не менее – Франция приняла на себя обязательства полностью покинуть Вьетнам не позднее апреля 1951 года.

ДРВ это соглашение (называемое также «модус вивенди») не удовлетворяло в полной мере. Но Хо Ши Мин все-таки подписал его. Он хотел тем самым избавить и французов и вьетнамцев от возможной многолетней и кровопролитной колониальной войны.

Но его готовность к миру не была вознаграждена. Пока в Ханое комиссия разрабатывала первый проект конституции ДРВ, французский флот спровоцировал в Хайфоне вооруженный конфликт, в результате которого погибли несколько тысяч вьетнамцев. А французские командиры получили из Парижа

приказ воспользоваться ситуацией и всеми возможными средствами лишить власти правительство ДРВ. Следующим недружественным актом стала французская атака на резиденцию президента ДРВ Хо Ши Мина, а затем требование к вооруженным силам ДРВ сложить оружие.

Так началась французская колониальная война против нового государства. Она продлилась семь с половиной лет. После них силы французского экспедиционного корпуса были на исходе. Только генералы и стоявшие за ними заинтересованные группы промышленников и политиков хотели продолжения этой войны. Они назначили новым командующим экспедиционного корпуса Анри Наварра. Он должен был выманить еще молодую и сравнительно плохо вооруженную народную армию ДРВ на так называемую «открытую битву», в которой французы надеялись одержать над вьетнамцами решительную и окончательную победу.

Генерал Наварр, с прибытия которого во Вьетнам начинается эта книга, выбрал местом генерального сражения Дьенбьенфу. Он точно знал, что победу следует одержать как можно быстрее: весной 1954 года министры иностранных дел великих держав по требованию Советского Союза направлялись в Женеву на международную конференцию, которая должна была положить конец войне в Индокитае.

ГАСТОН-ШУТ

- Все шлюхи собрались? – спросил капитан строгим военным голосом, когда у входа в «Мезон де Франс», резиденцию французского Верховного комиссара во Вьетнаме, перед ним возник начальник караула, лейтенант.

- Иди домой, Гастон, – посоветовал лейтенант капитану приглушенным тоном. – Ты знаешь, могут быть неприятности...

Но капитана не так просто было отправить восвояси. На сегодня, 21 мая 1953 года, Верховный комиссар Жан Летурно, прозванный кое-кем библейским князем Тонкина, назначил большой вечерний прием. В Ханое в это время было уже довольно жарко, дождей не было. Как всегда, здесь, в дельте Красной реки дневная температура почти никак не отличалась от вечерней или ночной. Но ветераны колониальных войск считали, что эта заканчивающаяся весна похожа на приятный конец лета где-то в Европе.

- Мне нужно увидеть задницы всех шлюх, – настаивал капитан Гастон Жанвилль. – только осмотрев все их попки, я смогу найти Дунг. На лицо все желтые одинаковы, особенно когда намажутся косметикой. Но задница – ее нельзя себе представить. И спутать, с того еще времени...

Начальник караула осторожно отвел его в сторону от парадной лестницы и попытался уговорить его не вторгаться в изысканное вечернее общество Верховного комиссара. Любого другого лейтенант давно приказал бы арестовать, но Гастон был особым случаем... Его не зря прозвали Gaston le Fou – «Гастон-шут». И поэтому лейтенанту снова пришлось выслушать старую историю, которую он знал давным-давно: Дунг, вьетнамская проститутка, была большой любовью капитана, пока его с маленьким отрядом не направили на дальнейшее патрулирование на восток Лаоса. Главкомандующий Рауль Салан намеревался помешать освободительной борьбе лаосцев с помощью таких ударных подразделений. Они должны были оперировать в тылу противника со скрытых опорных баз. Гастон Жанвилль высадился на высоте 743 с двенадцатью солдатами, посередине вечнозеленого, поросшего мхом тропического леса в северном Лаосе, где не было никаких дорог между речками и холмами, только трудно отыскиваемые людские и звериные тропы.

- Ее в детстве укусила обезьяна. Страшная рана, шрам от нее и сейчас остался. Если бы я мог осмотреть все задницы...

Он снова хотел пробиться к входу, но начальник караула вежливо, но твердо удержал его и успокаивающе сказал: – Среди местных телок ее нет, Гастон. Я сам видел ее в Сайгоне, она теперь там живет!

Жанвилль покачал головой: – Этого она никогда не сделала бы, дружище! Она верна мне. Она меня ждет, просто не узнает меня. Тогда было темно. А я должен ее...

- Да, да, – перебил его лейтенант. – Когда ты увидишь шрам, то все ясно. Только Дунг действительно живет в Сайгоне. Ты увидишь ее в «Радуге». Ей принадлежит это бистро. Честно скажу, Гастон, ты должен поверить мне, она сама спрашивала меня о тебе. А теперь иди, пока не начались проблемы. Запомни: Сайгон, «Радуга». Лети туда первым же самолетом, осчастливь ее!

Лейтенанту удалось, по крайней мере, заставить Гастона задуматься. Ему так показалось. Жанвилль больше не пытался освободиться от рук начальника караула.

Гастон вовсе не был злым, хотя и достиг роста в 1,90 м, великан с угольно черными волосами под высоким армейским кепи. Темные глаза, которые блестили беспомощно, стоило ему о чем-то задуматься, как сейчас. Одна из бесчисленных трагических и многими высмеиваемых судеб, уготованных французам в этой колониальной армии. Там, на темной высоте 743, он со своими солдатами попал в засаду. Как все произошло, так и не удалось выяснить, потому что выжил лишь один человек – Гастон Жанвилль. Его люди погибли от пуль солдат Патет-Лао, поваливших деревья перед и за бронетранспортером, который вез его отряд, чтобы блокировать дорогу. Жанвилль, как он

снова и снова вспоминал, шел пешком перед броневиком вместо передового охранения. Падающее спереди дерево ударило его прямо по голове. Намного позже, когда все закончилось, Жанвилль пришел в сознание. С трудом он сообразил, что с ним произошло, а потом, попросившись со всеми своими погибшими солдатами, два месяца пробирался сквозь буш и саванну к своим, с одним лишь компасом и бесполезным служебным револьвером, который не нашли солдаты Патет-Лао.

Когда он добрался до первого французского поста на Черной реке, он не только был совершенно изможден и голоден, его кожа вся была покрыта типичными в джунглях опухольями, а ужасные пиявки присосались к нему во множестве мест – Жанвилль лишь с трудом соображал, что вообще происходит. Он утверждал, что шел с похорон и заблудился.

Прошло несколько недель, прежде чем к нему начала понемногу возвращаться память, но то, что рассказывал Жанвилль, было похоже на полную чепуху. Его оставили в лазарете в качестве объекта особого интереса тамошних врачей, к тому же считавших, что этого человека лучше всего можно спрятать именно в армейском лазарете. В гражданской жизни Франции он был бы только лишним примером порочности колониальной войны. Да и не было у него шансов пробиться куда-либо там, в гражданской жизни. Та половина французов, которая не выступала против войны, любила героев, а не калек.

Поэтому некогда способный капитан воспринимался как безобидный идиот, которому прощалось все, что он только ни делал в состоянии помутненного рассудка. Время от времени доктора наблюдали за фазами, в которых он на короткий период обретал ясный ум, но они длились недолго и не становились чащею

- Ты уверен, она действительно в Сайгоне? – обратился он к начальнику караула. Тот облегченно вздохнул. Казалось, Гастон пришел в себя, раз уж он в этот момент высказал несколько здравых мыслей. Лучше всего, я отправлю его подальше, пока он еще соображает, подумал лейтенант. Поэтому он утвердительно кивнул. – Сайгон, тебе нужно туда, если хочешь ее увидеть. Попроси парней в лазарете достать тебе билет. Где находится «Радуга», знает в Сайгоне каждый ребенок.

Он слегка подтолкнул Жанвилля к выходу с участка. На другой стороне улицы находился «Метрополь», самый большой отель Сайгона, которым управлял месье Леон Блуэ, – человек осторожный и поэтому содержавший еще один отель, но уже в Париже. Из «Метрополя» вышло несколько высокопоставленных офицеров, которым начальник караула должен был отдать честь.

- Теперь уходи, – прошептал он Гастону, выходящему на улицу. Затем принял уставную позу на первой ступеньке лестницы и скомандовал: «Смирно!»

Салан, элегантный верховный главнокомандующий с начищенными до сияния генеральскими звездами, которого вскоре должны были сместить, приблизился упругой походкой, с остекленевшим взглядом по причине, как знал лейтенант, употребления опиума. Здесь он должен был встретиться со своим преемником, корпусным генералом Анри Наварром, четырехзвездным спасителем Индокитая, как его уже прозвали шутники, хотя, собственно, его следовало бы уважать. Он был человеком умным, трезвым и расчетливым. Но сможет ли он проявить эти свои качества под невыносимым тропическим солнцем и в войне с противником, воюющим совсем не в соответствии с той стратегией и тактикой, которой учат во французских военных училищах?

Бригадир Рене Коньи слегка подался вперед, широкоплечий двухметровый гигант, чья дивизия занимала важнейшие стратегические пункты в дельте Красной реки, толстокожий и жизнелюбивый, лис с обличьем быка. Чтобы сразу же приучить нового главкома к своим привычкам, он и здесь был не в парадном мундире, а в боевом камуфляже: здесь, в Ханое, такая же зона боевых действий, как и любой перекресток в радиусе 100 километров. Так что он, прозванный «командиром дельты» (что ему нравилось) и здесь был в боевой готовности. Он приложил ладонь к кепи и кивнул начальнику караула, поднимаясь по лестнице. Никто не мог и подумать, что этот человек имел ученую степень доктора юриспруденции.

В сравнении с ним генерал Гонзалес де Линаре казался совсем маленьким. Он был командиром всех французских войск, действовавших в Тонкине, северной части Вьетнама. Вполголоса его называли «мэром Гиа-Лам», потому что по ту сторону грязной реки, на другой стороне моста Доме, он подобрал себе любовницу – дочку одного китайского чиновника. Ее папаша делился с ухажером своей доченьки доходами, источник которых очень сложно было определить, но в основном это были деньги, выделяемые французами на строительство военного аэродрома, в распределении которых незаметно участвовал Линаре. Маленькая, тоненькая, сильно накрашенная китайка проводила генерала только до входа во дворец губернатора, потому что внутри ее присутствие было нежелательным. У французских генералов возникали проблемы, если в свете становилось известным об их любовницах из числа аборигенок. Китайку это не особенно огорчало. Для нее Гонзалес де Линаре был одним из уже не очень аппетитных колониальных французов, с помощью которого ее семья зарабатывала богатство. Когда это богатство достигнет пятизначной цифры, оно будет сразу же переведено во французский банк, в Париж. Любовь здесь – это бизнес, не больше. Один дает, другой платит. Подруги знали от любовницы командующего войсками в Тонкине, что он неотесанный, у него плохо пахнет изо рта, что он много пьет и громко пу-

кает во время секса. Ну да, он скоро вернется во Францию, а пока можно воспользоваться всеми вытекающими из знакомства с ним преимуществами.

Как только Линаре прошел мимо начальника караула и вошел в зал, как Гастон-шут потянул за железную решетку ворот снаружи, где любовница генерала еще стояла у машины, которая должна была отвезти ее назад в Гиалам, и повторил с ней свой коронный номер. Он вытянулся перед дамой, которая не дотягивалась ему даже до груди, и приложил ладонь к кепи: – Мадам, могу я вас попросить показать мне вашу драгоценную попку, чтобы я смог убедиться, не Дунг ли вы?

Он сказал это на почти превосходном вьетнамском языке, и с таким серьезным видом, что это абсурдное желание не могло не вызвать смех. Китайка это так и поняла. Она прыснула, но сразу же прикрыла рот своей маленькой наманикюренной ручкой и стала серьезной.

- Что вы хотите? – угрожающе спросила она, на плохом французском, хотя сама все прекрасно поняла.

Гастон Жанвилль повторил свою просьбу, серьезно, учтивыми словами, но так громко, что каждый человек по дороге к дворцу ее слышал и тут же начинал хохотать. Жанвилль, казалось, не замечал этого: его лицо продолжало оставаться убийственно серьезным. Кукольное личико китайки, наоборот, за секунду превратилось в полную ненависти маску. И от ее визга начальник караула, как будто укушенный болотной змеей, на всех парах понесся к воротам.

- Но мадам, – как раз продолжал объяснять Гастон, – не злитесь на меня. Я контролирую задницы всех проституток в Ханое, не только вашу. Речь идет о счастье всей моей жизни! Только по шраму от обезьяньего укуса я могу узнать мою Дунг. Вы должны знать, мы делали это все время так, что этот шрам всегда был у меня перед глазами. Ей так больше всего нравилось. Ваше лицо, ну, тут может сбить с толку косметика...

Дальше он не успел продолжить. Лейтенант взял его за руку и решительно оттащил в сторону, одновременно показав жестом портье «Метрополя» – вызовите машину!

- Гастон, – обратился он к Жанвиллю, – от тебя снова одни неприятности! Он по опыту знал, что упреки на капитана не действуют. Тут помогала лишь терпеливая беседа. Поэтому он объяснял ему: – Но это не она, приятель! Эту я знаю, ее задница гладкая, как отполированный приклад винтовки. Ты ошибся. Ты вызываешь тут раздражение, а ведь ты французский офицер, разве не так?

Китайка еще раз покачала своим маленьким кулачком, садясь, к облегчению лейтенанта, в машину своего любовника, которая тут же уехала. И тут Гастон Жанвилль удивленно вдруг спросил лейтенанта: – Из-за меня были неприятности? Я этого не хотел! Как это произошло? Я ничего не помню...

- Видишь всех этих ухмыляющихся людей?

- Ты хочешь сказать, что они все насмеются надо мной? – Жанвилль казался уже совсем трезвомыслящим.

Начальнику караула показалось, что в этот момент у Гастона-шута снова началась фаза ясного рассудка. Поэтому он прошептал: – Да, они ухмыляются из-за тебя, потому что ты только что хотел увидеть задницу подстилки Линаре! Дружище, прошу тебя, исчезни!

- О Боже, – пробормотал Жанвилль. – он же посадит меня под арест.

- Нет. Ты герой, к тому же юродивый. Вот приехала машина, она отвезет тебя в лазарет. Сделай мне одолжение – отправляйся туда и оставайся там!

Это был санитарный автомобиль, который вызвал портье «Метрополя». Его бригада знала Гастона. Без проволочек они взяли его и погрузили в машину. Тут водитель сказал Гастону, что в лазарете его ждет его старый товарищ комендант Прюнель, на партию в ежедневную игру в «очко», и карты для игры уже перетасованы.

Это помогло. Гастон поторопился, когда услышал о коменданте. На самом деле, голова его казалась достаточно ясной, и он в присутствии санитаров не вспоминал ни о Дунг, ни о маленькой китайке, только о Прюнелле, старом и одновременно очень умном и очень фаталистичном коменданте с ампутированной ногой.

Внутри губернаторского дворца, который вовсе не заслуживал этого высокопарного названия, потому что дом этот был обычным административным зданием в колониальном стиле, построенном с минимумом усилий, гости с бокалами шампанского болтали между собой, собравшись маленькими группками. На встречах подобного рода всегда происходило одно и то же: те, кто видели друг друга, говорили с только что увиденным партнером о тех, кого в данный момент не было видно.

Генералу Наварру, будущему главнокомандующему, Салан, которого он сменил, представил тех высших офицеров, каких Наварр еще не знал. Почти все они без исключения в ближайшие недели тоже будут паковать свои чемоданы. Наварр знал это и приветствовал их с тем сдержанно-вежливым дружелюбием, которым пользуются во всем мире, чтобы скрыть отсутствие интереса. Команда Салана, прибывшая во Вьетнам еще при его предшественнике

генерале де Латтр де Тассиньи, которому тоже ничего не удалось сделать, отработала тридцать месяцев своего срока колониальной службы, и тем самым выполнила условие необходимое либо для продвижения по службе, либо для ухода на пенсию. Кроме того, Салан умело успел предупредить своих сослуживцев о том, что Наварр никогда не служил на заморских территориях. Каких же успехов смог бы достичь опытный колониальный офицер под управлением такого неопытного в местных условиях начальника?

Коньи, бригадный генерал с фигурой Геркулеса, был единственным из высокопоставленных офицеров, который хотел бы остаться. Он делал это не ради Наварра – его он почти не знал. Но ему нравилось служить здесь. Это была война, приносящая мало толку, но она поднимала офицера до положения восточного паши, власть которого в месте дислокации была почти неограниченной. Все было в его распоряжении – от опробованного в Корее американского оружия до вполне достаточного жалования, удобных условий жизни и до баб, которых тут можно было буквально купить. За деньги, которых в Париже хватило бы лишь для того, чтобы заплатить чистильщику ботинок, тут можно было содержать любовницу целый месяц.

Коньи не знал, что Наварр еще в Сайгоне через своих доверенных лиц все узнал о кадровых изменениях в своем командовании, запланированных на ближайшее время. Он подготовил уже замену не только для Линаре, но и кандидатов на посты начальника штаба в Сайгоне и командующего авиацией.

Для Коньи Наварр предусмотрел должность командующего войсками в Тонкине. Он считал его опытным офицером, с которым вполне можно работать при условии, что его приободрить. Наварр был умен, чтобы понять, что нельзя отказываться от такого опытного человека, как Коньи. Он знал, что его знания этого театра войны, состоящего из джунглей, непроходимых гор, болот и топких рисовых полей с немногочисленными городами и бесчисленными маленькими и всегда враждебными деревнями, с невыносимой жарой и напоминающими всемирный потоп муссонными дождями, с москитами и змеями, с крестьянками, бросающими гранаты, и метко стреляющими детьми, слишком ограничены.

В Париже его отозвал с поста начальника штаба сухопутных войск НАТО в Западной Европе сам премьер-министр Рене Майер. Гражданское лицо, Майер, казался генералу совершенно беспомощным, когда описывал положение в Индокитае: красные, контролируемые войсками Вьетминя области, занимали все большую часть Вьетнама, беспорядки в Камбодже и опасность для всего северного Лаоса, исходящая от войск Патет-Лао, союзных вьетнамских коммунистов Хо Ши Мину и координирующих с ним усилия, направленные на полное освобождение стран Индокитая от французского господ-

ства. Уже почти десятилетие идет там война, и лишь самые закоренелые оптимисты все еще считали победу Франции возможной.

- Это трудная задача, мой генерал, – сказал Майер. – Война без линии фронта, как учат в Сен-Сире или любом другом военном училище. Каждый курстарник – это фронт, каждая улица, терраса каждой гостиницы. И каждый оборванный кули – потенциальный враг. Пот и кровь – вот все, что я могу вам предложить. Мы не сможем искоренить этих парней. Уже никогда не будет так, как было раньше. Но нам нужен успех. Он должен выглядеть так, что Хо Ши Мин будет вынужден принять наши требования о сохранении связи Вьетнама с Францией. Это сделает возможным включение Вьетнама во Французский Союз, и мы выиграем хоть что-нибудь, пусть и немного. Но большее уже невозможно, мой генерал, поэтому вы должны достичь немногого. И это не должно длиться долго. Наши средства уже истощились. Сегодня нас поддерживают США в такой мере, которая вызывает серьезные опасения не только лично у меня...

Насколько серьезно и верно все это было, генерал Наварр понял быстро, стоил ему лишь научиться в общих чертах осознать обстановку в Сайгоне: два миллиарда старых франков стоила в день эта военная авантюра, которую большинство французов уже гневно окрестило «грязной войной». Войну вели 125 тысяч человек в регулярных французских войсках, не считая подразделений Иностранного легиона, вместе с 300 тысячами местных наемников и насильно мобилизованных вьетнамцев. С 1945 года в Индокитае погибло 25 тысяч французов и солдат Иностранного легиона, еще 20 тысяч пропали без вести. Цифры потерь местных вспомогательных войск почти достигли такого же уровня. Дома не прекращались массовые протесты против переброски войск в Индокитай; улицы городов регулярно заполнялись демонстрантами, требовавшими окончания войны. Надежда, так, по крайней мере, казалось, была лишь на США. Американцы с 1950 года влезали в эту войну все сильнее, чтобы, как они это представляли, помочь Франции выиграть свой антикоммунистический поход в Индокитай.

Генерал Наварр знал, что его шансы в огромной степени зависят от американской помощи. Но, как и многие другие французы, он давно понял, что США на самом деле пытаются своей «помощью» более или менее мягкими методами отстранить Францию и взять Индокитай в свои руки. Это и было подоплекой «Договора о взаимной обороне Индокитая», подписанного американцами с обедневшей Францией в 1950 году.

С тех пор в Сайгоне разместились так называемая Комиссия американских советников, с энтузиазмом проводившая свою собственную политику с местными коллаборационистами. Но все-таки во Вьетнам ежемесячно прибывало не менее 6000 тонн американских военных грузов; уже было поставлено более трехсот самолетов, свыше тысячи танков, броневиков и других машин, а

также постоянно недостающие боеприпасы и стрелковое оружие. Точные цифры были неизвестны, но вполголоса поговаривали, что США уже инвестировали около двух миллиардов долларов и несут две трети всех расходов на эту войну. Но вот счет за все это, опасался Наварр, Франции они предъявят уже очень скоро.

«Защита свободного мира» – таков был лозунг американцев. Широкомасштабная спекуляция, скрывающаяся за этими словами, никогда открыто не упоминалась, но не было ни одного французского командира в Индокитае, который бы о ней не знал.

Наварр привнес на свой новый пост изрядную долю честолюбия. В конце концов, именно здесь он мог доказать, что сможет превзойти своих предшественников – не последних людей в военной иерархии Франции.

Он поднял глаза, когда Верховный комиссар Летурно передал ему только что поступившую из Парижа телеграмму. Ее содержание не ошеломило генерала. То, что там было подтверждено, он сам устроил из Сайгона, где был всего несколько дней назад.

- Вызовите Коньи, – приказал он своему адъютанту.

Бригадир тут же вырос перед ним, производившая впечатление фигура, никогда не забывавшая о военной выправке. Его камуфляжный комбинезон несколько отличал его от расфуфыренных гостей, рубашки которых насквозь пропитались потом, образовавшим темные влажные пятна. Наварр улыбнулся. Но сразу же стал серьезным, потому что любая улыбка превращала его лицо в рожицу фавна. Тут же он услышал: – Бригадир Коньи, я по поручению правительства Республики присваиваю вам звание дивизионного генерала!

Наварр передал ему телеграмму, потому что нужный для официального производства в чин документ еще не прибыл. Потом он взял с руки своего адъютанта несколько экземпляров третьей звезды и передал их Коньи.

Коньи пожалел, что снял свое кепи и не может отдать честь, как подобает по уставу. Он любил фотографии, изображавшие его на церемонии поднятия флага, с рукой у козырька, выше по росту всех остальных. Аура значительности! Теперь ему пришлось удовольствоваться тем, что, прижав подбородок к груди, громко и четко заверить Наварра в том, что он оправдывает оказанное ему высокое доверие.

Не было заметно, чтобы он так уж сильно благодарил. Это было бы не в стиле Коньи. Он давно ждал повышения в звании, и все, что оказало на него впечатление, было лишь то обстоятельство, что его производство в дивизионные генералы было одним из первых действий Наварра на его новом по-

сту. За этим стоял трезвый расчет, что теперь, когда все «старрики» уезжают домой, он, Коньи, остается самым опытным командиром на ТВД и поэтому самым близким советником Наварра по всем важным вопросам. Наварру нужно иметь в его лице надежного и доверенного советника!

Как быстро Наварр перешел к делу, выяснилось уже через несколько минут. Вспотевшие музыканты в конце зала после исполнения нескольких маршей сделали перерыв и потянулись к бокалам с пивом. Наварр сделал знак Коньи: – Мне нужно с вами поговорить.

Адъютант позаботился о том, чтобы они смогли усесться за столик, стоявший в отдалении от толпы, и могли поговорить спокойно.

- Кстати я назначу вас командующим всеми нашими войсками в Тонкине, – начал Наварр. Он покачал головой, когда Коньи захотел выразить свою радость по этому поводу – Поговорим здесь о вашем задании. Война стала несколько непредсказуемой, не так ли?

Коньи объяснил, что дельта Красной реки, самая многолюдная, богатая рисом и самая важная для транспортировки грузов местность, в какой-то мере защищена построенными повсюду бункерами, из которых контролируется окружающая местность. Он выразился осторожно, употребив слово «в какой-то мере». Этот новый главком не был глуп; он и сам видел, как обстоят дела.

- Я все время размышляю, – продолжал Наварр, – не ошиблись ли мы, избрав для себя исключительно оборонительную тактику, которая не принесла нам успеха. Мы мобильная армия, подвижная, обученная вести наступление. Почему мы засовываем наших солдат в эти бетонные коробки, чтобы они там толстели и ленились? Не кажется ли вам, Коньи, что нам пора вернуться к наступательной войне?

Новоиспеченный дивизионный генерал покачал головой в знак сомнения: – Я не знаю, мой генерал, возможно, что пора. Но это не обычная страна, а Вьетминь – не обычная армия, которая так просто пойдет на прямое сражение. Как часто в прошлом мы прочесывали какую-либо местность, очищали от противника – с одними тем же результатом – через пару недель все возвращалось на круги своя! В дельте мы делаем все, лишь бы не потерять контроль.

- Я имею в виду не тысячи маленьких атак, Коньи, – перебил его Наварр. – Для меня речь идет о стратегическом наступлении, способным переломить ход войны. Вместо того чтобы постоянно защищаться от Вьетминя, мы должны постараться нагнать на них страху, действуя именно там, где они чувствуют себя в безопасности, в глубоком тылу, где находятся их резервы.

- У вас уже есть практические предложения?

- Пока только идеи, – ответил Наварр. – Но в ближайшие дни я узнаю от авиаразведки, как обстоят дела на самом деле. Здесь, мне кажется, слишком долго спали.

- Одно, в любом случае, несомненно, – объяснил ему Коньи со всей силой убеждения, – на наступление на дельту, Ханой и Хайфон красные не отважатся. Ни сейчас, ни позднее. Тут нам помогает местность, здесь мы можем воспользоваться нашим превосходством в технике и в вооружении. Дельта надежно защищена!

Наварр задумчиво кивнул: – Я думаю, Вьетминь не так уж интересуется дельта, по крайней мере, в настоящий момент. Они предпочитают воевать в горных районах севера, в джунглях, где всегда могут найти надежное укрытие. Там они могут спокойно тренировать свои войска, готовясь к наступлению, там проходят их линии обеспечения вплоть до самого Китая. Не должны ли мы помешать этому их спокойствию?

Коньи пришлось признать, что в этом и заключается суть проблемы. А Наварр продолжал свои рассуждения: – Посмотрите, как развиваются события в Лаосе. Там сверху, в областях, граничащих с тылом Вьетминя, в двух важнейших провинциях уже правят красные, которые называют себя Патет-Лао. Их поддерживает Вьетминь. Вы держите в голове карту? Представьте себе военный потенциал, который складывается там! Весь север – крепкий единый красный блок...

- Ну, – возразил Коньи, – у нас и на юге, в центральных горных районах, и в Сайгоне мы тоже видим большую концентрацию сил Вьетминя...

Это подтвердил Наварр. Он уже вошел в курс дела.

- Мне об этом сообщали. Этим красным силам на юге достанется наш следующий удар. У нас должен быть безопасный тыл, если мы перейдем в наступление на севере. Это значит, юг нужно решительно вычистить.

Коньи показалось, что Наварр хотел провести своего рода фронтальную зачистку, вроде как бы раздавить катком противника с юга на север. Это показалось ему таким бессмысленным, что он еще раз осторожно переспросил, как следует ему понимать фразу о том, что на севере нужно перейти в наступление. Наварр заверил его, что он вовсе не думал о тактике фронтального наступления. Он точно знает, что характер страны не позволит это осуществить.

- Окончательно очищенных областей не будет, Коньи, – сказал он. – Этого мы никогда не добьемся. Но ведь мы мобильны. Мы сможем захватить и удержать важнейшие позиции и навязать противнику сражения, где мы хотим. То, что вы делаете в дельте, в принципе правильно, но только нужно

последовательно довести это до конца: создать укрепленные пункты; систему бункеров, укреплений, фортов в стратегической связи друг с другом, да. Но – потом не ждать, пока рядом пройдет пара вьетнамцев, чтобы мы смогли пристрелить их. Нет, именно с этих укрепленных позиций мы должны действовать наступательно! Проникать за позиции противника! Прорывать его линии, громить его тылы! Вызывать хаос! Заставить его самого перейти к обороне, ударами вооруженных отрядов отбросить его в области, которые противник считает безопасными. Вот такой будет моя стратегия. И знаете почему?

Коньи предпочел утвердительно кивнуть. Эта стратегия была слишком хороша, чтобы быть реализованной во Вьетнаме. Имеет ли этот новичок из Европы представление о том, каких потерь в людях – погибших, раненых, больных, уставших, и потерь в технике стоит лишь одно продвижение дальнего патруля всего на 20 километров вглубь территории, контролируемой Вьетмином? И может ли он себе представить, как скоро выздоровевшие после возвращения из похода солдаты снова захотят вернуться на свою опорную базу?

Так как Коньи ничего не сказал, Наварр пояснил ему: – Вот причина: если мы будем бить Вьетмина на его собственной территории, если мы так сильно измощаем его своими продвижениями, пока он не будет больше верить в свою победу, тогда придет момент, когда они откажутся от борьбы и примут условия, продиктованные нами.

- Какие? – захотел узнать Коньи.

- Мы будем щедрыми, – ответил Наварр. – Мы не будем их уничтожать, не будем требовать их роспуска. Они только должны будут подчиниться управляемому нами центральному правительству в Сайгоне, а оно примет решение, что Вьетнам, также как Лаос и Камбоджа, станет независимым, но в составе Французского союза.

- Но, – возразил Коньи, – Сианук, хитрый лис, как раз сейчас старается выйти из этого союза?

- С принцем Сиануком будут разбираться совсем другие люди, не мы.

- А император из ночного клуба, как его называют местные жители, этот Бао-Дай в Сайгоне тоже недавно заявил, что Вьетнам хотел бы выйти из союза, разве не так?

Наварр кивнул в знак несогласия: – Он согласится, как только мы проясним наши отношения военным путем. Когда мы гарантируем ему безопасность, чего сейчас нет. Ему тогда останется один выбор: либо согласиться, либо отречься.

- Но проблема Лаоса остается, – заметил Коньи. – Вы сами сказали, что на севере и на северо-западе накапливается большой потенциал. Как я припоминаю, именно в эту зону коммуникаций все больше стекаются неконтролируемые китайские военные поставки.

- Я знаю! Поэтому северные области Вьетнама, граничащие с Лаосом, заслуживают особого моего внимания. Какие там у нас силы?

- Лай-Чау [Лайтяу], – ответил Коньи, – укрепленный пункт. Почти постоянно блокирован. И несколько разбросанных внешних постов. В основном, деревянные бункера с небольшими гарнизонами.

- Рейды?

- Мой генерал, для этого все эти посты слишком слабы. Мы все время сталкиваемся с угрозой, что пока мы ведем наступление, противник воспользуется шансом, чтобы захватить наши еще более ослабленные форты.

- Тут поможет только усиление постов!

- Верно, – согласился Коньи, никак не высказываясь о самой возможности такого усиления.

Наварр продолжал размышлять. – Это невыносимое положение, что от Сон-Тая до Луангпхабанга [Луанг-Прабанга] мы не имеем ничего, кроме пары внешних постов, постоянно находящихся под угрозой нападения противника. Жалкое зрелище!

Коньи заметил с легкой иронией: – Но в Луангпхабанге по-прежнему сидит не только покрытый известью лаосский король Сисоват, но и тысячелетний Будда, а он-то и защищает страну!

Но Наварр не любил шуток. Он поставил Коньи деловой вопрос: – Думал ли кто-нибудь в апреле всерьез, что этот Будда сможет сдержать Патет-Лао и Вьетминь, когда они устроили привал в дюжине миль от королевской резиденции?

- Никто! – пришлось признать Коньи.

- Как эти парни так быстро добрались аж до Меконга? Это ведь больше ста километров по прямой от их баз!

Коньи спокойно разъяснил: – Они продвигались тремя группами, каждая по долине реки. Неплохая тактика. Они использовали реки У, Сен и Кхан, все три текут по направлению к Луангпхабангу.

- А мы? Я думаю, у нас есть что-то южнее, в так называемой Долине Глиняных кувшинов, там ведь стоит целая дивизия?

- Главнокомандующий нашими войсками в Лаосе не отдавал ей приказа на выдвижение. Они уже были окружены с трех сторон; результатом был бы лишь кровопролитный бой.

- А что бы вы делали на его месте?

Этот прямой вопрос ошеломил Коньи, но он быстро нашел ответ: – Я бы начал наступление. Всеми силами, которые смог бы мобилизовать... Если бы Патет-Лао наступали еще один день, они бы взяли не только Луангпхабанг, они бы дошли до Меконга, мой генерал, и тогда у них в руках оказалась бы идеальная линия подвоза на юг. Тогда они смогли бы так снабжать свои войска на юге, что наши проблемы оказались бы совершенно неразрешимыми.

- Но почему же они остановились на расстоянии вытянутой руки от цели?

Коньи пожал плечами. – Было ли это целью? Они неохотно ввязываются в бои за большие города. Даже если они их возьмут, им будет трудно их удерживать. И Вьетминь, и Патет-Лао ведут войну не по тем принципам, которым учат в Сен-Сире. То, что нам кажется непонятным, с точки зрения противника совершенно логично. Лично я думаю, что они хотели расширить контролируемые ими области северного Лаоса так, чтобы вызвать к ним внимание, но не настолько, чтобы подвергнуться угрозе со стороны нас или королевских войск. Вьетминь, а возможно и Патет-Лао, очень реалистичны в оценке своих возможностей. Они избегают любого ненужного риска. А имя большого города ничего для них не значит.

- Можете ли вы себе представить, что случилось бы, если бы мы только с двух или трех мощных опорных баз ударили бы по этим трем маршевым колоннам Патет-Лао нашими сильными рейдовыми группами? Мы бы внесли такое смятение в их тылы, что им потребовались бы месяцы, чтобы прийти в себя!

- Предпосылкой были бы именно сильные опорные базы, – заметил Коньи. – Но есть еще один аспект. Мы заметили, что вооружение и оснащение красных быстро улучшается.

- Красный Китай?

- Да, наша разведка считает, что это снабжение осуществляется через Ланг-Сон. Там проходит Индокитайская железная дорога. Автодороги тоже там есть. Многие из нас забывают, что Вьетминь давно уже не изолирован. За ними стоит дружественная ему держава.

Наварр немного помолчал. Казалось, что он слушает вновь заигравшую музыку. У стола появился Салан, спокойный, немного развеселившийся, увидев серьезные лица обоих генералов, пытавшихся решить проблемы. Он передал Наварру сообщение, что пара дам были бы очень рады быть ему представленными. Жены колониальных чиновников, большую часть своего времени в Ханое уделявшие придиркам к своим вьетнамским служанкам и покупкам антиквариата в переулках и на рынках. Наварр поднялся. – Я приду.

Салан насмешливо заметил Коньи: – Ну, Коко, я тебя поздравляю. Со звездой, но и с твоей новой зоной ответственности. Тонкин – это самый большой учебный полигон Франции. И – новый командующий сделает из него показательное место. Выпьем за это по бокалу «Перно»!

Лазарет находился на озере Хоан-Кием, в центре Ханоя, большое белое здание с большими балконами и парком. Ходячие раненые здесь излечивались окончательно. Потом они или возвращались в свои части, или – если были непригодны к службе – возвращались во Францию, как только врачи решали, что на раненого его сограждане дома уже смогут смотреть без ужаса.

Доктора, за исключением двух американцев, изучавших здесь определенные, не очень часто встречавшиеся ранения, были французы, как и средний медицинский персонал. Только некоторые должности среди низшего персонала были заняты аборигенами. Из них состоял и кухонный персонал, за исключением шеф-повара. В основном это были жены солдат, служивших либо в войсках Бао-Дая или непосредственно под французским командованием.

Гастона Жанвилля в госпитале знал каждый – от главного врача до водопроводчика. Когда его снова привезла санитарная машина, его уже ждал на входе один из помощников повара и сразу сказал, что месье комендант был бы очень расстроен из-за того, что Гастон не пришел на обещанную игру в карты, а сейчас он ждет в комнате для игр.

Комендант Прюнелль, коренастый, краснолицый бретонец, сидел в пижаме за одним из маленьких столиков и пытался отстегнуть протез, заменявший ему левую ногу. Протез был плохо подогнан, кроме того, культя еще очень болела. Поэтому комендант снимал деревяшку всегда, когда ему не нужно было ходить. Но сейчас у него возникли трудности с крепежной шиной, и он так разозлился, что просто швырнул протез, как только ему удалось от него освободиться. Как раз в этот момент Гастон Жанвилль весело вошел в комнату. Протез угодил ему в живот, у Гастона от удивления глаза полезли на лоб и он, подойдя поближе, спросил: – Эй, Поль, не хотел ли ты меня лишиться мужского достоинства?

Комендант только прорычал: – Этого мне не удастся. Ты даже и с одним яйцом станешь королем на Рю Блондель. Что, ты снова устроил свою игру с обезьяньим укусом?

- Тсс! – прошипел испуганно Гастон Жанвилль. Он огляделся, но дверь была закрыта, и кроме них никого в комнате не было.

- Меня до сих пор удивляет, что они еще принимают твои представления за чистую монету. Даже врачи! Главврач как раз перед звонком просил меня успокоить тебя во время игры.

- Ну, так сделай это! – удовлетворено ухмыльнулся Жанвилль. Он схватил уже приготовленную колоду, перетасовал и раздал, пока его собеседник на второй карте не поднял руку – заранее договоренный знак. При игре в карты они оба редко разговаривали. Но сегодня было иначе. Когда комендант открыл две свои десятки, Жанвилль удивил его двумя тузами. Комендант провел черточку на листке, потом покачал головой и сказал: – Мне бы твою удачу! Но – берегись, если она вдруг тебя оставит!

Он имел в виду не столько карты, сколько то, что вытворял Жанвилль в Ханое с тех пор, как стал считаться выздоравливающим с очень малой надеждой на полное выздоровление.

Они оба встретились в первый раз еще в Алжире, потом начавшаяся Индокитайская война привела их сначала в Сайгон. В то время Гастон Жанвилль еще был подчиненным коменданта, и как раз в те дни в бою впервые комендант был ранен выстрелом в плечо. Рана ужасно кровоточила. Жанвилль, которого тоже ранили, но легко, вытащил коменданта из-под обстрела, перевязал и позаботился о том, чтобы санитары как можно быстрее перевезли его к перевязочному пункту. Комендант с тех пор считал Гастона своим спасителем и очень жалел, когда того перевели на дальнейшее патрулирование в Лаос. Они снова встретились здесь в Ханое, в лазарете, когда Гастона Жанвилля уложили на свободную койку рядом с комендантом и попросили старшего офицера немного позаботиться о нем. Этот человек был полностью не в себе, его следовало бы связать, но как раз этого и хотелось бы избежать.

Комендант, наслаждавшийся привилегией двухкочной палаты, потому что главный врач порой приходил поиграть с ним в карты, сразу же узнал Гастона, но капитан был без сознания, измученный желтухой и, очевидно, тронувшийся умом. Так продолжалось несколько дней, пока однажды вьетнамка-медсестра утром не присела на его кровать, чтобы проверить пульс. Тогда Жанвилль впервые заговорил. Он попросил девушку: – Покажи мне твою задницу, чтобы я узнал, не Дунг ли ты!

Комендант встал и посмотрел на безразличное лицо Жанвилля. Неужели у парня нервный срыв? Медсестра испуганно убежала. Через какое-то время

комендант спросил своего соседа: – Эй, Гастон, почему ты так испугал девочку? У тебя что, не все дома?

Это был первый и, наверное, единственный раз, когда Жанвилль потерял самообладание. Он посмотрел на соседа, узнал его и взволнованно прошептал: – Поль, ты! Они снова попали в тебя? Куда на этот раз? Комендант молча убрал одеяло, и Жанвилль увидел, что у коменданта нет ноги. И комендант так застонал, что Жанвилль, которого тот знал как очень мужественного солдата, вдруг заплакал.

- Что с тобой? – недоверчиво спросил комендант. – Ты на самом деле «того»?

- Но у нее... след от укуса обезьяны на ягодице! – попробовал Жанвилль еще раз. Но коменданта не так легко было запутать. Он сказал приглушенным голосом, хотя кроме них никого в палате не было: – Оставь свой цирк, малыш. Ни один псих не плачет, когда встречает друга, которому оторвало ногу. Ну, как – в чем же дело? Все надоело?

После долгой паузы Жанвилль, наконец, ответил: – Поль, мое терпение лопнуло. Я больше не могу.

- Лаос?

- Не только. Все.

Тут одноногий комендант узнал, что Гастон во время своего долгого одиночного перехода, когда он уже был недалеко от бывшей укрепленной линии французов у Хоа-Бинь, на Черной реке, заболел. Мучаясь от жара, он спрятался в кустарнике между обломков танков и пушек, потерянных здесь в боях год назад, и хотел умереть. Когда он пришел в себя, то оказался лежащим на бамбуковой циновке, в домике на сваях. Через какое-то время появилась древняя старушка из племени муонг, которое проживало здесь, и принесла ему похлебку с горьким вкусом. Он был в безопасности, сказала она ему, но должен выпить, и тогда болезнь уйдет. Жизнь человеческая дорога, сказала она ему, и из врага всегда может выйти друг. Странно.

- Желтуха прошла, – рассказывал Жанвилль. – Я встал на ноги. Люди в поселке были очень добры ко мне. Они говорили, что я могу остаться у них. Мне не нужно возвращаться к чужеземным воинам. Я помогал им на разных работах, потому что мужчин в деревне было очень мало. Бабушка, ухаживавшая за мной, хотела, чтобы я женился на ее внучке, я чувствовал это. Она была наивной, но такой добродушной, каких я никогда не встречал. Внучка была в милиции Вьетминя. Она думала, что я дезертировал, и предложила мне остаться в деревне. Я долго пробыл там. Это мирные люди, и они заботились обо мне, как о собственном сыне. Когда я полностью собрался с силами, я ушел. Они не пытались меня удержать, они только сказали, что

если я захочу жить в мире, я всегда смогу к ним вернуться. Жизнь, как в другом мире, Поль...

- А девочка? Красивая?

- Ну, она мне нравилась. Но думаю, больше своим характером. Она была ко мне не просто дружелюбна, как относятся к гостям, она была доброй.

- Зачем же ты тогда ушел? Война заканчивается, это все чувствуют. И каждый умный человек чувствует, что мы ее проиграем. Если уж они ухаживали за тобой в деревне, пока смерть не отступила, ты правильно поступил бы, мой мальчик, если бы остался у них. Я бы на твоём месте остался. Как называется это гнездышко?

- Ксом-Донг.

- Никогда не слышал. А что ты хочешь здесь?

Жанвилль долго обдумывал свой ответ. Ему казалось, что он как бы вынужден открыть свои карты во время игры. Но комендант был его другом.

- Я хочу быть уволенным со службы в законном порядке, – объяснил он. – Процесс уже начался. Главный врач проверял меня; он не догадывался, что я понимаю все, что он говорил своей ассистентке. Он попросил ее подготовить запрос на мое почетное увольнение со службы по состоянию здоровья. Это с правом на пенсию и с билетом на корабль домой.

- Поэтому-то ты все время повторяешь номер с обезьяньим укусом?

- Я не могу продолжать поступать по-прежнему, – серьезно сказал Жанвилль. – Мы всегда знали, что это нечестная война. Самая грязная, которую только можно придумать: техника против людей, страдающих от голода. Только потому, что Франции не хватает доходов. Пойми, Поль, какое несчастье, когда узнаешь врага в таких обстоятельствах, какие выпали на мою долю...

- Или наоборот, счастье, – пробормотал комендант.

- Я думал, что буду защищать тут честь трехцветного знамени. Вместо этого я оказался пособником в грандиозной краже. Все прошло. После Ксом-Донга я при каждом своем выстреле буду видеть перед собой лицо старой бабушки из домика на сваях. С дыркой во лбу. Мог бы ты это вынести?

Комендант долго думал, а потом ответил:

- Я не вижу такого лица перед глазами, малыш. Но я все понимаю. Если дело обстоит именно так, то лучше всего для тебя – демобилизоваться. Мыслим вроде тех, что в твоей голове, парализуют солдата в самый ответственный момент. А результат в большинстве случаев один – солдат мертв. Продолжай свой номер, даю тебе слово, что я тебя не выдам. Я тоже скоро буду дома и там я смогу долго размышлять, стоило ли все это моей ноге...

Появился врач. За его спиной была видна испуганная медсестра. Жанвилль закрыл глаза.

- Он буйствовал, как я слышал?

- Чепуха, – проворчал комендант. – У него не в порядке с головой. Чокнутый. Я многих таких встречал. Он ни к чему не годен. Но не опасен. Он ничего никому не сделает плохого.

- Это если нам придется принять по отношению к нему меры безопасности, – заметил врач.

Но комендант покачал головой. – Безвредный шут. Я присмотрю за ним, чтобы он не выпрыгнул из окна. А сестра пусть успокоится.

Вскоре Жанвилль снова был на ногах. Гастон-шут, как называли его все в лазарете. Он бродил по городу, его узнавали все патрули. Гастон-шут стал одним из тысяч других явлений Вьетнамской войны; к нему начали привыкать.

Комендант раскрыл свой туз и десятку и поставил черточку на своем листке. Потом он сказал: – Главный врач хочет тебя видеть. Увольнение. Сестра мне рассказала. Бумаги уже пришли. Пароход уходит из Хайфона.

Когда Жанвилль радостно и удивленно взглянул на него, комендант продолжил: – Я буду скучать по тебе, мой мальчик. Передавай привет от меня тем быстро, в которых есть более порядочные красные, чем здесь!

Жанвилль бросил карты. У двери он поднял протез коменданта и бросил ему.

В приемной главврача он снова глупо ухмыльнулся и с напускной секретностью прошептал секретарше: – Я снова не нашел Дунг. Но я сегодня вечером пойду в дом пятисот девушек и попрошу их всех показать задницы...

- Да, да! – прервала его нетерпеливо секретарша. Она пододвинула к нему формуляр, на котором он должен был написать свое имя, затем передала ему направление в Хайфон. – Шеф, к сожалению, не смог вас увидеть еще раз. Ему пришлось уехать в главное командование Тонкина. Хорошего путешествия!

Гастон Жанвилль так и не попал в Хайфон. В то время, когда пароход оттуда направился в Сайгон, он уже находился в пятидесяти километрах к западу от Ханоя. Еще двадцать пять километров, и он будет в Ксом-Донге, деревне из хижин на сваях, такой же, как и все другие в Лаосе, где Жанвилль был еще солдатом. Девочка Ба, которая всегда носит с собой старинный французский карабин, будет там. Он объяснит ей, что теперь он свободен, без присяги какому-либо флагу и что он никогда не станет убивать людей в отдаленных деревнях. Он видел перед собой бабушку с почерневшими от жевания бетеля зубами, и был счастлив, что его мысли не омрачены дыркой от выстрела в ее лбу.

НАВАРР ЗАМАХИВАЕТСЯ ДЛЯ УДАРА

Штаб регулярных вооруженных сил Демократической республики Вьетнам находился в горах на освобожденном севере страны. Место было безопасным, потому что противник не мог своими силами вести действительно эффективную разведку. Все, кто тут работал, размещались в скальных гротах, дававших дополнительную защиту на случай возможного авианалета. Кроме того, местность охраняла целая сеть постов, разместившихся на большом расстоянии и не терявших бдительности.

Ань Чу был одним из солдат, обученных в новой народной армии. Раньше он был в местной самообороне в Ханое, а теперь считался опытным начальником охраны. До того, как стать солдатом, он работал слесарем-водопроводчиком. Он разбирался в трубах и сливных бачках, мог паять металл и нарезать резьбу. Кроме того, он вообще легко впитывал в себя любые знания и умения. Когда бы в его подразделении не было бы лекции, доклада или вечернего мероприятия, его всегда можно было бы найти там. Лишь недавно армейское командование направило лектора с серией докладов о создании республики, и поэтому Ань Чу неоднократно менялся со своими сослуживцами, лишь бы не пропустить ни одной фразы. В своем блокноте, отобранном у убитого врага, было множество пометок – Ань Чу умел писать, читать и считать. Он ходил в одну из секретных школ еще в то время, когда японцы оккупировали Вьетнам. В сентябре 1945года, когда была провозглашена республика, ему было тринадцать лет. В 16 он уже вступил в отряд самообороны. Когда он видел молодых солдат, вступавших в новые дивизии, то считал себя чуть ли не ветераном по сравнению с ними. Он провел столько боев, что уже не мог вспомнить все их подробности.

- Начальник караула! – позвали его. Он еще сильнее пригнулся в тени дерева баньян, чьи воздушные корни растут так плотно по направлению к земле, что образуют прекрасное укрытие. Через мгновение он смог увидеть, что это один из курьеров, поддерживавших постоянное сообщение между главным штабом и Ханоем. Часовой подвел курьера к нему.

Ханой, как и прежде, оставался центром партийной работы и основным центром разведки. Это была столица Демократической республики Вьетнам, даже если она все еще была оккупирована врагом. Курьер, похоже, сильно устал; он прислонился к стволу дерева и ждал. Его лицо казалось совсем бледным в свете Луны. Этот человек был уже не молод.

Подождал часовой. Ань Чу проверил курьера: – Пароль?

Тот ответил: Вьет-Бак.

Тогда Ань Чу вышел из темноты и поздоровался. Он должен был провести курьера к дежурному офицеру штаба, таков был приказ. Поэтому он только кратко спросил, все ли в порядке, и когда курьер заверил его, что слежки за ним не было, Ань Чу провел его по тайным тропинкам по непроницаемой местности к гроту, в котором находился дежурный.

Офицер выслушал доклад, позаботившись о том, чтобы курьеру дали теплой питьевой воды, и предложил ему сигарету. Все сообщения передавались только устно. Таким образом, врагу не мог попасть в руки ни один документ, которым тот мог бы воспользоваться.

Было начало лета. Днем температура поднималась выше тридцати градусов, но по ночам, особенно в горах, было довольно холодно, поэтому люди из долин, особенно из дельты Красной реки, районов вокруг Ханоя, сильно мерзли. Ань Чу принес курьеру одеяло, который тот смог повесить на плечи. Он и сам еще не привык к холодным ночам в горах. Уходя на ночное дежурство, он натягивал на себя всю одежду, которая у него была.

Ань Чу знал, что у курьера была лавка в Ханое. Еще до того, как японцы оккупировали Индокитай, этот незаметный человек сражался против французов. Его лавка была превосходным прикрытием. Доживет ли он до того времени, когда мы окончательно прогоним французов? – спрашивал себя Ань Чу, проползая под воздушными корнями баньяна. Он вспоминал, как тринадцатилетним стоял на площади в Ханое, тогда, 2 сентября 1945 года, когда Хо Ши Мин провозгласил конец колониальной эры и основание независимой Демократической республики. Весь Ханой был тогда на ногах. Ань Чу нес картонный щит с надписью «Док Лап» («Независимость»). Другие держали плакаты с именем Хо Ши Мина.

– Наша республика приближается к своему восьмилетию, – рассказывал недавно лектор. – Восемь лет борьбы. И у этой борьбы давняя традиция. Вьетнам – первый колониальный регион в мире, в котором народ сам освободился и сам создал свое государство. Это событие всемирно-исторического масштаба! И мы станем примером для многих других народов колоний!

История! Ань Чу, если бы ему удалось еще раз сделать выбор, стал бы учителем истории. В истории народа всегда можно найти его настоящий характер, его силу и слабость, можно даже сделать прогнозы на будущее, если достаточно глубоко закопаться в прошлое.

Поэтому в блокноте Ань Чу почти не было заметок о нем самом и об его ежедневных делах. Он отмечал в нем все, что узнавал об истории развития Вьетнама, и от страницы к странице все явственнее прослеживались закономерности, в которые углублялся Ань Чу, когда у него было свободное время.

Когда он стал солдатом, он только знал, что нужно защищать родину от угрожавших вернуться французов. Теперь он знал много, что помогало ему видеть свои собственные усилия как часть того огромного исторического напряжения, которое далеко выходило за границы Вьетнама и даже всего Индокитая.

В 1940 году, когда босоногий Ань Чу по далеким закоулкам пробирался в тайную школу – часто совершенно уставший от работы на рынке, где он зарабатывал горстку риса, родина колонизаторов была оккупирована войсками Гитлера. Вся, кроме небольшого участка на юге, где маршал Петэн создал пронацистское правительство. Администрация индокитайской колонии склонялась именно к этой клике, и назначенный Петэном генерал-губернатор позволил союзным Гитлеру японцам тихо и постепенно оккупировать Вьетнам в качестве плацдарма для последовавшего год спустя их наступления дальше на юг.

Но еще раньше в преданной французской колонии начались первые вооруженные выступления вьетнамцев против японских оккупантов, в Бак-Соне, Ми-То и в других местах. Это были первые признаки будущего пожара. Из выживших после этих неравных боев бойцов образовались кадры подпольной армии, решительно борющейся за то, чтобы Вьетнам принадлежал вьетнамскому народу.

Политические партии и группы последовали за призывом Коммунистической партии Индокитая и объединились в единый фронт. Во главе Вьетминя стояли помимо знавшего мир коммуниста Хо Ши Мина, отсидевший семь лет во французском карцере Фам Ван Донг и учитель истории и философ Во Нгуен Зиап, которому принадлежит основная заслуга в создании военных предпосылок для дальнейшей борьбы за независимость.

В 1942 году Зиап начал формировать первые вооруженные группы сопротивления, освобождавшие от врага целые районы и создававшие в них свои опорные базы. Зимой 1944 года уже существовала первая воинская часть Вьетнамской Народной армии – серьезный противник японских оккупантов.

Японцы попытались нейтрализовать Вьетминь, вытаскив из чулана Бао-Дая, последнего отпрыска бывшей императорской династии, и назначив его главой государства в той области, которую они называли «Независимый Вьетнам». Но фарс не сыграл никакой роли: вооруженное сопротивление усилилось.

16 августа 1945 года произошел исторический перелом – было создано Временное правительство Республики Вьетнам, ее президент Хо Ши Мин призвал народ к всеобщей борьбе за независимость и потребовал от японских войск сложить оружие. Через три дня был освобожден Ханой. Бао-Дай в испуге подчинился Временному правительству. Через неделю и над Сайгоном, и над Хюэ развевались флаги Вьетминя – красное полотнище с золотой звездой.

«Вьетнам имеет право быть свободным и независимым, и он действительно стал свободным и независимым!». Эту фразу из речи Хо Ши Мина в Ханое Ань Чу записал в свой блокнотик, хотя он и так бы ее не забыл, как и все то, что с самого начала своего существования изменила Республика в жизни людей: отменила систему феодальных мандаринов, отменила произвольно налагаемые налоги, каждый получил право на труд, мог учиться и участвовать в решении общественных вопросов.

Французы вернулись в сентябре 1945 года, после того, как в Париже был назначен новый «Верховный комиссар» для колонии, которой де-юре уже не было. Франция проводила уже ставшую для нее привычной политику непризнания. Транспорты выбрасывали на берега Вьетнама десятки тысяч французских солдат.

Республике пришлось снова вести борьбу за независимость. Сам Хо Ши Мин призвал к этому, худой человек с явными следами перенесенных испытаний подпольной работы, дал нации приказ, в котором он сам не пожалел себя.

- Поднимайтесь на борьбу! – призвал он своих земляков. – Каждый вьетнамец, мужчина или женщина, старый или молодой, должен, несмотря на свою религиозную, национальную и партийную принадлежность, ради спасения Отечества бороться против французских колонизаторов. У кого есть винтовка, пусть вооружится этой винтовкой. У кого есть меч, пусть вооружится мечом. Если у вас нет и меча, вооружайтесь мотыгами, лопатами и палками...

Вскоре сердцем сопротивления стал север Вьетнама, особенно его горные районы. Но и в центре и на юге страны тоже появились освобожденные территории. Тактика Народной армии состояла в том, что небольшие, действующие партизанскими методами отряды не давали противнику покоя повсюду, угрожая ему там, где был возможен успех. А регулярные, часто еще только обучающиеся части Народной армии, напротив, уходили от ударов противни-

ка и наносили свои удары там, где французские войска отдалялись от своих линий снабжения или попадали на невыгодные для обороны позиции.

Это не изменилось и после того, как французы начали применять новую тактику: повсюду, куда они приходили, они устраивали бункеры и укрепленные пункты, которые должны были действовать как сеть, наброшенная на страну. Этим они надеялись парализовать сопротивление. Но вышло как раз наоборот, потому что Вьетминь под гибким руководством Хо Ши Мина, Труонг Чиня, Фам Ван Донга и Во Нгуен Зиапа быстро перешел на мобильную тактику и сам изолировал укрепленные пункты, ставшие для противника ненадежными островками.

В 1951 – 1952 годах, когда Вьетминь уже располагал четко организованными дивизиями, действовавшими в широком масштабе с защищенных опорных баз на севере, произошло сражение за город Хоабинь на Черной реке (там пересекаются дорога на запад от Ханоя по направлению к Лаосу с важной транспортной артерией, идущей на юг). Серия боев, в которых французы задействовали тяжелую артиллерию, танки и самолеты, закончилась мучительным поражением колониального войска. С тех пор французские солдаты прозвали Хоабинь «мясорубкой».

Теперь на всем севере у Франции была лишь одна почти полностью блокированная система опорных пунктов на севере Лаоса, а также опорные пункты в районе дельты Красной реки, с Ханоем и Хайфоном. Еще в джунглях на северо-западе был опорный пункт Лай-Чау, а на границе с лаосской провинцией Сам-Нёа [Самныя] находился такой же форт в глубоких джунглях, На-Сан. Лишь на побережье центрального Вьетнама у французов были прочно удерживаемые районы. Между этими укрепленными пунктами, на которые опиралась французская армия в войне, простирались сотни километров неконтролируемых дорог и освобожденные, занятые частями Народной армии, территории.

Условия, в которых воевала армия вьетнамского государства, решительно изменились: стала возможной активная оборона, и начали намечаться предпосылки для крупномасштабного контрнаступления.

Через день после прибытия в штаб курьера из Ханоя все штабные офицеры и несколько войсковых командиров собрались за длинным деревянным столом в скальном гроте. На потрескавшихся стенах висели карты. Генерал Зиап приветствовал старых соратников по борьбе, приехавших из далеких мест. Атмосфера была бодрая, дружеская, и настроение еще больше улучшилось, когда вошли Хо Ши Мин и Труонг Чинь. Даже на свадьбе не бывает больше шума, подумал Ань Чу, взглянув в грот, у входа в который он стоял на посту. Но потом внезапно все стихло. Труонг Чинь открыл совещание: – Товарищи,

мы собрались, чтобы посоветоваться о продолжении борьбы осенью и зимой 1953 -1954 гг.

Он проинформировал присутствующих об изменениях в мировой политике, в основном о том, что советской дипломатии удалось убедить западные державы, наконец, пойти на мирную конференцию, где решался бы не только вопрос Кореи, но, прежде всего, об окончании войны в Индокитае. Труонг Чинь был краток. Он сказал: – Несмотря на все это, нам еще предстоят месяцы боев. Противник хочет добиться решения еще до конференции, он хочет видеть нас на коленях к моменту начала переговоров. Этот план нам нужно сорвать. Товарищ генерал Зиап сейчас выскажет свои предложения по стратегии и тактике на следующем этапе войны...

Зиап тут же встал. Он сделал пару шагов, как будто хотел придать движение всему телу, потом окинул всех взглядом и начал, оперируя сухими цифрами, объяснять нынешнее соотношение сил на театре военных действий. Он буквально излучал энергию. То, что он излагал, было полностью продумано, и сам он выглядел задумчивым, будто рассуждал об этом снова и снова. Во Нгуен Зиап был человеком, который своей позицией заставлял думать и других людей.

Он начал с дельты Красной реки. – Товарищи, мы не можем дать противнику чувствовать себя в безопасности в этом районе. Я предлагаю усилить активность подвижных сил, чтобы он не смог отправлять оттуда свои войска в другие регионы...

После того как несколько командиров высказали свои соображения о возможностях активизации партизанских действий в дельте, Зиап продолжил: – Посмотрим на карты. Если нам удастся, несмотря на усилившиеся бои в дельте, вывести оттуда наши регулярные части, а также и из других областей, мы сможем использовать их под Лай-Чау, последним бастионом французов на северо-западе, так сказать, в плоти нашего освобожденного севера...

Среди собравшихся пронесся шепот. Была названа цель! Это было смелым предложением. Но Зиап уже продолжал: – Если мы атакуем эту изолированную базу, и возьмем ее, то сможем предложить нашим лаосским братьям по борьбе, у которых будет свободен фланг, вместе с вьетнамскими добровольцами наступать с их баз на юг, по направлению к центральному Лаосу. Это мгновенно и очень существенно увеличит общий вес освобожденного северного Индокитая...

Он подошел к одной из карт на стене грота и показал направления возможных ударов. Потом повернулся. Его глаза блеснули, когда он воскликнул: – А теперь – карты, которыми мог бы сыграть противник. Он может стерпеть наше продвижение, тогда мы многое выиграем. Но он может попробовать и

прорваться в наши северные и северо-западные области, чтобы нанести нам удар или прервать наше сообщение с Лаосом, тогда... мы сможем выиграть еще больше!

Он снова повернулся к карте. Его указка показывала места концентрации национально-освободительных сил. При этом он объяснял: – тут, тут и тут... мы можем быстро воспользоваться нашими регулярными войсками, и они смогут атаковать противника, как только он достаточно далеко оторвется от своих баз снабжения, и его преимущество в вооружении и технике будет во многом утрачено. Товарищи, именно тут может найтись самое важное решение для всей нашей борьбы!

Наступила пауза. Каждый размышлял над предложениями Зиапа. Потом начались вопросы, о вооружении и транспорте, о дорогах для быстрой переброски войск, и по-прежнему изучались висевшие на стенах карты.

Хо Ши Мин в расстегнутой темно-коричневой крестьянской рубашке прислушивался к разговорам. Он был горд тем, что у него есть такие офицеры как Зиап, Ван Тиен Дунг, все остальные, которых подняла народная революция. Они в борьбе научились военному искусству, которым, как считали французы, обладали якобы лишь они одни. Здесь в горах северного Вьетнама, выростали люди, которые могли решить не только повседневные задачи, они смогут и в еще отдаленном будущем привести страну к полной независимости и свободе.

- Воздушная тревога! – крикнул в грот, где проходило совещание, Ань Чу. Одновременно один из его часовых потянул за подвешенную снаружи пустую гильзу, которая звенела как колокол. Повсюду замерло движение. Стрелки быстро маскировались, медленно поднимая к небу стволы своих зенитных пулеметов. Приказано было стрелять лишь тогда, когда вражеские летчики будут непосредственно атаковать главный штаб.

Генерал Зиап не выпускал из руки карандаш, которым делал свои заметки. Он рисовал стрелы на карте, указывающие на Лай-Чау. В его распоряжении пять регулярных дивизий, думал он, значительный потенциал: 304-я, 308-я, 312-я, 316-я и 320-я. Потом еще «тяжелая», т.е. 351-я с двумя артиллерийскими полками, саперным полком, танками и другой тяжелой техникой. Эти войска, сформированные из бывших партизанских отрядов, нужно было уметь использовать. И нужно было обеспечить их снабжение. У Народной армии было очень мало грузовиков. Но и они должны были ездить только по ночам, чтобы не быть замеченными самолетами-разведчиками противника и не стать желаемой целью для его штурмовиков. Все, что было нужно воюющему подразделению, приходилось нести добровольным помощникам, называемым Дан-Конг. Многие из этих носильщиков были женщинами, некоторые помимо груза несли с собой младенцев. В последнее время удалось использовать

больше велосипедов. Их конструкция была так умно усилена, что велосипед мог везти целых шесть центнеров (т. е. 300 кг) груза. Но и велосипедов не хватало, хотя в освобожденных областях тысячи людей, не покладая рук, трудились над производством этого простого транспортного средства.

Сорокалетний человек с высоким лбом, командовавший войсками республики, покрутил карандаш между пальцев. Как раз сегодня во второй половине дня он видел колонну женщин-носильщиц, и, как очень часто, вспомнил, глядя на них, о судьбе своей жены. Она, как и он сам, напоминала своим землякам о независимости, вдохновляя их на борьбу. Французский суд в Ханое приговорил ее к пожизненному заключению. Она умерла в тюрьме, пока ее муж воевал в горах. С тех пор главнокомандующий непроизвольно отыскивал в женских лицах знакомые ему черты, смотрел вслед детям, как будто своим собственным.

Во Нгуен Зиап еще в молодости со свойственной ему настойчивостью изучал в Ханойском университете философию и право, потом был учителем истории в школе для молодежи. Он был убежден, что именно глубокое понимание истории воспитывает патриотов. И в них нуждался Вьетнам, если хотел выжить. Как давно это было!

Когда генерал узнал, что начальник караула при штабе ведет дневник, то попросил показать его ему. Вначале он хотел преподать солдату Ань Чу урок: боец не должен носить с собой дневник. Если он достанется неприятелю, тот сможет сделать такие выводы, от которых пострадают другие бойцы. Но когда Зиап прочел, что в дневнике собраны исторические реминисценции, заметки по истории Вьетнама, который французы представляли страной, не имеющей истории, он только похвалил Ань Чу и попросил его продолжать свое занятие.

Зиап снова обратился к карте. Черт бы побрал этот самолет! Он его не беспокоил. Даже если бы Зиап знал пассажира, сидевшего в самолете, вряд ли он бы разнервничался.

Генерал Наварр сидел рядом с пилотом в поставленной французам американцами «Дакоте» и смотрел через бинокль на землю. Через грязные окна кабины он видел огромные серо-голубые лесные просторы. Между ними серые вершины, расщелины с высохшей, ржаво-красной слоновьей травой. То тут, то там открывались долины, в которых можно было различить поселения; на склонах серели топкие террасы рисовых полей. И речные потоки были тут. Они блестили в лучах солнца как серебряные нити. Маленькие полоски желтой земли обозначали дороги, такие же узкие, как повозка, которую тянет буйвол. Страна без масштабов, думал Наварр, кавалерист, любивший механизированную войну – сметающее все на своем пути наступление с ударами стального кулака танков и гаубиц.

Где тут можно использовать танки? Местность совсем не подходит. Артиллерия? Собачья работа – доставить сюда пушки. Он начал представлять себе, как приходится воевать пехотинцу в этом хаосе древних деревьев, сплетении лиан, кустарнике, копать себе укрытие в гниющем подлеске. И что ему делать, если нужно не только укрыться самому, но и иметь простор для стрельбы? Тут никакие бензопилы не помогут...

- Вот здесь внизу они сидят, – обратил его внимание летчик, – где-то тут. Даже наши лучшие разведчики редко доставляют точные сведения.

- Мастера маскировки. Я слышал об этом.

- Не только. Они создали целую систему, чтобы прятать даже крупные части так, что не остается даже следа от шин.

- А причем тут шины? – иронично спросил Наварр. – Буйволиные упряжки?

- Велосипеды, – ответил летчик. Он летел по просьбе генерала на высоте всего шестисот метров, и чувствовал себя немного неуютно. – Кроме велосипедов у них есть почти все, что американцы оставили в Корее. Китайцы все это собрали и передали Вьетминю: 105-мм гаубицы, 81-мм минометы, безоткатные орудия, базуки и множество боеприпасов разного типа.

- А самолеты?

- Нет. Но есть 37-мм зенитные пушки. Очень неприятная штука.

Генерал обратил внимание на тонкую коричневую ленту, идущую на запад. Пилот объяснил, что это дорога на Лай-Чау. По ней можно ездить, но контролируют ее группы Вьетминя, наносящие из засад удары по каждому конвою. Лай-Чау был последним большим опорным пунктом французов на северо-западе. Когда это место показалось на горизонте, земляные валы укреплений, зигзаги путей сообщения, пулеметные гнезда, Наварр приказал сделать пару кругов и все еще смотрел на карту, разложенную на коленях. Наконец, он заметил летчику, провоевавшему здесь уже много лет: – Кто хочет проваться большими силами в Лаос, должен взять Лай-Чау, это точно!

- Но можно действовать и на 80 километров южнее. У Дьенбьенфу. Раньше она принадлежала нам. Внешний пост. Принадлежала, а сейчас там стоит полк Вьетминя.

- Дьенбьенфу? – генерал глядел на карту, пока не нашел на ней это место.

Пилот объяснил: - В буквальном переводе это означает «большой окружной город на границе страны». Не так, чтобы настоящий город. Скорее скопление поселков в довольно просторной долине. Дорога, которую вы видите, мой

генерал, там внизу, эта жалкая тропа, которую в некоторых местах вообще не видно, так она поросла травой, это так называемая тропа Павье. Начинается в Лай-Чау и идет через Дьенбьенфу в Лаос. Назвали ее так в честь некоего месье Павье, который сидел тут сверху, когда еще таи владели этой местностью. Это было давно. Тропа заканчивается где-то близ Муонгкхуа [Муонг-Куа]. В Лаосе. Там у нас тоже есть опорный пункт, как в Лай-Чау. Муонгкхуа достался в руки Патет-Лао 18 мая, но за это время мы снова его отбили.

- Тогда, когда я еще не прибыл в Сайгон, – думал Наварр.

Летчик показал ему на карте Муонгкхуа, потом нашел Лай-Чау, а потом еще один пункт в 150 км дальше на восток, под названием На-Сан. – Это были бы три важнейших бастиона, чтобы преградить Вьетминю путь в Лаос. Если бы мы могли контролировать территории между ними, то в Лаос смогли бы попасть только одинокие путники с ручной поклажей. Но Муонгкхуа практически отрезан.

- Но зато мы можем серьезно рассчитывать на Лай-Чау и На-Сан, не так ли?

- Да. Полетим к На-Сану, мой генерал?

- Я хотел бы посмотреть, да. Наварр подумал о том, что лишь несколько дней назад он получил из Парижа приказ любой ценой обеспечить безопасность Лаоса. Муонгкхуа мы больше не сможем удержать. Его снабжение слишком обременяет наши тыловые службы. Но Лай-Чау нам нужно отстоять. Это, если так можно выразиться, угловой столб от ворот в Лаос. Если мы вдобавок к нему, и кроме этого На-Сана, получили бы еще одну базу на западе, то смогли бы из стратегического треугольника высылать дальние патрули между отдельными укрепленными пунктами. Дьенбьенфу. Почему мы его потеряли? Большое место. Как можно было его сдать? Достаточно места для войск, тяжелого оружия, аэродрома, гарантировавшего снабжение, если даже пережут наземные коммуникации. Если бы у нас была Дьенбьенфу сегодня, то стратегический треугольник снова был бы полноценным, и это стало бы для Вьетминя смертельной ловушкой! Он посмотрел на карту. Машина набирала высоту.

- Почему мы поднимаемся? – спросил он летчика. – Не помню, чтобы я отдавал такой приказ.

Повинуясь, летчик снизился до прежней высоты, но сказал недружелюбным тоном: – Там внизу, мой генерал, находится Мок-Чау. И там стоят зенитки Вьетминя.

Наварр решил, что пару пулеметных очередей, которые мог бы выпустить какой-то босоногий абориген, не стоит принимать слишком серьезно. Может

быть, никаких пулеметов там и нет, просто осторожность пилота. Тоже один из тех, кому не хватает честолюбия, чтобы воевать, а просто хочет без ущерба для себя отбыть тут положенный срок. Пока он в душе ворчал по поводу этой смеси малодушия и тяги к спекуляциям, внезапно ударившие снизу пули вырвали куски обшивки из левого крыла.

Пилот выровнял машину, начавшую дрожать, и бросил взгляд на Наварра. Тот молчал. Демонстрировал отсутствие интереса к тому, кто, возможно, из древнего пулемета обстрелял «Дакоту». Только когда более точная очередь разбила стекла кабины, генерал кивнул пилоту: – Выше!

Когда они подлетели к На-Сану, опорному пункту в лесу, похожему на американские форты из вестернов, Наварр удовлетворился одним облетом. Потом он согласился с предложением летчика совершить временную посадку и осмотреть повреждения самолета.

Полковник Луи Бертей, комендант На-Сана, человек, умевший прятать свое честолюбие за напускной сдержанностью, провел генерала по позициям, пока механики проверяли «Дакоту». Глубокие окопы, баррикады из мешков с песком для пулеметов, блиндажи с деревянными перекрытиями, наполовину спрятанные в землю склады боеприпасов, пара плоских деревянных строений, в которых размещался гарнизон.

Бертей, сменивший здесь полковника воздушно-десантных войск Жилля, после того как последнему пришлось защищать На-Сан от многочисленных атак противника, командовал базой жестко и четко. Это Наварр сразу понял. И выделил для себя этого человека на случай будущих новых заданий.

На-Сан был на деле куда хуже оборудован, если присмотреться к нему повнимательнее. Хотя пушки, пулеметы и минометы были в боеготовом состоянии, сама территория напоминала вспаханное поле. Во время осмотра Бертей постоянно советовал генералу пригнуться, потому что поросшие лесом склоны были полны вьетминьцев, наблюдавших за каждым движением на базе.

В прошлом декабре здесь были тяжелые бои. Но базу удалось отстоять. Наварр считал это важным достижением. Бертей умерил его восторг, осторожно напомнив: – Мой генерал, я принял командование от Жилля. Он признался мне тогда, что прятался тут как лис в норе, вокруг которой в засаде сидят охотники. У меня теперь такое же чувство.

- Но вы же выдержали!

- С вашего позволения, – сказал Бертей, – если бы Вьетминь действительно использовал бы все, что у него было, чтобы выкурить нас отсюда, то им бы это удалось. Вместо этого они перешли к осаде измором, это ясно. Мы изолированы. Мы никак не влияем на дальнейший ход войны. Ни один патруль не

отважится выйти за наши проволочные заграждения. Мои люди превратились в комки нервов. За прошлую ночь мне пришлось еще троих уложить в лазарет. Буйное помешательство, тропическое.

- Как же так? – Наварр сердито ткнул своей тростью, ставшей у высших офицеров во Вьетнаме своеобразным знаком высокого статуса, в воронку в земле.

- Бойцы Вьетминя проскальзывают в темноте на расстояние всего в пару дюжин метров от наших постов и кричат: – Эй, француз, выходи и воюй! Наконец-то мы тебя убьем!

Слишком маленький, думал Наварр, оглядывая опорный пункт. Еще с воздуха ему показались его размеры недостаточными. Это впечатление теперь еще больше укрепилось. Так много людей, удерживающих так мало территории и при этом постоянно под угрозой врага противника – это не та тактика, которую нужно использовать в войне! Мы должны уметь наносить удары в движении, в этом мы хороши и обладаем преимуществами. Но здесь невозможен маневр. Какое движение, если тут, так сказать, локти всегда прижаты к туловищу! Территория наших опорных пунктов должна быть большей. Нам нужно много квадратных километров, где мы можем оперировать, сможем замахнуться для удара. На-Сан для этого не годится. И расширить его нельзя. Нам придется вырубить целые участки леса, создать секторы для обстрела. Здесь это невозможно.

Наварр не сказал Бертею, что во время этого осмотра он окончательно решил вывести гарнизон из На-Сана. Нет смысла связывать войска. Он вспомнил о широкой ложбине Дьенбьенфу, которую недавно видел с воздуха. Вот там можно действовать! Нам нужна Дьенбьенфу. Эта мысль прочно засела у Наварра в голове. Дьенбьенфу и Лай-Чау, между ними дальние патрули, препятствующие коммуникациям Вьетминя с Лаосом в самом важном месте. Это казалось ему решением задачи, поставленной перед ним общим приказом из Парижа – защитить Лаос, с королем которого Франция заключила «Договор о помощи», от влияния Вьетминя. Не стратегический треугольник, а два краеугольных столба, между которыми никто не сможет пройти.

Наварр, глубоко погруженный в свои мысли, полетел назад в Ханой. Он объявил Коньи, что вскоре гарнизон На-Сана придется эвакуировать. Новоиспеченный дивизионный генерал покачал головой, когда Наварр высказал ему свое мнение о Дьенбьенфу. Коньи попытался пошутить: – Если бы у этого чертова На-Сана были колеса, мы просто перекатали бы его в Дьенбьенфу...

Но Наварр воспринял это не столько как шутку, сколько как принципиальное согласие Коньи с его планом. И он поручил ему заняться выполнением двух задач: вывести войска из На-Сана, а потом нанести внезапный удар по глу-

бокому тылу Вьетминя высоко на севере, внеся хаос в их снабжение и отвлекая внимание противника от дальней цели – перестройки Дьенбьенфу в главный опорный пункт, о который Вьетминь разобьет голову.

Если они так отреагируют, то стянут туда большие силы для решающего сражения. И это даст французам шанс воспользоваться преимуществами своей армии и нанести Вьетминю сокрушительное поражение, которое сделает его уступчивым. Он, Наварр, вскоре поедет в Париж и изложит там свою концепцию и потребует необходимые подкрепления. А пока действовать придется Коньи. Самое главное сейчас – нанести удар по тылам Вьетминя; сообщение об этом поможет ему в Париже пробить свою идею.

В начале лета 1953 года в Париже царил настоящий хаос, если смотреть с точки зрения политики. Экономика была в полном упадке, а тут еще ее обременяла война. Премьер-министр Майер ушел в отставку, сменивший его Жозеф Ланьель рассматривался всеми лишь как временная фигура. Все тяжелее было принимать политические решения. Франция оказалась в самом глубоком кризисе с 1945 года.

Когда генерал Наварр сообщил новому премьер-министру из Сайгона, что готовится выехать в Париж, чтобы предложить ему свой план о дальнейших действиях в Индокитае и потребовать необходимых подкреплений, из секретариата Ланьеля пришла инструкция, что считается неуместным, если главнокомандующий покидает свой пост уже через четыре недели после вступления в должность. Когда Наварру, как раз готовившемуся к конференции со своим индокитайским генеральным штабом в Сайгоне, на которой он своим ближайшим сотрудникам должен был сообщить о дальнейших действиях, принесли телеграмму из Парижа, Наварр высоко поднял ее и спросил своего адъютанта: – Ланьель? Кто такой месье Ланьель? Слышал кто-то об этом человеке?

Адъютант не рискнул ответить. Тогда Наварр с напускным безразличием отложил бумагу, которую держал двумя пальцами за уголок, как будто грязную, и сказал: – Мою поездку в Париж будем готовить. Где мы очутимся, если каждый гражданский будет предписывать французскому генералу, что важно для его театра военных действий, а что нет. Мы постараемся, чтобы такие народно-фронтовцы у нас не расплодились!

Немного позже он объяснил индокитайскому генеральному штабу свои выводы. Они с тех пор – хотя и не были зафиксированы в письменном виде – назывались «планом Наварра». Анри Наварр, невысокий ростом, но полный энергии, человек, не терпевший возражений, не особо ценил и дискуссии об его решениях – он просто доводил их до сведения своих генштабистов как инструкции.

- Я пришел к выводу, что нам следует создать на севере и северо-западе как можно более мобильный барьер между областями, где располагается ядро Вьетминя и районами Лаоса, контролируемые их союзниками. Этим мы расколем их силы. Для этой цели будет усилен Лай-Чау. Сданную противнику долину Дьенбьенфу нам нужно отбить и укрепить. Между этими двумя укрепленными базами постоянные дальние дозоры установят заградительный барьер. Дальнейшее продвижение сделает небезопасным для Вьетминя местность вплоть до Лаоса...

Он сделал короткий перерыв, чтобы показать оба места на карте. Потом он обратился к другому району страны, самому узкому перешейку в центре Вьетнама, между 17-й и 18-й параллелями.

- Здесь, господа, находится нервный центр. Дорога № 1, проходящая с севера на юг, единственная серьезная транспортная артерия в этом горлышке бутылки. Сейчас мы ее не контролируем. Мы должны отбить ее у Вьетминя. Прежде всего, чтобы снова воспользоваться ею для французских перевозок, а во-вторых, чтобы прекратить движение по ней частей Вьетминя, особенно на север, когда мы там начнем уничтожать основные области Вьетминя...

Затем он упомянул ситуацию в центральных высокогорных районах. Он считал возможным обеспечить безопасность большей части этих территорий силами местных наемников. Становой хребет будет состоять из мобильных французских подразделений. Тогда можно будет вывести из горных районов больше французских регулярных войск и использовать их для операций «коммандос» и для крупномасштабного наступления на северные важнейшие области Вьетминя. Вообще, подчеркнул Наварр, все области, в которых Вьетминь не ведет активных действий, должны контролироваться вьетнамскими наемниками под французским командованием, чтобы регулярные французские войска и Иностраннный легион смогли сконцентрироваться почти исключительно на решении наступательных задач, то есть перейти в стратегическое наступление. Это основной пункт его рассуждений: решить исход войны путем французского наступления, вместо того, чтобы как прежде заниматься лишь обороной еще удерживаемых территорий.

- Вернемся на северо-запад, – продолжал Наварр. Голос кавалерийского офицера, никогда не забывавшего о военной выправке, стал особенно резким. – Есть признаки того, что коммунисты именно там будут наиболее решительно бороться с нами. В конце концов, это их самый важный тыловой район. Итак – мы вполне осознанно предполагаем, что они выдвинут для битвы против нас самые мощные свои силы, возможно, ядро своей армии, у Лай-Чау, у Дьенбьенфу или где-то еще в этой местности. Если они так сделают, мы сможем в полной мере воспользоваться нашим преимуществом в технике и в буквальном смысле избить их так, чтобы они побитые поплелись к столу переговоров. А там они подпишут все, что мы им предложим. Мы. Кстати, ес-

ли они решат навязать нам генеральное сражение в дельте Красной реки, то мы и там сможем на это отреагировать благодаря быстрой переброске наших мобильных сил.

Господин в очках и в скромном мундире американского полковника, сидевший сзади, был совершенно согласен с идеями Наварра. Подробности уже обсуждались предыдущим вечером в главной штаб-квартире Американской группы по консультациям и военной помощи (US-MAAG). Были условия, при которых Америка значительно усилила бы свое вмешательство в конфликт, и Наварр был готов их исполнить. Так что сейчас в Тонкинский залив входил авианосец 7-го флота США на тот случай, если понадобится обеспечить больше авиатранспортных перевозок.

Одновременно Наварр согласился притвориться абсолютно глухим, если в Париже ему зададут вопрос, почему производство на французских фабриках во Вьетнаме все время падает, из-за чего все больше предпринимателей выводят оттуда свои предприятия, или, что еще хуже, – продают их подставным лицам американских концернов, которые их сначала консервируют, пока положение в стране не изменится настолько, чтобы они снова смогли принести доходы.

«Банк Индокитая» – одно из самых мощных французских финансовых учреждений в Азии, свертывал свою деятельность, переводил активы в Мадагаскар. Автоматически его место занимали ранее незаметные банки. В кругах посвященных давно было известно, что за ними стоит американский капитал. Будущее вырисовывалось ясно: Франция должна довести войну до конца кровью своих солдат и металлом и напалмом своего американского союзника. А затем все бразды правления возьмет в свои руки отдохнувшая, экономически уже упрочившая там свое положение Америка.

Наварр знал эту подоплеку. Но он говорил себе, что он военный, а не политик, а свои задачи он может решить только с помощью США. Пусть политики думают о последствиях, его это не касается. Когда Наварр закончил совещание в штабе, господин главный советник US-MAAG, поджидавший его у двери, пожелал ему удачного полета в Париж.

Коньи, ворча из-за того, что ему придется выделить свои войска из дельты для операций против тылов Вьетмина, а также для позднейшего взятия Дьенбьенфу, еще раз пообещал Наварру, что он нанесет удар на севере не позднее, чем через десять дней. Потом он приложил ладонь к кепи, что он всегда делал очень охотно. Жаль только, что при этом прощании после заседания штаба никто не фотографировал, потому что все это было строго секретно.

Не было фотографов и в аэропорту Орли, куда прибыл генерал Наварр. В парижском аэропорту генерал сел машину генерального штаба, доставившую его в свою парижскую квартиру. На следующий день его принял премьер-министр Ланьель. Он выслушал доклад о планировании войны в Индокитае с очень малым интересом. Он ничего не понимал в военном деле, но не имел ни малейшего желания спорить с генералом. Поэтому он ограничился тем, что принял планы Наварра к сведению. Когда генерал высказал ему, что еще нужно для дальнейшего продолжения войны, Ланьель направил его к командующим видами вооруженных сил.

Оттуда начался поход Наварра с прошениями, где он повсюду просил об усилении войск во Вьетнаме. Он требовал таких подкреплений:

12 пехотных батальонов

1 воздушно-десантную группу

3000 офицеров и унтер-офицеров для усиления нижнего и среднего командного звена

100 бронетранспортеров

50 речных канонерок и

1 авианосец с истребителями-бомбардировщиками.

Пока Наварр в Париже ездил от одного штаба к другому и повторял свои просьбы, которые обычно молча и с улыбкой сожаления выслушивались, а затем назывались «завышенными», Коньи в Ханое посадил в самолеты «Дакота» два батальона парашютистов и направил их под командованием полковников Бижара и Дюкурно по направлению к Ланг-Сону, маленькому городку на границе с Китайской Народной Республикой. Все сообщения агентов подтверждали, что именно через Ланг-Сон поступают военные грузы Вьетминю из Китая. Недавно маленький «Мушар» – скопированный французским заводом «Моран» немецкий наблюдательный самолет «Физелер-Шторх» – сделал снимки скалистой, поросшей лесами горной местности, в которой, по мнению аналитиков, находился перегрузочный пункт снабжения. Согласно приказу Наварра, которому для улучшения имиджа нужно было провести эффектную операцию «коммандос» против важнейших районов в тылу Вьетминя, пока он сам пребывал в Париже, Коньи начал эту операцию. Даже если ничего особенного из нее не выйдет, она поможет Наварру в Париже в качестве дополнительного аргумента.

Машины высаживали солдат на очень небольшой площади, чтобы облегчить концентрированные удары. Когда солдаты скатали парашюты и огляделись, то оказалось, что этим влажным утром 18 июля 1953 года, дня, который обещал быть жарким, они не увидели ни одного вьетнамца. Не было никаких выстрелов. Лишь когда взводы продвинулись в уже обозначенную разведчи-

ками местность, в которой было много скальных гротов и оврагов, они заметили отдельных крестьян на рисовых полях. По ним французы стреляли без предупреждения. Коньи выдал «карт-бланш» на эту операцию, а это означало, что жизнь гражданских лиц ничего не стоила.

В пещерах они нашли некоторое количество американских пулеметов, требовавших ремонта, немного боеприпасов, пару ящиков с противотанковыми гранатами и немного стрелкового оружия. Пещеры были взорваны. Дальнейшие поиски ничего не дали. Но и поздно вечером противник не был обнаружен.

Несмотря на строгую секретность, подготовка к операции не ускользнула от внимания верховного командования Народной армии. Поэтому был отдан приказ, дать противнику ударить в пустоту. Вьетнамцы воспользовались проверенным принципом – не ввязываться в каждый бой, который навязывает враг, а сконцентрировать свои удары там, где это обещает наибольший успех.

Коньи, ставший недоверчивым после всех обстоятельств, вскрывшихся в результате высадки, оценил задачу как выполненную и приказал отходить. Он высадил еще один батальон парашютистов у Лок-Биня в районе дороги, идущей из Ланг-Сона на юг, чтобы прикрыть возвращение. Это не понадобилось, потому что колонну никто не атаковал. В одуряющей жаре она прошла долгий путь в Ханой, не сделав ни единого выстрела. Коньи в сообщении для прессы сказал об «ужасном и непредсказуемом противнике». Но, как бы случайно, проболтался, что «его отряд уничтожил огромное количество оружия, среди прочего, более восьми тысяч пулеметов».

- Знаете ли вы, что это значит – уничтожить восемь тысяч пулеметов такого противника, господя? – риторически вопрошал генерал Наварр депутатов французского парламента в Париже, делая для них доклад. Он получил в ответ пару признательных взглядов, но никаких аплодисментов.

Наварр, которого пригласили на заседание Совета национальной обороны 24 июля, чтобы обсудить его требования, раздул из операции под Ланг-Соном огромный успех. Но эффекта, на который он рассчитывал, Наварр не достиг. Никто, правда, не выступал прямо против его плана, но министр обороны дал согласие – после обсуждения в Совете – на дополнительные девять пехотных батальонов. Ни пушек, ни авианосца. Премьер-министр Ланьель напомнил Наварру о катастрофическом финансовом и экономическом положении Франции, и в минуту откровенности кратко сказал, что он и сам склоняется к все более преобладавшему в Париже мнению, что войну эту пора заканчивать. Независимо от этого, сообщил Ланьель генералу, он отвечает теперь не

только за безопасность французских войск в Индокитае, но и за защиту Лаоса от будущих акций Вьетминя.

В день отлета из Парижа один его коллега – генерал, много лет прослуживший в Индокитае, предупредил Наварра: – Твоя идея с Дьенбьенфу мне совсем не нравится, Анри. Не говоря уже о том, что ты лишишь наших войск другие части страны. С той численностью войск, которые есть у тебя, ты там попадешь в ловушку. Вспомни наш старый опыт: опорная база, как бы хороша она ни была, ничего не стоит, если ее снабжение целиком зависит только от транспортных возможностей нашего совершенно недостаточного воздушного флота и от погодных условий, которые там катастрофические.

- А Лаос? – задал вопрос Наварр.

Его друг покачал головой. – Верно, они поставили тебе такую задачу, которую мог бы поставить лишь тот, кто или никогда не видел Индокитаю или не хочет его никогда больше увидеть!

Вернувшись в Сайгон, Наварр приказал нанести удар по узкому месту побережья между Хюэ и Кванг. Три, где нужно было обеспечить охрану так называемой «безрадостной дороги», главной транспортной артерии с севера на юг. Операция под кодовым наименованием «Камарг» («Camargue») состояла в высадке на узкую полосу берега – всего несколько километров – непропорционально больших сил: около 30 батальонов, 2 танковых полка, 2 артиллерийских полка, 2 амфибийных подразделения, бронетранспортеры-амфибии, свыше 30 транспортных самолетов и 20 истребителей-бомбардировщиков.

Им противостоял в труднопроходимой болотистой местности лишь один испытанный в боях 95-й полк Вьетминя.

Многодневный бой, в ходе которого разрывы гаубичных снарядов взрыхляли землю, танки давили каждую хижину, а жителей наскоро расстреливали, окончился с таким же скудным результатом, что и операция под Ланг-Соном. Нанести решающий удар по 95-му полку не удалось – удар пришелся снова в пустоту.

Наварр яростно бил плетью по своим сапогам. Он даже в полеты брал с собой эту плетку – обычная традиция среди кавалерийских офицеров, хотя кавалерия давно уже забыла о лошадях, превратившись в механизированные войска. Чего бы он ни хотел – ничего не получалось! В Сайгоне он получил сведения, что войска Вьетминя вокруг спрятанного в джунглях опорного пункта На-Сан получают подкрепления. Рутинеры среди аналитиков говорили, что речь идет всего лишь об обычной смене войск, направляющихся на отдых. Как бы то ни было, Наварр принял решение вывести войска из На-Сана. Глупо связывать там солдат. Лучше использовать их в другом месте,

где можно действительно ударить по противнику. Лучше всего было бы нанести ему решительное поражение у Дьенбьенфу. Эта мысль все сильнее занимала воображение Наварра.

Он наградил Коньи. обоих полковников и одного подполковника за их успехи в операции под Ланг-Соном Крестом за войну в Индокитае, поблагодарил прошедших парадным маршем солдат и сразу же ушел вместе с Коньи.

- На-Сан, – начал он. Они сидели в клубе летчиков в Гиа-Ламе. На потолке над ними медленно крутились лопасти больших вентиляторов. Они не приносили уже никакой прохлады – в середине лета дельта Красной реки превращалась в настоящую печку. Пот беспрестанно лил по лицам обоих генералов. Они пили прохладный чай, не утолявший жажду, но помогавший поддерживать содержание воды в организме, при условии приема подготовленных медиками специальных соленых таблеток.

Натуре Коньи было в принципе противно оставлять такой опорный пункт как На-Сан без боя. Для него имели значение лишь бои и победы. Но ему пришлось все же признать правоту аргументов Наварра: На-Сан связывал войска, но в стратегическом смысле был бесполезен. Его гарнизон был слишком слаб, чтобы направлять дальние дозоры, поэтому Вьетминь спокойно поддерживал связи с лаосской провинцией Сам-Нёа, просто направляя свои транспорты мимо опорного пункта французов. А в случае атаки на него пришлось бы отправлять для его усиления подкрепления из других частей страны, чтобы предотвратить катастрофу.

- Начинайте готовить операцию, – приказал теперь Наварр. Он только в расплывчатой форме высказывался о тех беседах, которые провел в Париже, заметил лишь, что все политики там – предатели. – В первой декаде августа все должно быть закончено. Нам нужно сэкономить время, чтобы подготовиться к операции в Дьенбьенфу. Париж не оставил нам другого выбора. Туда только что приехал лаосский король. Для отдыха на Лазурном берегу. Полная интеграция Лаоса во Французский союз. Вот так...

Коньи со скоростью ветра начал разрабатывать план эвакуации На-Сана. У него на это было, всего-навсего, пять дней. Но командующий войсками в Тонкине был находчивым человеком. Сначала он решил ввести в заблуждение службу радиоразведки Вьетминя. Он сделал так, чтобы командир На-Сана потребовал дополнительных подкреплений ввиду угрозы предстоящего нападения противника.

Когда радист вьетминьского подразделения, державшего На-Сан под контролем, передал перехваченную радиограмму в штаб генералу Зиапу, это вызвало у него лишь улыбку. Он сразу разгадал обманный маневр. Французская авиаразведка не могла не заметить, что группировавшиеся вокруг На-

Сана части Вьетминя недостаточно сильны для крупного наступления на укрепленный пункт. Кроме того, там не было никаких перемещений войск, которые могли бы заставить противника заподозрить подготовку к наступлению. Разве что некоторые взводы отводились в другие места.

- Они будут уходить из На-Сана, – убежденно сказал Зиап. – Хотят усилить свои войска в дельте или у Лай-Чау, и им нужен для этого гарнизон На-Сана, сидящий там без пользы. А дезинформационной радиোগраммой они хотели бы удержать нас от атаки на базу, пока они ее эвакуируют...

- И? – спросил Хо Ши Мин. – мы могли бы атаковать сейчас, зная, что речь идет о дезинформации. Ударить их, когда они обернутся к нам спиной.

Зиап долго смотрел на карту. Предложение президента нельзя было сбросить со счетов. Хо Ши Мин исходил из давно опробованной тактики партизанской войны. И все же Зиап не советовал бы поступить так. Август в этой местности – месяц с самыми обильными осадками в году. Ночью и утром роса на многие часы покрывает землю плотным влажным ковром. Каждое движение будет несказанно тяжело для пехотинцев Народной армии. А у противника – покрытая металлическими листами взлетно-посадочная полоса, которая позволит вывести гарнизон на самолетах в считанные часы. Кроме того – действительно ли нам нужно сейчас демонстрировать свою силу противнику во всех возможных местах? Как раз сейчас его следует запутать, чтобы он не знал нашей настоящей силы, решил Зиап. Как докладывает разведка, противник обратил внимание на Лай-Чау; он хочет создать барьер против наших операций, направленных на Лаос. Дадим ему ввязаться в эту авантюру, пусть думает, что мы не в силах даже стрелять ему в спину, пока он уходит из На-Сана!

Хо Ши Мин сразу понял, что хочет сделать Зиап. Улыбаясь, он согласился с ним. Пусть эти типы исчезнут из На-Сана. Потом он, так или иначе, будет принадлежать нам, а французы окажутся беднее на один опорный пункт южнее Черной реки, который лежит лишь в 20 километрах от границы с Лаосом, где действуют наши союзники.

- Но, – заметил президент, – было бы хорошо, если бы мы стали сильнее в районе Лай-Чау, на тот случай, сели они там захотят расширить контролируемый ими район.

Зиап внезапно предложил: – А почему бы нам не захватить Лай-Чау в ближайшее время? Мы сможем стянуть туда войска. Тогда они останутся с носом со своим барьером и фактически проиграют здесь наверху.

Хо Ши Мин подошел к карте. Зиап показал ему базы своих дивизий. Через какое-то время Хо Ши Мин сказал: – Я считаю, что это предложение превосходно. Один лишь вопрос – что мы будем делать, если вся их пропаганда о

барьере лишь дезинформация, и они ударят где-то в дельте, пока мы сконцентрируемся здесь?

Когда Зиап высказывал предложения, они были продуманы до мелочей. Он научился за много лет освободительной войны тому, что гибкость, быстрая приспособляемость к изменениям ситуации и мгновенная смена тактики очень важны для победы. Теперь он доверил Хо Ши Мину, который высоко ценил своего главнокомандующего, ту мысль, которая давно его занимала: – Кончено, возможно, что они это сделают. Но – мы не ослабим наших позиций в дельте, если будем сражаться с ними тут в горах. У нас в дельте партизанская армия с легким вооружением, очень мобильная – сегодня она здесь, а завтра там. Она достаточно сильна, чтобы удержаться в дельте. А здесь наверху, если противник введет сюда свои элитные части, нам понадобятся регулярные дивизии, товарищ президент. Моя идея состоит в том, чтобы пощекотать врага под Лай-Чау. Мы настроимся на то, что он будет делать. И быстро.

Они еще долго беседовали. За это время в подразделение, размещенное близ На-Сана, был отправлен приказ вести себя тихо, если противник будет уходить.

Первые «Дакоты» появились над базой в джунглях, как только в лучах рассвета стала видна покрытая росой взлетно-посадочная полоса, собранная из перфорированных металлических листов. Солдаты в тигровом камуфляже выпрыгивали из них, устраивая большой шум, как будто прилетели целые батальоны. Через час – высадившиеся первыми парашютисты уже заняли позиции – началась эвакуация – вывоз людей, орудий, разборного оборудования.

С цепей холмов вокруг не последовало ни одного выстрела. Неужели Вьетминь отступил? Или они спрятались от дождя? А может быть, там разразилась эпидемия и парализовала их?

Пилоты САТ, служащие с тридцатых годов в действовавшей в Китае американской «Добровольческой авиагруппе», высокопарно называвшейся «Летающими тиграми», а потом просто и открыто переименованной в 14-ю авиагруппу США, а сейчас зарегистрированной в Тайване под названием «Гражданский Воздушный Транспорт» (Civilian Air Transport, CAT), как опытные наемники во многих войнах в Азии давно выработали в себе нюх на опасные ситуации. Для этой операции их посадили на более современные и быстрые бомбардировщики В-26 «Мародер». Они вообще были одним из скрытых в рукаве тузов французского верховного главнокомандования – их никто не регистрировал, а платили за все США. Теперь они садились в призрачной тишине между занятыми Вьетминем холмами, а инстинкт покинул их. Им казалось, что за ними наблюдают со всех сторон. Вскоре они потребовали у

диспетчера с авиабазы в Гиа-Ламе эскадрилью истребителей-бомбардировщиков «Хеллкэт», которые, сменяя друг друга, наносили удары с малой высоты по молчаливым высотам вокруг На-Сана. Но не последовало никакого ответного огня.

Вечером 11 августа 1953 года на На-Сан надвинулась тропическая гроза. Грохот осколочных бомб смешался с ударами грома. На взлетной полосе еще стояли три «Дакоты». Под их крыльями столпились последние солдаты подорванных команд, заминировавших казармы, остатки складов боеприпасов и все устаревшее и поломанное оборудование, которое нельзя было вывезти.

«Дакоты» взлетели лишь через час после наступления темноты, когда похожий на всемирный потоп дождь несколько утих. С высоты в шестьсот метров минеры запустили радиомины, но большая их часть так напиталась водой, что не взорвалась. С того времени французского опорного пункта На-Сан больше не существовало.

КЕНГ-НЕВИДИМКА

Таи, представители национального меньшинства, живущие в Хим-Ламе, одном из многих поселений, которые все вместе составляли Дьенбьенфу, назвали его «невидимкой», потому что им часто приходилось замечать, как он выходил из своего жилища, переходил речку Нам-Юм [Намьюм] в тихом месте и внезапно исчезал на другом берегу. Никто не мог проследить, куда он шел, никаких больше движений, никакого блика на стволе его винтовки. Кенг направлялся к холмам, густо заросшим разным кустарником, а также бамбуком и пальмами арека. На половине высоты Кенг оборудовал себе наблюдательный пост. Никто из деревни не знал, что маленький тощий паренек, рассказывавший таям, что он вырос в Хайфоне, выполнял там на море важное задание.

Если бы таи, заселявшие долину между холмами, увидели бы место, в котором исчез Кенг, они бы еще больше удивились тому, что этот «человек моря» чувствует себя в лесу как рыба в воде. В одном из многочисленных холмиков он выкопал себе нору, в которой мог исчезать. Стоило ему прикрыть дыру дерном с травой, как даже самый близко проходящий человек ничего не смог бы даже заподозрить. А Кенг наоборот мог наблюдать из своего убежища за всем происходившим в излучине реки, на берегу которой находились поселения долины Дьенбьенфу, с помощью бинокля, раньше принадлежавшего одному французскому капитану.

Его командир, устроивший командный пункт дальше на северо-восток от него, приказал ему пристально следить за всей длинной долиной. Уже было известно, что французы что-то затевают в Дьенбьенфу. Нужно было точно знать, что там происходит. Если были сообщения для передовой разведгруп-

пы, то Кенг просто ударял двумя пустыми бамбуковыми палками друг о друга. Этот треск поднимал на ноги связника, лежавшего в точно таком же укрытии, устроенном на сто метров выше наблюдательного поста Кенга. Тогда связник полз к нему, слушал все, что сообщал ему Кенг и исчезал в кустах, направляясь с устным сообщением в штаб. Время от времени он сменял Кенга, когда тот уходил в деревню, чтобы купить там еды или поделиться информацией с доверенным лицом в Хим-Ламе.

Уже наступила середина ноября. В горах это очень неприятный месяц. Днем солнце выжигает местность, а ночью температура падает совсем низко. Образуются полные влаги туманы, иногда держащиеся между холмами до полудня. Тогда Кенг замерзал и выползал из укрытия, чтобы подвигаться для разогрева.

Одним таким утром, когда солнце пробивалось через густой туман, и как по волшебству освещало в долине солнечные, радостно выглядевшие пятна, он сначала услышал звук авиационного мотора, а потом увидел и сам самолет, круживший над долиной. Это был тот самый наблюдательный самолетик с высокорасположенным крылом, который летал медленно, но зато мог вести интенсивную разведку и делать снимки благодаря встроенной фотокамере. «Шторх» около получаса кружил над долиной и вдоль склонов холмов. Никаких выстрелов не последовало – таков был приказ. В воздухе было слышно лишь жужжание самолета. Крылья блестели на солнце, когда машина заходила на разворот.

Когда самолет снова удалился, Кенг послал свое сообщение. Но курьер еще не успел вернуться, как самолет снова появился над Дьенбьенфу. Он летел ниже, вдоль течения Нам-Юма, затем поднялся вдоль склонов и от Хим-Лама прошел прямо над убежищем Кенга. Он даже мог видеть головы летчика и наблюдателя, осматривающего склоны через бинокль. Ничего не стоило бы подстрелить маленький самолетик. Подразделения народной армии залегли на хорошо скрытых позициях между холмов. Но приказ Верховного командования гласил: сидеть тихо, оставаясь незамеченными.

Так что Кенг только за один день сообщил о трех полетах французских разведывательных самолетов, и это продолжилось и в следующие дни. Прилетали другие, уже большие машины. Даже четырехмоторный «Прайватир» на большой высоте несколько раз облетел Дьенбьенфу.

Он вернулся в Ханой, где наблюдатель доложил, что не видел в Дьенбьенфу вражеских войск.

Равнина между возвышающимися холмами, постепенно переходящими в труднопроходимое высокогорье, простиралась с севера на юг примерно на 17 километров. Ее ширина в самом широком месте достигала с запада на восток

5 километров. В других местах она была уже, там склоны гор вплотную примыкали к поселкам. Все вместе это было похоже на ванну с высоко поднятыми краями, переходящими в острые зубцы. Это были скалы, между ними известковые овраги, обильно заросшие в некоторых местах. Как змеи, тянулись в гору узкие тропы; люди поднимались по ним на охоту и для собирания дров. Но и торговые пути мео, народа, традиционно проживавшего на вьетнамском высокогорье, тоже проходили под пальмовыми листьями, бамбуком и лианами, дикими бананами и казуаринами. Они шли вниз, к Дьенбьенфу.

Женщины племени мео носили темные платья с цветной вышивкой и были увешаны серебряными украшениями, которые они сами изготавливали. Они спускались в долину, чтобы поменять соль на коз или кур, они приносили также тигровые шкуры или опиум.

Таи, живущие в долине, разводили кур и выращивали рис, а также бататы, маниоку, арахис и красный перец.

Раньше между разными национальными меньшинствами здесь, как и в других частях Вьетнама, происходили кровавые столкновения. Когда северные области были освобождены, народное правительство занялось налаживанием мирных взаимоотношений между разными племенами. Как ни различались бы и интересы и мнения, перед всеми стояла одна общая задача – разоружить французов, не желавших освободить страну. Все остальное можно будет раньше или позже решить уже в освобожденном Вьетнаме.

Когда Кенг вечером после долгого дня наблюдений был вызван в командный пункт за новыми приказами, он узнал, что вся область Дьенбьенфу находится в состоянии повышенной готовности. Каждый день можно ожидать нападения противника, который долго и интенсивно обследует местность с воздуха. И сведения из Ханоя подтверждали, что разные части французских войск готовятся к какой-то операции, которая пока точно не известна. Народная армия предполагает десант войск противника в Дьенбьенфу. Как только это случится, находящиеся в готовности части должны оказать сопротивление. Но понятно, что такое сопротивление не сможет справиться с массивным воздушным десантом. А французы могут прийти только с воздуха – наземные дороги для них закрыты.

Верховное командование решило, что противник должен думать, что Народная армия не в состоянии удержать равнину и поэтому ее сдаст, как только произойдет атака. Поэтому важно так организовать сопротивление, чтобы понести минимальные потери. Кенг получил задание оставаться на своем посту. Для лучшей передачи сведений он получил в помощь еще одного человека, который нес рацию. Радист тоже должен был найти себе безопасное убежище, чтобы даже после высадки противника продолжать вести разведку и сообщать об его действиях.

Звали радиста Кванг До, он был молодым парнем маленького роста, как и Кенг, и ему, очевидно, было тяжело нести тяжелую американскую рацию. Кенг взял у него батарею, самую тяжелую часть, когда они пробирались назад. Еще ночью они выкопали новую нору близ убежища Кенга. Кванг До установил антенну вдоль склона. Когда вход был замаскирован свежей травой, а каждый комок выкопанной земли аккуратно разбросан между кустами, радист установил связь с командованием. Связь была хорошей.

- Где ты этому научился? – спросил Кенг.

- На севере. Я из Тай-Нгуена [Тхайнгуйен]. Оттуда пошел в Народную армию. Мои родители погибли. На прошлой войне. Мое подразделение стояло недалеко от моего родного города, так что я смог даже посещать друзей пока учился.

- Для меня это было бы слишком далеко, – улыбнулся Кенг. – До Хайфона отсюда много дней пути...

- А ты чему учился?

- Я строю лодки, – ответил Кенг.

Радист улыбнулся. Потом сказал, все еще с улыбкой на загорелом коричневом молодом лице: – Ага, судостроитель. Это люди, работавшие тяжелыми молотками и мерцающими паяльными лампами. А у нас все наоборот – отвертки с жалом не толще человеческого волоса. И в основном мы работаем с лупой.

- В радиоделе?

Кванг До покачал головой: – Да нет. Я часовщик. Нет французских часов, которые я не смог бы починить.

Утром, еще до рассвета, четырехмоторный «Прайватир» снова пролетел над широкой долиной. Он летал большими кругами, и Кенг подумал, что экипаж из-за густого тумана над долиной вряд ли смог что-то увидеть. Радист заметил, что затевается какая-то чертовщина. Как только «Прайватир», переделанный из бомбардировщика «Либерејтор» вариант морского патрульного самолета, появилась «Дакота», кружившаяся в утреннем свете над туманом, как чертова собака. Радист сообщил командованию об ее появлении, как и о «Прайватире». Было 20 ноября, 6 часов утра.

1 ноября генерал Коньи, проживавший в вилле на Маленьком озере в Ханое, проснулся с тяжелой головой. Ночь в «Метрополе» слишком затянулась, и он выпил слишком много американского виски. Он любил пить его, но последствия переносил тяжело. Проснулся он, потому что его тряс адъютант, и сра-

зу прорычал проклятие. Но адъютант не успокоился. Он протянул ему только что пришедшую разведсводку, но Коньи не хотел ее читать, потому что буквы перед глазами сплелись в какой-то дикий танец.

- Читай! – скомандовал он, а сам отправился в ванную, находившуюся возле его спальни, засунул голову под холодный душ, а потом долго пил из стаканчика для зубных щеток водопроводную воду, которая, по мнению медиков, была очень опасной для здоровья.

- 316-я дивизия Вьетминя вышла из своих баз южнее дельты и направляется на северо-запад, предположительно в Лай-Чау.

- Гм, – проворчал Коньи. Он уже почти проснулся.

- 148-й полк Вьетминя действует перед Лай-Чау. Еще один полк, вероятно 98-й, замечен в провинции Сам-Нёа в Лаосе.

- Это мы и так знали, – гудел Коньи, пижама которого еле сходилась на его могучем торсе. Он вытирал полотенцем коротко постриженные волосы. – Что еще?

- 308-я, 312-я и 351-я дивизии Вьетминя, по меньшей мере, их основные части, движутся на запад, заворачивая к северу. На базах западнее Тай-Нгуена и северо-восточнее дельты остались лишь некоторые подразделения этих дивизий. Для охранения. Похоже, что все движется на Лай-Чау...

- На лаосскую границу, – заметил Коньи. Он ударил в гонг, висевший на стене. Тут же появился солдат с подносом с кофе. Коньи не любил есть по утрам. Сегодня ему было даже кофе противно. Но черный как уголь, горький напиток разбудил его жизненные силы. Он взял сводку и прочел. Возвращая ее адъютанту, он прорычал: – Похоже, что они переносят основные усилия в направлении Лаоса. Нам это на пользу, что касается дельты. Кроме того, это укрепит Наварра в его желании создать этот чертов барьер между Лай-Чау и Дьенбьенфу.

Через час, проинформировав Наварра в Сайгоне, он уже был уверен, что его опасения сбываются: Наварр настаивал на операциях на северо-западе.

Коньи с самого начала скептически отнесся к идее барьера, опирающегося на Дьенбьенфу и Лай-Чау, прежде всего потому, что опасался ослабления своих сил в дельте, откуда, несомненно, заберут часть его войск для усиления нового фронта. Но новоиспеченный дивизионный генерал никогда не спорил в открытую с главнокомандующим. Он осторожно с ним согласился, сделав несколько оговорок, а затем попросил своих штабных офицеров сделать анализ. Этот анализ показал, что с самого начала операция обречена на провал.

Представители сухопутных войск указывали, что во всей стране уже не хватит французских войск, чтобы, действуя с одного укрепленного пункта, вроде Дьенбьенфу, с использованием тяжелых дальних дозоров предотвращать передвижения войск Вьетминя. Противник, как доказано, уже имел достаточно сил и опыта, чтобы обходить даже большие воинские контингенты, разместившиеся в этих так называемых заградительных фортах, если ему это было нужно. Сама идея барьеров, опирающихся на форты, в этой связи считалась совершенно устаревшей. Они напомнили, что она оказалась непригодной еще в Первую мировую войну. Да, от Лай-Чау до Дьенбьенфу проходит так называемая тропа Павье. Но эта дорога, частично проходя по отвесным горным склонам, частично через джунгли и по засохшим рекам, требовала марша протяженностью в сто километров, при этом на каждом шагу могла ожидать засада. По мнению сухопутных войск, говорить в таких условиях о заградительном барьере было вообще абсурдно.

Авиация, страдающая от постоянной нехватки самолетов, тоже не была готова снабжать занятую французами Дьенбьенфу, лежащую в центре джунглей тайского высокогорья и лишенную наземных коммуникаций. Полковник Нико, командир транспортной авиации, в своих расчетах показал Коньи, что он сможет перевезти лишь малую долю необходимых грузов, если вообще будут возможности приземляться в Дьенбьенфу. Если же такой возможности не будет, то сброс грузов на парашютах никак не сможет удовлетворить потребности крепости. К этому добавлялась проблема с вывозом на самолетах раненых и погибших. И, наконец, он указал на решающее значение быстро изменяющихся погодных условий, которые могут в тропической стране вроде Вьетнама сделать полеты невозможными на целые дни.

Но Наварр, которому Коньи передал результаты анализа, имел свои представления. Он не разделял скепсиса штабных. Зато он указал Коньи на то, что большие соединения Вьетминя на высокогорье между Лай-Чау и Дьенбьенфу совершенно лишатся там снабжения, потому что слишком удалятся от тех областей, где возделывается рис. Так как у Вьетминя почти нет грузовиков, а те, что есть, могут быть легко нейтрализованы французской авиацией, то вьетнамцам придется, помимо боеприпасов, тащить на себе еще и продовольствие на расстояние 300 – 400 километров. Наварр думал, что каждый носильщик во время такого недельного марша съест весь рис, который тянет на себе, чтобы не умереть с голоду. Так он пришел к ошибочному выводу, что даже массовое использование колонн носильщиков Вьетминю не поможет.

- Они окажутся обессиленными и лишенными тылового обеспечения на незнакомой для них территории, – сказал Наварр. – А мы прихлопнем их, как муху свернутой газетой!

Так Коньи начал разработку плана «Кастор» («Castor»), согласно которому в Дьенбьенфу вначале должны быть высажены шесть батальонов для создания условий для переброски дальнейших частей.

Премьер-министр Ланьель послал из Парижа в Сайгон государственного секретаря Жакэ, с одной стороны, чтобы успокоить Наварра, каждый день посылавшего телеграммы с требованием подкреплений, а с другой стороны, чтобы еще раз объяснить ему же, что защита Лаоса благодаря соглашению с королем Сисоватом стала официальным государственным обязательством Франции.

Генерал Наварр постарался избавиться от нежелательного эмиссара, устраивая ему ежедневные приглашения на различные приемы, что достаточно занимало парижского чиновника. Кроме того, само послание из Парижа было в корне нелогичным: как можно было с наличествующими силами без всяких подкреплений действительно эффективно защитить Лаос, чтобы и он не стал красным? Ланьель не мог этого сказать. Поэтому, решил Наварр, мне нужно найти свой путь, и мне не нужны штатские умники. Пусть сами пьют свои ядовито-зеленые коктейли!

Наварру нужны были, прежде всего, солдаты, даже больше, чем техника, которую без лишних вопросов поставляли американцы. Даже самые новые средства для массового убийства, вроде напалма, оставшегося нас складах после окончания Корейской войны, были в его распоряжении. Но войск американцы дать не могли. Правительство США резонно опасалось международного возмущения, если почти сразу же после бесславного завершения войны в Корее, оно послало бы войска во Вьетнам. Поэтому – только оружие и деньги. Наварр, вовсе не информируя Жакэ, начал интенсивную подготовку к операции «Кастор». Жакэ узнал лишь, что Наварр руководит какой-то операцией для обеспечения безопасности Лаоса.

Министр обороны Франции Рене Плевен располагал собственной хорошо функционирующей системой информации, поэтому он в общих чертах знал о плане Наварра. Одновременно он понимал, что даже такие операции не помогут выиграть войну в Индокитае. Плевен признавал, что не остается другого выхода, кроме как сесть за стол переговоров с Вьетминем, этими красными бунтовщиками, потому что любое усиление активности в «грязной войне» немедленно вызовет во Франции массовые протесты. Это нельзя долго игнорировать. А на быструю победу, которая могла бы поставить всех перед свершившимся фактом, надежды уже не было.

Поэтому Плевен направил в Сайгон контр-адмирала Кабанье, генерального секретаря Совета национальной обороны, с указаниями осторожно воздействовать на Наварра, чтобы тот не предпринимал ошибочных действий, кото-

рые могли бы помешать становившемуся все более вероятным переговорному процессу.

Когда Кабанье прибыл в Сайгон, то не подозревал, что жребий уже брошен. Наварр как раз вместе с Коньи, госсекретарем Жакэ и ново назначенным генеральным комиссаром Дежаном, а также с Нгуен Ван Таммом, премьер-министром профранцузского сайгонского правительства Бао-Дая назначил дату проведения операции «Кастор» на 18 ноября. Он послал телеграмму контр-адмиралу Кабанье с просьбой подождать его в Сайгоне, потому что здесь в Ханое у него нет времени на встречу с ним.

Начальник штабов видов вооруженных сил высказали свои возражения, Наварр выслушал их, а затем заявил, что он здесь главнокомандующий и будет сам решать, что нужно Франции. Несмотря на видимые трудности, которые он не отрицает, он полон решимости действовать. Трудности – это то, с чем армия привыкла бороться. На это Коньи заметил, что с небольшой частичкой счастья цель операции даже может быть достигнута.

День 18 ноября 1953 года прошло, а назначенный командующим операцией «Кастор» бригадный генерал Жилль все еще не мог дать сигнал к вылету. Ноябрь в этом году был, как исключение, очень негостеприимным месяцем – холодным, облачным и туманным. Жилль, специалист мобильной войны, которой ему очень не хватало, пока он как пленник сидел взаперти на базе На-Сан, до того, как его там сменил Бертей, ждал нового задания, в котором мог бы проявить свой полководческий талант. Часами он стоял у окна своего штабного домика и одним глазом смотрел на хмурое небо. Другой глаз он потерял в одном из предыдущих сражений. Его заменил стеклянный протез, но он мешал, и генерал с большим удовольствием носил его в кармане. Жилль так нервничал, что командиры находившихся в полной боевой готовности парашютных батальонов не отваживались даже обращаться к нему с вопросами.

20 ноября Жилль видел в Гиа-Ламе, как за два часа до рассвета взлетел самолет метеорологической разведки, оснащенный современными американскими приборами «Прайватир». Сегодня был последний срок для отсрочки проведения разработанной Наварром операции по причине плохой погоды. Жилль быстро решил подготовить одну «Дакоты» к вылету. С ним в самолет сели личный заместитель Наварра и еще несколько высокопоставленных офицеров. С рассветом, после того как Жилль в ярости разорвал в клочья бумажку с радиограммой от «Прайватира» о том, что вся долина Дьенбьенфу затянута туманом, «Дакота» взлетела над равниной: овальной, вытянутой в длину короной с острыми зубцами. Это были горные цепи высотой до семисот метров вокруг котла, сверху похожего на миску молочного супа.

Жилль решил не сдаваться так быстро. Только раннее утро, погода еще может измениться, знал он по опыту. Сначала он приказал машине лететь на север до Лай-Чау. После часа кружения над тускло-зеленой землей, с черными морщинами и блестящими в первых лучах солнца хребтами он, наконец-то, смог разглядеть через разрывы в тумане поселения в Дьенбьенфу: хижины на сваях и изгороди из бамбука и кактусов. Река Нам-Юм тоже была видна. Тут и там виднелись желтые высушенные рисовые поля, там в утренней росе стояли спелые колосья, и даже это мог уже видеть Жилль.

- Есть там ветер внизу? – спросил он летчиков.

- По моей оценке 3 метра в секунду, северо-восточный.

Этого Жиллю было достаточно. Ветер разгонит остатки тумана в долине. А парашютистам он при посадке не принесет вреда, разве что пару переломов. Посмотрим, как они справятся! Он повернулся к сидящему наискось от него радисту, посмотрел на часы и отдал приказ: – Радиограмма для Коньи. Погода проясняется. Вылет ровно через час.

Когда в Гиа-Ламе первая «Дакота» выкатывалась на взлетную полосу, было чуть позже восьми часов утра. Без огласки удалось получить у американцев еще дополнительно пару дюжин этих двухмоторных рабочих лошадок. Теперь в каждом самолете сидело по 20 солдат и четыре сержанта. Самолеты поднялись в небо, перестроились в длинную цепочку, с легкими бомбардировщиками В-26 по флангам. Они обеспечивали охранение, потому что истребители-бомбардировщики без подвесных баков хоть и могли долететь из Гиа-Лама до Дьенбьенфу и вернуться назад, но не могли барражировать там над целью хоть какое-то время, а обещанные американцами подвесные баки ожидалась только через несколько дней.

Старт состоялся примерно в то же время, когда в Сайгоне генеральный секретарь Совета национальной обороны контр-адмирал Кабанье вошел в кабинет Наварра. Тот несколько рассеянно слушал высказывания Кабанье о мирных переговорах. Но Наварр не прерывал адмирала, проявляя вежливость.

Когда генеральный секретарь закончил, Наварр холодно сообщил ему, что как раз сейчас три батальона парашютистов высаживаются в Дьенбьенфу, у ворот к Лаосу. – Я создам там совсем новую военную ситуацию. Не позднее весны Франция сможет занять на переговорах самую выгодную позицию. Мы так поколотим Вьетминь, что разве что пара калек сможет добраться до стола переговоров.

Когда генерал Зиап получил сообщение о посадке французских парашютистов в Дьенбьенфу, ему пришлось принимать много сложных решений с учетом самых разных обстоятельств. У него была беспокойная ночь. Повсюду в свободных областях войска проводили перегруппировку или марши. Это бы-

ло рискованным, с учетом того, что противник все еще располагал достаточно сильной авиацией. За последний месяц передвижения войск, правда, были уже не единственным мероприятием такого масштаба для будущего. Партия мобилизовала сотни тысяч добровольных помощников, мужчин и женщин, готовых в качестве носильщиков доставлять провиант и боеприпасы на будущие фронты. В тысячах мастерских изготавливалось и ремонтировалось оружие, снаряжались пулеметные ленты, повсюду переделывались велосипеды. Их оснащали крепежными ремнями и удлиняли руль, что позволяло перевозить тяжелые грузы. Для бездорожья в большинстве областей и при господстве противника в воздухе велосипед и спина Дан-Конга, добровольного носильщика, были самым надежным транспортным средством.

Но не только эти проблемы заботили Зиапа. Несколько дней назад партия и правительство приняли решение об усилении войск Народной армии вокруг Лай-Чау и доведения их численности достаточной для проведения наступления.

В центральном Лаосе части Народной армии совместно с войсками Патет-Лао готовились к зимнему наступлению. Дальше на юг предстояла атака на Аттопы и на стратегически важное плато Боловен. На январь планировалось наступление на позиции Франции на центральном высокогорье. Все эти запланированные на зиму операции должны были в первую очередь заставить противника еще больше распылить свои войска, разместив их по многим провинциям, что отняло бы у него возможность наносить концентрированные удары, не говоря уже о большом стратегическом наступлении.

Стратегия Народной армии, в решающей степени вдохновленная Политбюро партии, хороша, говорил себе Зиап, но не нужно заниматься самолюбованием. Наш противник тоже мыслит, и он располагает не только техникой, но и талантливыми планировщиками. Итак, они высадились в Дьенбьенфу. Этого следовало ожидать, да. Но в любом случае эта высадка изменила военную ситуацию, которую еще нужно обсудить. Генерал Зиап оставил своему ближайшему сотруднику Ван Тиен Дунгу сообщение, что вернется через час, и исчез.

Хо Ши Мин всегда был готов посоветоваться со своим главнокомандующим о стратегии и тактике, перед разработкой предложений для утверждения решений в верховных органах, Он считал нужным хорошо все продумывать, особенно если на карту ставилась жизнь людей, что неизбежно при всех военных операциях.

Противник был вынужден связать свои мобильные части в Дьенбьенфу, чтобы защитить Лаос от освобождения. Это стало его слабой стороной, если, конечно, он действительно не будет в состоянии проводить эффективные операции из Дьенбьенфу. Если мы предотвратим это и сможем зажать врага в

обоих его опорных пунктах, то ему волей-неволей придется усилить там свои гарнизоны. Может даже случиться, что он сдаст одну из баз, чтобы усилить вторую. И мы этому поможем, а именно – в Лай-Чау.

Но он также может отступить и провести наступление в другом месте, откуда мы отведем наши войска. Если он это сделает, то неизбежно будет терять территорию. Но его планировщики понимают, что отправка подкреплений в Дьенбьенфу – особенно если мы станем активно действовать в ее окрестностях – еще больше распылит его мобильные части.

Было много вариантов.

- А если у французов вообще нет никакого плана с дальней перспективой? – спросил Хо Ши Мин. – Что, если он будет действовать в зависимости от нашей реакции? Если он сначала создаст факт Дьенбьенфу, а потом будет выжидать, что мы сделаем, чтобы легче схватить нас за руку?

В конце концов, он и Зиап были едины во мнении: как бы ни поступал противник, высадка в Дьенбьенфу сделала очевидным основополагающий конфликт, к которому привела французов Народная армия в ходе конфликта. Либо они делают упор на захвате территории, либо на концентрации войск в укрепленных зонах? Чему им следует отдать предпочтение – территориальным приобретениям на тайском высокогорье или защите своих позиций в дельте Красной реки, вообще на подходах к северному Вьетнаму?

- Я предложил бы атаковать Лай-Чау, нейтрализовать его, и я готов принять решение о концентрации наших подступающих крупных частей сначала на севере и на западе от Дьенбьенфу. Кроме всего прочего, это предотвратит отвод французских войск из атакованного нами Лай-Чау к Дьенбьенфу. Это означало бы, что мы одновременно лишаем противника и шанса перебросить подкрепления наоборот – из Дьенбьенфу в Лай-Чау.

Когда генерал Зиап увидел, что Хо Ши Мин задумчиво кивает, и, по своей привычке, тербит бородку, он добавил: – Дьенбьенфу будет при этом практически окружена. Изолирована. У нас будет шанс помешать вылазке противника и разбить его.

- Но – противник ведь тогда определенно подтянет подкрепления! – заметил Хо Ши Мин.

- Мы сделаем то же самое. Наши позиции лучше. Если нам удастся установить артиллерию на холмах и в долине, Дьенбьенфу будет потеряна для французов. И чем больше подкреплений они туда отправят, тем больше они их там потеряют.

- Есть план, как доставить артиллерию туда?

- Пока только предложения, – ответил Зиап. – Мы вскоре примем решения об этом. Он был полон решимости ввязаться в сражение под Дьенбьенфу, которое французы преподнесли ему прямо на подносе. Но он их удивит тем, что не они, а он продиктует условия, при которых состоится битва у Дьенбьенфу. Народная армия в прекрасной форме. А враг в Дьенбьенфу похож на жука, беспомощно лежащего на спине внутри глубокой ракушки.

- Можем мы принять решение через час?

- Как только соберется штаб, – согласился Хо Ши Мин.

Ань Чу стоял на посту у штабного грота. Он слышал, как генерал Зиап объяснял: – Дьенбьенфу – это самое широкое и самое густонаселенное плато из всех четырех на нашем северо-западе. Находится у границы с Лаосом, здесь к тому же есть пересечение дорог, связывавших центры по всем сторонам света – Лай-Чау на северо-востоке, Туан-Гиао, Сон-Ла и На-Сан на востоке, Луангпхабанг на западе и Сам-Нёа на юге. Французские колониальные генералы и их американские спонсоры справедливо рассматривают Дьенбьенфу как стратегически очень важную позицию между северным Вьетнамом, северным Лаосом и юго-западным Китаем...

Прошлым вечером Ань Чу посетил одного старого ученого, который много лет назад отдалился от мира, чтобы заниматься своими философскими упражнениями в спокойствии, почти как отшельник, вдали от шума и беспокойства больших городов. У него была большая библиотека, в которой были и старинные китайские книги, в числе прочих и издание написанного еще за несколько сотен лет до нашей эры «Искусства войны» древнего китайца Сунь-Цзы. Старый ученый, с удовольствием принимавший у себя молодого солдата, поскольку ценил любознательность и вообще уважал людей, которые любили книги, зверей и цветы, перевел один абзац этого труда для Ань Чу. Ученый сказал, что для каждого воина это обязательный урок. Ань Чу записал в свой блокнот все, что прочитал ему старик: «Если ты вблизи врага, заставь его думать, что ты далеко, и наоборот. Всегда передвигайся окольными путями, чтобы внести в его ряды смятение. Покажи, что ты в смятении и внезапно нанеси удар. Покажи что у тебя мало сил, чтобы враг стал уверенным в победе. Приготовь наживку и ожидай врага в засаде. Заставь его генералов действовать легкомысленно...»

Улыбаясь, Ань Чу подумал, что то же самое летописец написал бы, услышав, что генерал Зиап предложил в качестве стратегического плана разгрома противника у Дьенбьенфу.

- Атака! Атака! – кричал радист Кванг До в микрофон своей рации. – 10.40. Воздушный десант с «Дакот». Обстрел селений и склонов с бомбардировщиков В-26. Две четко различимые зоны высадки. Первая у селения Хонг-Кум,

восточнее реки. Вторая западнее старой взлетной полосы, со сдвигом на северо-запад. Сбрасывается легкое и среднее вооружение и оснащение. Численность уже больше батальона. Подразделения охраны открыли огонь западнее старой взлетной полосы.

В ответ он получил инструкцию продолжать наблюдение, не ввязываться в бой и постараться сохранить свое убежище незамеченным. То же самое касалось и Кенга. Он занимался наблюдением за тем, что происходило к западу от старой взлетной полосы, построенной еще японцами, но не использовавшейся уже десять лет и частично поросшей кустарником. Во многих местах еще лежали перфорированные металлические листы. Кенг медленно подполз к подножью холма, где находилось его убежище. Внизу в долине он встретил первых жителей, бежавших в горы с нехитрыми пожитками.

- Их слишком много, – кричали они, увидев Кенга. – Их вы не сможете остановить. Они падают с неба как лепестки цветов в начале лета...

Одна старая женщина, которая тянула за собой маленькую девочку и непослушную козу, посоветовала Кенгу: – Стань снова невидимым, сынок, они стреляют во всех молодых мужчин!

Кенг не стал невидимым, а проделал маленький фокус, чтобы подобраться поближе к месту высадки первого контингента парашютистов. В одной брошенной хижине он собрал золу из очага, насыпал ее на волосы и растер по лицу. Затем натянул валявшийся там же кафтан, взял палку и поплелся с согнутой спиной туда, где река Нам-Юм делает несколько крутых изгибов. С другой стороны этой излучины находилась открытая местность и там, на небольшом расстоянии от старой взлетной полосы, шел бой. Непосредственно у реки, это Кенг мог видеть еще из своего укрытия, командир подразделения охраны Народной армии атаковал противника. Здесь также был его скрытый командный пункт. Кенг приковылял туда. Командир озабоченно качал головой, увидев разведчика. – Тебе повезло, если они тебя действительно приняли за калеку? Ты знаешь приказ?

- Я не ваш.

- Все равно, он касается всех. С наступлением темноты мы исчезнем отсюда. Организованный отход на горные позиции.

- Горные позиции?

- Ты, видимо, давно не ходил дальше, чем до своего командного пункта? – осведомился командир. – Здесь все приготовлено для этих господ, падающих с неба. Теперь уходи. Мы устроим налет на кучу боеприпасов, которые они так красиво сложили вон там!

«Дакоты» все еще кружили над долиной, выбрасывая людей, над которыми раскрывались парашюты. Самолеты сбрасывали еще гранаты и пулеметы, мины и минометы. Повсюду лежали белые купола свернувшихся парашютов; они покрывали поля риса и маниоки, висели на высоких стволах бамбука и на покрытых рисовой соломой крышах свайных хижин, похожие на свисающие флаги. Пулеметы трещали вокруг взлетной полосы. Французы, очевидно, собирались обеспечить ее безопасность, чтобы потом, приведя ее в порядок, использовать для посадки своих самолетов со снабжением.

Клубы дыма и пыли поднимались над землей, где взрывались минометные мины, ручные гранаты или сброшенные с В-26 маленькие бомбы. Воняло сгоревшей резиной. Где-то раненый француз громко звал санитаря.

Солдаты подразделения охранения были хорошо укрыты в своих убежищах. Они стреляли в спускавшихся парашютистов, или выискивали цель среди многих копошившихся вокруг взлетного поля французов.

Жители пытались спасти свою жизнь в этом внезапно навалившемся на них хаосе. На краю поселения Хонг-Кум Кенг видел, как французы повсюду, где по ним не стреляли, выгоняли жителей из их домов и сжигали их. Едкий дым поднимался вверх, утренний ветер стих.

В середине дня выше «Дакот», продолжавших сбрасывать солдат, кружил еще один самолет, в котором сидели Наварр и Бертей, ставший теперь заместителем Коньи и переборовший в себе травму На-Сана. На других сиденьях уселись еще высокопоставленные офицеры. Они напрягали глаза, чтобы оценить ситуацию, но пыль и дым там внизу не давали ничего разглядеть.

Коньи по радиации с самолета вызвал полковника Бижара, храброго и резкого командира парашютистов, сражавшихся у Хонг-Кума. Когда связь была установлена, Бижар доложил, что сопротивление вьетнамцев хорошо организовано, но не такое сильное, как ожидалось. Он со своими войсками окружен и просит о авиатехподдержке.

- Потери?

- Двадцать погибших, двадцать тяжелораненых. По моей оценке.

Коньи задумался. Два батальона и саперная рота уже высажены. Погибшие – это погибшие, но никто не рассчитывал на то, что Вьетминь будет отходить без боя. – Смогут ли саперы восстановить вторую, маленькую взлетную полосу, которая там у вас есть, до завтра?

Бижар ответил: – Для маленьких самолетов да, через два дня они смогут на ней приземляться. Для самолетов побольше, начиная с «Дакоты» ее нужно удлинить.

- Что вам нужно?

Бижарне медлил с ответом. – Во второй половине дня пришлите нам обещанный третий батальон. Он вытащит нас из окружения. Авиаудары по склонам, чтобы оттуда не стреляли! Там у них стоят одиночные минометы. Для взлетной полосы мне нужен бульдозер. И еще нам нужен врач. Срочно. Доктор Рей погиб, а число раненых все увеличивается.

- Я обо всем позабочусь. При такой запыленности и дыме вам придется корректировать авиаудары с земли, наш наблюдатель здесь ничего не видит.

- Сделаем.

- И – закопаться! – резко приказал Коньи. – Глубоко!

- Легко сказать! После первой лопаты почва тут состоит из глины, твердой как камень. Людям придется копать как кротам. Для блиндажей нам нужна тяжелая техника. Лопатами не справимся. Конец передачи.

- Об этом мы не подумали, – сказал Коньи вскоре после этого, когда в наполовину закопанной в землю офицерской столовой в Лай-Чау обедал с сопровождавшими его офицерами. Серьезный просчет – не сделать проб грунта там, где будет строиться крепость. Ну, ладно, пара экскаваторов помогут. Их, как и бульдозер, можно перебросить одним из американских «Фэйрчайлдов» С-119 – большим транспортным самолетом с двухкилевым хвостовым оперением и большим кормовым аппарельным люком, позволявшим сбрасывать такую тяжелую технику.

- Но дым останется, – проворчал Жилль, без удовольствия уставившийся в свою тарелку. У него опять болело сердце, о чем он никогда не рассказывал, но это было видно. – На самом деле это не дым, а пыль от глины, которую поднимают разрывы наших бомб и снарядов. А это свойство почвы гарантирует нам, что, как только пойдут весенние дожди, мы будем стоять по колено в воде, потому что глина плохо впитывает воду. Это будет настоящая битва в грязи!

Жилля собирались назначить комендантом крепости. Что касается Коньи, он с самого начала возражал против такого решения Наварра. По состоянию здоровья Жилль лишь в некоторой степени мог выдержать такие большие нагрузки, хотя сам этого не признавал. Но он лишь временно будет командовать Дьенбьенфу. Как узнал Коньи, его возражения не остались без последствий. Главнокомандующий искал более подходящего коменданта. Чтобы подсластить пилюлю, он сказал Жиллю, что тот должен провести всю самую

важную работу по инженерному оборудованию крепости. А это войдет в историю войны в Индокитае.

- 316-я дивизия Вьетминя по сообщениям агентов поворачивает в направлении к Дьенбьенфу, – сказал кто-то.

Коньи что-то пробормотал о достойном приеме, а Жилль с трудом храбро кивнул. Ему при этом было ужасно плохо. В этом состоянии, в котором он еще должен был думать о своем завтрашнем прыжке над его новым местом деятельности, его совсем не интересовала какая-то дивизия Вьетминя, как бы близко она ни находилась.

Обед, на который их пригласил Коньи, не был особо радостным, хотя он и сказал в своей краткой застольной речи, что операция «Кастор» полностью удалась и открыла превосходные перспективы для полного покорения высокогорья.

После обеда на Дьенбьенфу был сброшен третий батальон парашютистов. Коньи направил несколько вертолетов американского производства на в значительной мере уже прикрытую солдатами Бижара взлетную полосу, чтобы забрать оттуда раненых. Здесь, как и дальше на север бои еще были в полном разгаре. Но ближе к вечеру они утихли. Солдаты Народной армии отошли к холмам, где исчезли на ста только им известным тропам, вместе с большинством жителей «большого окружного города на границе».

Бижар, который до прибытия Жилля командовал тут войсками, быстро собрал несколько ударных групп для преследования по пятам отходивших бойцов Вьетминя. – Гоните их! Не давайте им отдыха! Они должны привыкнуть к тому, что мы на них охотимся!

Ударные группы добрались до поросших кустарником подножий холмов и застряли там, потому что из множества умело спрятанных в холмах укрытий по ним открыли прицельный огонь. Вечером они вернулись назад. Медленно в долину Дьенбьенфу вернулось спокойствие. Только транспортные самолеты непрерывно сбрасывали грузы, пока испарения не загасили сигнальные факелы.

Три батальона элитных солдат сейчас были в Дьенбьенфу, кроме них специальные подразделения, занимавшиеся саперной работой, устройством складов, артиллерийских позиций, баррикад из мешков с песком для защиты самолетов, все при свете бензиновых ламп. Безоткатные 75-мм орудия уже были тут и расставлялись на позициях. Устраивалась и рота 120-мм минометов. В центре долины Бижар приказал усталым саперам начать строить командный бункер. Оборудование для полевого госпиталя привезли на самолетах к

вечеру, вместе с новым старшим врачом, больше похожим на мясника, чем на доктора, хотя, по слухам, он прекрасно знал свое дело. Все больше жителей за первую ночь покидали селения и уходили в горы. Солдаты Народной армии принимали их и приводили к дороге на Туан-Гиао, откуда их эвакуировали в тыловые деревни.

Следующим утром генерал Жилль спрыгнул над центром Дьенбьенфу и несколько позже, тяжело пыхтя, зашел в строящийся командный бункер, где его встретил Бижар и передал ему командование. Зона, где находился командный центр вместе с лазаретом, радиостанцией и другими учреждениями, уже получила название – «Наташа».

Четвертый и пятый батальоны парашютистов были высажены, южная часть продолговатой долины тоже была занята, и началось строительство укреплений в предусмотренных для этого местах.

Прилетел полевой капеллан со своим алтарем, джипы и мотоциклы, 155-мм орудия и мотки колючей проволоки, спальные мешки, контейнеры с сухими пайками и консервами с американских складов с давно вышедшим сроком годности, оставшиеся после войны в Корее, а также бачки со столь высоко ценимым французами красным вином. Это вино получило здесь таинственное название «Виногель». Первым солдатам, попробовавшим его, оно показалось таким же противным, как разведенный уксус. Разочарованные, они тут же его выплевывали.

Для строительства большой взлетно-посадочной полосы во второй половине дня один предоставленный американцам С-119 сбросил обещанный бульдозер. От удара о землю он развалился – впопыхах забыли правильно укрепить парашюты. На другой день самолет сбросил второй бульдозер. В этот раз все получилось: он спустился мягко на землю благодаря двум дюжинам парашютов.

Генерал Коньи проинспектировал крепость 22 ноября. Он встретился с Жиллем, который сказал ему, что строительство крепости очень значительно продвинулось вперед, но спросил, не нашли ли уже для него преемника. Коньи его пока не нашел, кроме того, окончательное решение все равно принимает Наварр.

Повсюду в Дьенбьенфу кипела работа. Строились блиндажи, вынималась земля, создавались баррикады, колючую проволоку натягивали и по краям долины, и вокруг каждого из разбросанных по долине поселков, из которых и создавалась крепость Дьенбьенфу.

Артиллерия обстреливала вершины холмов. В небо поднимались радиовышки. Солдаты ночевали в палатках или поселялись в домиках на сваях в тех поселках, которые потом должны были быть снесены или сожжены. Специ-

альные саперные подразделения выкорчевывали кустарник у подножий холмов, чтобы создать большие секторы для обстрела. Повсюду в центре крепости складывали ящики с боеприпасами и бочки с горючим. Когда Коньи улетел из крепости на маленьком самолете «Бивер» канадского производства, он объявил о предстоящем прилете Наварра.

Большой аэродром, служивший еще японцам, стал полностью пригодным для использования уже 25 ноября. Теперь «Дакоты» могли доставлять на него все предметы снабжения. На второй маленькой ВПП, на юге долины, у Хонг-Кума, который называли «Изабель», строительство еще продолжалось. А на ее краю уже собирали из стальных составных частей легкие танки М-24 «Чэффи» американского производства, легкие и быстрые (скоростью свыше 50 км/ч) машины с 75-мм пушкой и тремя пулеметами.

Иногда в крепости слышались разрывы малокалиберных минометных мин, которыми стреляли со стороны холмов. Народная армия с успехом создавала у французов впечатление, что хочет избегать боя и только ведет беспокоящий огонь малыми силами.

В Ханое генерал Коньи после своего возвращения из крепости был взволнован сообщениями о передвижениях войск Народной армии. 316-я дивизия по данным контрразведки уже двигалась на Дьенбьенфу и могла оказаться там в конце первой недели декабря. К концу декабря ожидается появление в районе крепости еще трех дивизий Вьетминя, если верить сообщениям местных агентов, наблюдавших за маршем частей Народной армии.

Коньи сообщил об этом Наварру. Он посоветовал перебросить в крепость дополнительные подкрепления, потому что все походило на то, что противник собирается сражаться на высокогорье. Но Наварр был скепичен. Он считал, что передвигаются лишь части сильных дивизий, и что они значительно утратят свои боевые возможности после долгого трудного марша через леса, овраги, скалы и высохшие русла рек. Поэтому у Дьенбьенфу их легко можно будет рассеять ударами танков и налетами авиации.

- Этот Зиап, – сказал он презрительно Коньи, – вполне возможно, умеет хорошо управлять полками при нападениях из засады, но не дивизиями в настоящей битве, от него можно ожидать полководческих способностей французского сержанта, а не генерала! Шестьсот километров по бушу – после этого его солдаты три дня подряд будут чистить песком свои ружья от ржавчины, чтобы отстрелять те пять патронов, которые у них есть!

Он провел еще один уикенд с приемами и другими общественными обязанностями в Сайгоне; в понедельник рано утром он вылетел в Ханой. Неожиданно погода в этот день 29 ноября оказалась снова солнечной и сухой. Казалось,

то, что здесь называют зимними холодами, наступит в этом году позднее обычного.

В середине дня Наварр прибыл в Дьенбьенфу. Он с похвалой отозвался о проделанной работе и потребовал направлять из крепости дальние патрули. Тропа Павье должна контролироваться ими до середины с каждой стороны из двух пунктов – Дьенбьенфу и Лай-Чау, чтобы враг не мог там появиться. Коньи едва сдержался от замечания, что считает эту идею иллюзорной. Наварр, казалось, не понимал, что дистанцию общей длиной около ста километров даже подготовленное к войне в джунглях подразделение вряд ли пройдет за неделю. Не говоря уже о засадах, которых и там немало, об отвесных скалах, где ширина тропы не достигает и метра, о кустарнике высотой с человека. Вместо того чтобы сказать, что фактор усталости, который учитывает Наварр в отношении Вьетминя, в гораздо большей степени приложим к своим солдатам, Коньи промолчал. Он не хотел вызывать гнев самолюбивого главнокомандующего, с каждым днем все более уверенного в себе и в своей победе. Наварр вручил орден Жиллю и вызвал облегчение последнего, сказав ему, что он выбрал ему преемника, бывшего кавалериста и нынешнего полковника бронетанковых войск Кристиана Мари Фердинана де ла Круа де Кастри, своего старого знакомого, который давным-давно служил эскадронным шефом в 3-м марокканском полку спаги, которым тогда командовал Наварр.

- Он человек для мобильной войны, – объяснял Наварр Жиллю, пока они стояли у командного бункера, из которого были слышны пiski радиостанции. – Здесь, на этой широкой равнине, идеально подходящей для танков, он сможет осуществить то, для чего рожден – наносить удары в движении! Это ему подойдет куда лучше, чем сидеть, как сейчас, в Тай-Бине, на самом краю дельты!

Де Кастри, поначалу высказывавший скепсис, когда Наварр лично прибыл к нему в Тай-Бинь, чтобы сообщить о новом назначении, отбросил все свои сомнения, как только главнокомандующий пообещал ему в самом ближайшем будущем две звезды бригадного генерала. 7 декабря 1953 года он, в традиционном красном кепи и с красным шелковым шарфом спаги, ставшими опознавательными знаками этих марокканских наемных войск, прибыл в Дьенбьенфу и принял командование. Помимо своих штабных офицеров он привез и личную секретаршу, по крайней мере, так ее официально представили – мадемуазель Поль Буржад, даму высокого роста, с ухоженной прической и тщательно подобранному макияжу, которой прекрасно подходил камуфляжный комбинезон.

Кенг-невидимка, который в облики не замечаемого солдатами калеки почти ежедневно после высадки обозревал происходящее в Дьенбьенфу и каждую

ночь посылал сообщения командованию, приказал маленькому радисту Кванг До передать в штаб такое сообщение: «Прибыл новый комендант, в звании полковника. Острое лицо, как у лисы. Имя пока не знаю. Новый комендант привез с собой женщину, француженку, военнослужащую. Последних жителей погнали на рытье траншей. Поселения почти полностью снесены. На восточном краю взлетной полосы строятся боксы для шести самолетов. Общее число оккупантов около шести батальонов, помимо них есть еще артиллерия и водители.

Он получил приказ продолжать наблюдение, но больше не передвигаться внутри самого опорного пункта. Так он остался невидимым для противника, но его глаза видели все, что происходило внизу.

ГОРЫ И ДЖУНГЛИ

В нескольких сотнях метров от первых нор-укрытий, входивших в кольцо обороны Лай-Чау, лежали солдаты Народной армии. Они вели себя тихо. Никто не говорил, не курил, старались даже не кашлять. Предстояла атака. После собраний, на которых партийцы объяснили политическое положение, каждый знал, что Центральный комитет принял план главнокомандующего и назначил день наступления на раннее утро 10 декабря 1953 года.

75-мм орудия уже стояли на позициях. Боеприпасы были под рукой. Союзники-китайцы отправили во Вьетнам захваченные у американцев в Корее безоткатные орудия, идеально подходившие для использования в этой местности. Легкие, с хорошей точностью огня, к тому же их за считанные секунды можно было переместить с одной позиции на другую.

И так давно предусматривавшееся нападение на самую отдаленную базу французов на северо-западе стало еще более важным после захвата ими Дьенбьенфу. Ведь противник намеревался создать между этими двумя базами своего рода заградительный барьер. Этим намерениям нужно было не дать осуществиться. Поэтому планировщики Верховного командования Народной армии не ограничивались лишь подготовкой к штурму Лай-Чау. Они предусматривали и то, как не дать французам шанса в случае сдачи ими Лай-Чау перебросить по тропе Павье какие-то части гарнизона в Дьенбьенфу.

Генерал Коньи, видимо, ожидал атаки, потому что за последние дни, не ожидая согласия Наварра, начал вывозить из Лай-Чау войска. Молниеносно прошла операция по переброске самолетами двух батальонов из Лай-Чау в Дьенбьенфу. Это требовало от Народной армии быстрых действий.

Сначала ряд подразделений был перебросен к контролируемой ими дороге № 41, идущей из Ханоя в Лай-Чау, на которой у Туан-Гиао была развилка на

Дьенбьенфу. Дорога теперь была практически перекрыта для противника. Вскоре по ней смогли двигаться транспорты Народной армии. Вдоль тропы Павье Народная армия тоже ускоренно устраивала засады. Разведчики сообщали, что оставшиеся в Лай-Чау французские войска планируют после короткого сопротивления отступить пешим маршем к Дьенбьенфу. Это следовало предотвратить, ведь речь шла о двух полностью укомплектованных батальонах из наемников-таев и около двадцати отдельных рот, в которых частично служили легионеры Иностранного легиона.

Только в 16 км к северу от Дьенбьенфу в узкой котловине, где находился поселок Муонг-Пон, готовился решительный удар по остаткам гарнизона Лай-Чау, еще до атаки на сам опорный пункт. Поселение таев состояло всего из нескольких домиков на сваях, в одном из которых жили один французский жандарм и два профранцузских вьетнамца. Но в статистиках Коньи они гордо именовались «передовым постом в тайском высокогорье», хотя прочее население поселка поддерживало Народную армию.

Мон Са, уже не молодой человек, чинивший в этом поселке кастрюли и точивший ножи, нужные в сезон сбора урожая, когда созревает рис, вечером 9 декабря покинул незаметно поселок, просто исчезнув в высоких кустах за домом. Полчаса он карабкался по тропам, знакомым ему с детства, к скалистому краю оврага. Там у него была договорена встреча с командиром роты Народной армии, знакомым с ним после первых боев в северо-западном высокогорье. Он поприветствовал его, взял предложенную сигарету, выкурил ее и спросил: – Вы придете этой ночью?

- Через 6 часов, – ответил ротный командир. – Что-то изменилось?

Тай покачал головой. – Они все еще сидят в своем доме. Один большую часть времени бодрствует. Устроился между сваями. По ночам греется со свиньями, которых они там держат. Мне позаботиться о нем?

- Нет, нет, – ответил ротный командир. – Тебе пора выйти из игры, Мон Са. Иди спать. И ты ничего не знаешь. Завтра мы будем здесь. Нам придется вести бой, у вашего поселка, не только против пары постов.

- Уже ночью?

- Самое позднее утром. Французы выслали из Дьенбьенфу батальон. Он должен идти по лесной тропе к Лай-Чау, чтобы подобрать людей, бегущих отсюда. Мы не сможем полностью помешать их планам, но мы нанесем им такие потери, что толку от них в Дьенбьенфу будет мало.

- Нам нужно будет покинуть дома?

Ротный командир посоветовал Мон Са организовать это. Между его ротой и таями из Муонг-Пона же давно установилось сотрудничество, опирающееся на взаимное доверие. Как объяснил командир Мо-Сану, хотя атака на французов произойдет за пределами деревни, нельзя гарантировать, что чужеземцы не станут вымещать свою злость на ее жителей. Поэтому Мо-Сан должен сделать так, чтобы крестьяне покинули поселок. Следующий день они смогут провести на верху оврага. Командир роты далее ему нескольких своих солдат для помощи при временной эвакуации и защиты людей, устроившихся на холмах поверх оврага.

Когда следующим утром в овраге как тяжелый дым висел такой туман, что в Муонг-Поне из одного дома не было видно соседнего, у хижины французского жандарма и двух его помощников появилось несколько молодых людей. Они проскользнули к лестнице, ведущей в домик на сваях, там они остановились и прислушались. В тишине было слышно лишь дыхание трех обитателей. Тем более, что двое из них явно различались своим специфическим храпом. Счастливый случай – часовой, который всегда сидел на в карауле между сваями под домом, под утро захотел спать и присоединился к двоим другим.

Командир отряда вошел первым. Осторожно отодвинув занавес из бамбуковых палочек, он увидел внутри всех трех спящих. Француз и оба его помощника чувствовали себя в полной безопасности – ведь они были так близко от «крепости» Дьенбьенфу.

Немного позже послышалась пара выстрелов, и потом, как по команде, из своих домов повыскакивали крестьяне. Путь к безопасному холму был свободен. Солдаты помогали старикам тащить их пожитки. Последним жителем, покинувшим Муонг-Пон, была упрямая коза, которую один солдат, ругаясь, тащил в гору на веревку.

Генерал Коньи обменивался яростными радиogramмами с главнокомандующим Наварром в Сайгоне. Он настаивал на полной и быстрой эвакуации гарнизона из Лай-Ча, потому что опорный пункт уже окружен и может снабжаться только по воздуху. Но для этого Коньи должен был выделить самолеты, необходимые ему для перевозки оружия, войск и провианта в Дьенбьенфу.

Наварр упрекал Коньи за два уже вылетевших батальона, но Коньи удалось его успокоить. Войска перебрасываются в Дьенбьенфу, чтобы реализовать новую концепцию: помимо необходимых для защиты опорного пункта войск, еще до четырех батальонов должны будут выходить из Дьенбьенфу в тыл противника и проводить там большие операции в духе «коммандос».

- А что будет с Лай-Чау? – спросил Наварр. Он был недоволен тем, что его концепция защитного барьера, очевидно, оказывалась невыполнимой.

Коньи проинформировал его, что концентрация войск Вьетминя однозначно указывает на подготовку к наступлению. Еще он сказал, что его шпионы сообщают о наличии у вьетнамцев 75-мм орудий.

- В таком случае Лай-Чау не удастся удержать, мой генерал, – объяснил он. – Поэтому я прикажу оставшимся там силам двинуться по направлению к Дьенбьенфу по тропе Павье, после короткого сопротивления..

- Это же, как минимум, сто километров!

Коньи тоже это знал, но иного выбора не было. Он предвидел засады, но сказал Наварру, что у него отдохнувшие и полностью боеготовые батальоны, кроме того, это в основном наемники-таи, которые также хорошо справляются с трудностями местности, как и их противники. Наконец Наварр удостоил его замечания, что для публики сдача Лай-Чау будет представлена как плановая эвакуация в целях концентрации сил. Коньи ухмыльнулся. Главкомандующий уступил, а что ему еще оставалось!

Когда Наварр согласился с этой уступкой, он не знал, что от него уже ничего не зависело в районе Лай-Чау. Здесь Народная армия перешла в наступление, и она диктовала ход событий.

10 декабря 1953 года первые минометы ударили по Лай-Чау. Разрывы их мин устроили хаос среди оставшихся французских войск, привыкших к тому, что артиллерия есть только у них. Смятение усилилось, когда открыли огонь 75-мм орудия.

Круговая оборона была слабой из-за нехватки личного состава после вывода частей гарнизона. А Народная армия атаковала именно те места, где враг был слабее всего, пробилась сквозь линии укреплений и ударила врага одновременно с фронта и тыла. Сражение за Лай-Чау быстро распалось на множество местных стычек, в ходе которых французы внезапно с ужасом поняли, что нападавшими были не «недисциплинированные красные бандиты», голодные боевики в обносках, а хорошо вооруженные и обученные регулярные боевые соединения.

Пока французы спасали свою шкуру, все чаще сдавая позиции, части Народной армии уже маршировали по дороге № 41, чтобы не дать войскам противника отступить по тропе Павье на юг.

В тридцати километрах от Лай-Чау, у поста близ поселения Па-Хам произошел первый кровопролитный бой с большими потерями для французов. После операции по вывозу войск самолетами, проведенной Коньи, из Лай-Чау

отступали два батальона и около половины двадцати отдельных рот. Сам маленький городок пал 12 декабря 1953 года, через два дня после начала наступления. Вдоль тропы Павье кипел бой, в котором Народная армия планомерно разбивала одну маршевую группу противника за другой. Солдаты Народной армии чувствовали, что каждый солдат противника, который не попадет в Дьенбьенфу, облегчит им бой за эту крепость, ставшую их будущей целью. А если противник лишь в незначительной степени сможет укрепиться в этой «крепости», он потребует подкреплений. А взять он их сможет только из числа войск, дислоцированных в дельте Красной реки. Поэтому он ослабит свои позиции там. Враг попал в клещи: ему приходится все больше распылять свои силы, постоянно перебрасывая их туда и сюда.

Когда первая маршевая группа французов, проведя уже несколько боев на своем пути, подошла к маленькой деревне Муонг-Пон, солдаты были голодны и устали. Бледные бородатые парни, с трудом волочившие оружие, думали лишь об одном: упасть на землю и спать, поесть и опять спать...

Разведчики сообщили, что деревню покинули жители. Это всегда было знаком близкой опасности. Поэтому командир первого отряда приказал устроить лагерь перед поселком, чтобы не дать противнику шанса перебить его людей в свайных домиках. Эти хижины не только не давали никакой защиты, а наоборот – были похожи на клетки. Поэтому он сделал то, чего как раз хотел добиться от него противник: разместил обессилевших солдат, которым и так каждое усилие после долгой гарнизонной службы в Лай-Чау давалось с трудом, между высокими скалами перед первыми свайными домиками.

За ночь к устроившим там лагерь французам прибились другие рассеявшиеся и отставшие группы. Некоторые солдаты полезли наверх, чтобы отогреться у разведенного в очагах огня, потому что по ночам в горах холод пробирал до костей.

Очаги еще горели, когда со склонов скал, высоко над оврагом появились первые солдаты Народной армии, беззвучно занявшие позиции. Стволы их пулеметов смотрели вниз, где спали сбежавшие из Лай-Чау враги. Между пулеметными гнездами разместились стрелки, позади них в боевое положение были приведены минометы. Все происходило бесшумно: не лязгал металл, не шуршали камни. Наконец, любое движение замерло. Лишь когда за час до рассвета один из французских постов начал разводить огонь, чтобы сварить принесенный с собой из Лай-Чау утренний кофе перед дальнейшим маршем, внезапно наступил ад.

Со скал вниз в овраг полетела лавина ручных гранат. Одновременно открыли огонь минометы. Через несколько секунд весь овраг был полон пороховым дымом. Смертельно опасными были не только осколки гранат. Вырванные взрывами куски известняка при попадании в человека наносили ему ужас-

ные раны. В дыму носились испуганные французы, искали оружие, бесцельно стреляли по сторонам, и еще больше усиливали хаос. Прошли минуты, пока какой-то фельдфебель не собрал отряд наемников-таев и попытался прорваться с ними на южном краю оврага. Он и его люди попали под град пулеметных очередей, но он пытался вырваться снова и снова, пока не наступил день.

Командир роты Народной армии, руководивший атакой, наблюдал через бинокль за выходом из оврага. Там скапливались погибшие и раненые. По его оценке погибло уже больше половины французов. Остаток смог бы добраться до Дьенбьенфу, но при первой же новой атаке вьетнамцев перед глазами выживших солдат обязательно предстанет ужасная картина этого утра. Они будут неспособны на серьезное сопротивление, потому что сломлен их боевой дух. Здесь, у Муонг-Пон. А пока пусть они позаботятся о своих раненых и спокойно тянут их на себе до Дьенбьенфу.

- Прекратить бой! – приказал командир роты. До сего момента его рота не потеряла ни одного человека. Теперь и здесь не стоит уничтожать врага окончательно. Это можно будет сделать в Дьенбьенфу.

Солдаты незаметно отходили от склонов оврага. Они поднимались вверх по скалам и чуть позже могли наблюдать, как французы высылали свой передовой дозор на разведку выхода из оврага. Пока он вернулся, в рыхлой земле выкапывали могилы для погибших. Выстрелов больше не было. Призрачная тишина прерывалась только криками встревоженных обезьян. Враг все еще был в шоковом состоянии после атаки. Когда солнце встало над кронами огромных деревьев, а пороховой дым вместе с туманом начал понемногу рассеиваться, вернулся французский дозор. Остатки войск противника продолжили свой марш.

Они должны были достичь опорного пункта Дьенбьенфу примерно на следующее утро, 14 декабря. Никто из пробиравшихся по джунглям французов не догадывался, что Лай-Чау за это время уже был взят Народной армией. Это сорвало основную часть плана Наварра – создание барьера между Дьенбьенфу и Лай-Чау. Дьенбьенфу оказалась совершенно изолированной в зоне, контролируемой Народной армией. Сухопутного сообщения у нее уже не было. Дорога № 41 в тех местах, где по ней не могла наносить удары авиация, уже всю использовалась грузовиками Народной армии, везущими подкрепления к Дьенбьенфу, чтобы сделать кольцо осады вокруг нее еще прочнее. Верховное командование приняло решение не начинать штурм Дьенбьенфу слишком рано, а подготовить его с максимальной тщательностью.

Одновременно со штурмом Лай-Чау в центральном Лаосе войска революционного фронта Патет-Лао, поддержанные вьетнамскими добровольцами, перешли в наступление. За несколько дней они разбили два вражеских баталь-

она и заставили противника отступить к югу. Освободительные войска захватили стратегически важный город Тхакхэк на Меконге и теперь контролировали весь регион до старой колониальной дороги № 9, идущей на восток через горы Труонг-Сон вплоть до города Кванг-Три на вьетнамском побережье. Наварру снова пришлось послать в Лаос войска, так нужные ему под Дьенбьенфу.

Но освободительные войска продолжили свои действия в Лаосе еще в одном критическом месте. Они ударили глубоко на юге, недалеко от камбоджийской границы, атаковав город Аттопы, взяли его и создали там прекрасную отправную базу для наступления на плато Боловен, что давало им в руки весь южный Лаос.

В ста километрах к востоку от Аттопы соединения вьетнамской Народной армии прорывались все дальше на центральное высокогорье Вьетнама, захватив большие территории провинции Контум. Взятие одноименного города – столицы провинции – становилось делом нескольких недель. Мало того – Наварр узнал от своей разведки, что Народная армия готовится к наступлению и в северном Лаосе. Удар планировался по опорному пункту Муонгкхуа на берегу маленькой речки Нам-Ху, уже полностью изолированному. Если Муонгкхуа падет, Патет-Лао сможет в зависимости от своих тактических намерений всегда наносить удар как на запад, так и на юг.

Наварр быстро усиливал французский гарнизон Луангпхабанга с помощью войск, выводимых из дельты Красной реки – к огромному неудовольствию Коньи, позиции которого не только ослаблялись в дельте, но и уменьшалась возможность оказать хоть какую-либо помощь гарнизону Дьенбьенфу.

Успехи освободительных сил Вьетнама и Лаоса сломали концепцию французского главкома именно таким образом, как рассчитывало Верховное командование Народной армии. Генерал Зиап после соответствующего решения Политбюро и правительства начал полноценную подготовку тылов и снабжения для наступления на Дьенбьенфу. В каждой освобожденной деревне агитаторы призывали население помочь армии. Ремонтировались дороги, чтобы сделать их проходимыми – глубоко в джунглях, под защищающими листьями огромных деревьев прокладывались пути, устраивались походные кухни для колонн носильщиков, создавались вспомогательные лазареты. И каждое транспортное средство реквизировалось для перевозки оружия, боеприпасов и провианта.

В это время кольцо вокруг «крепости в джунглях» Наварра стало уже непроницаемым, за исключением разве что маленьких французских дозоров, которые порой ухитрялись незаметно проскользнуть. И – чего не знал противник – в скалистых горах, окружавших Дьенбьенфу, артиллеристы уже подыскивали позиции для орудий Народной армии.

Наварр вылетел в Ханой, чтобы посоветоваться с Коньи, как можно переломить эту сложную ситуацию. По дороге во время изучения карты ему пришла в голову новая идея, как заменить давно запланированный и неосуществленный барьер между Лай-Чау и Дьенбьенфу другим, который должен был прикрыть Лаос от продвижения Вьетминя.

В шестидесяти километрах по прямой на юго-запад от Дьенбьенфу был еще этот опорный пункт Муонгкхуа в Лаосе со своим внешним постом в сорока километрах западнее – Соп-Нао. Он был под угрозой, но пока не атакован. Если бы удалось создать постоянную связь между этими укреплениями и Дьенбьенфу и продемонстрировать там силу? Тогда и Дьенбьенфу сыграла бы свою роль краеугольного камня заградительного барьера от Вьетминя. Тогда новый барьер был бы между Дьенбьенфу и Муонгкхуа.

Коньи покачал головой, выслушав новую идею своего шефа. Он обратил внимание Наварра, что в «теории барьера», возможно, с самого начала была допущена принципиальная ошибка. Вьетминь, по всем данным, прекрасно умел осуществлять переброски своих войск мимо французских опорных пунктов, через непроходимые леса и горы. Свойства местности – высокие горные гряды, овраги, русла ручьев и поросший мхом древний лес – не дают почти никакого шанса выследить их там и навязать бой в тех местах, где это давало бы преимущество механизированным французским подразделениям.

Наварр просто отмел эти возражения: – Чепуха, Коньи! Наши солдаты ничуть не хуже Вьетминя. Они могут достичь прекрасных результатов, лишь бы их правильно использовали и грамотно ими командовали!

Против этого Коньи не рискнул что-либо возразить. Он задумчиво смотрел на карту местности между Дьенбьенфу и размещившимся в Лаосе опорным пунктом Муонгкхуа. Чтобы преодолеть это расстояние стоило бы использовать легионеров, подумал он. У нас их еще достаточно. Наварр подумал было о наемниках-таях, которые, по его мнению, лучше приспособлены к войне в этой с детства знакомой им местности. Но затем согласился с замечанием Коньи, что эти люди дезертируют после первого боя, потому что им ничего не стоит попрятаться в стране, даже в их родных деревнях. У солдат Иностранного легиона такой возможности, понятно, не было.

- Ну, хорошо, – заключил главнокомандующий. – Когда мы можем полететь в Дьенбьенфу?

- Завтра, – сказал Коньи. Это было 17 декабря.

Полковник де Кастри получил со своей радиостанции сообщение, что остатки вырвавшихся из Лай-Чау войск были атакованы у селений Муонг-Пон и горы Пу-Сан, всего в дюжине километров по прямой от Дьенбьенфу. Они понесли тяжелые потери. Он тут же вызвал к себе подполковника из своего штаба,

который часто и с успехом командовал дальними дозорами. Он обратился к нему, против своей обычной привычки точно следовать уставу, по фамилии: – Ланглэ, это нужно срочно сделать. Приведите сюда этих людей. Возьмите лучших солдат, каких знаете. Выведите окруженных сюда, в безопасное место.

Пока Пьер Ланглэ, опытный молодой офицер, рассматривал карту, он почувствовал, что ему придется тяжело. Но тут в бункер Кастри вошла Поль Буржад. Она принесла поднос с двумя чашками кофе. Красивая, хотя и плохо покрашенная женщина обворожительно улыбнулась и, извиняясь, сказала: – К сожалению, есть только американский растворимый кофе. Но – по крайней мере – это придаст вам силы на вашем опасном пути!

Ланглэ, раньше не придававший никакого значения слухам об отношениях между Кастри и его, так называемой секретаршей, удивился тому, что Буржад знала точно все указания, которые давал ее шеф. Но он ничего не сказал, только подумал, что слухи имеют под собой основания. Он выпил свой кофе и с отрядом отобранных солдат отправился в путь. Когда уже был отдан приказ на выступление, внезапно на джипе подъехал Кастри и подозвал его.

- Дорогой мой Ланглэ, – объяснил он удивленному подполковнику. – Я решил вам сказать всю правду, перед тем как вы пойдете. Я несколько дней назад уже послал три группы свежих парашютистов на такое же задание, как вас сейчас. Вдоль по тропе Павье навстречу людям из Лай-Чау. Они застряли где-то в горах. От них нет никаких вестей. Но – если вы встретите этих ребят, принимайте командование и над ними. Мы за это время вычислили приблизительно, куда они могли добраться, и вертолет недавно по радио сообщил, что, кажется, нашел их. Я приказал летчику приземлиться там. Позже мы пошлем туда полкового священника, там наверняка придется хоронить людей. Вертолет вывезет также и раненых. А выжившие идут с вами, понятно?

- Понятно. Большие потери?

- Я пока не знаю числа погибших.

Ланглэ намеренно четко приложил руку к кепи. Эта информация еще более укрепила его в убеждении, что его посылают на задание смертника.

Против своего ожидания Ланглэ наткнулся только на редкий ружейный огонь, пока мучительно пробирался через горы. Лишь когда он встретил парашютистов, он попал в бой и понес большие потери. Но очевидно Вьетминь не намеревался полностью уничтожить застрявшие здесь подразделения. Ланглэ догадывался, что вьетнамцы занимаются более серьезными приготовлениями к штурму Дьенбьенфу. Он воспользовался этим, чтобы вывести в

Дьенбьенфу не только парашютистов, но и все прибывавших в Муонг-Пон остатков гарнизона Лай-Чау. А в крепости его уже ожидал новый приказ.

- В этот раз мы будем атаковать, если будет сопротивление, – объявил де Кастри, которому Наварр дал поручение выслать сильную боевую группу в юго-западном направлении на Лаос и пробиться к опорному пункту Муонгкхуа, этому забытому богом бастиону в джунглях.

Наварр, снова прилетевший в крепость, как раз присутствовал, когда Кастри вызвал подполковника. И главком бормотал что-то о «горной кавалерии», которая должна сделать регион небезопасным для Вьетминя методом постоянных ударов, чтобы противник не смог планомерно подготовиться к атаке на Дьенбьенфу.

- Мешать и вносить смятение! – наставлял Наварр стоявшего перед ним и Кастри навтыжку подполковника. – Само наше присутствие послужит для них приманкой. И мы нанесем им такие потери, что они откажутся даже от мысли атаковать нас или двинуться на Лаос, потому что они в буквальном смысле изойдут кровью!

И тут не обошлось без дам. Главком привез с собой молодую репортершу, которая хотела участвовать в рейде Ланглэ, хорошо тренированную женщину, которая нравилась сама себе в боевом камуфляже.

Кастри доверился Ланглэ: – Только присутствие этой мужественной женщины заставит ваших солдат постараться. Какой же француз покажет малодушие в присутствии дамы!

«Дама» оказалась, как показали последующие дни, когда подполковнику Ланглэ пришлось доказывать, что французский экспедиционный корпус контролирует ситуацию от Дьенбьенфу до Муонгкхуа, хорошим ходок. Только свой рюкзак она время от времени просила поднести по очереди кого-то из солдат, которых их сослуживцы насмешливо называли «камердинерами».

Днями отряд умело проходил мимо определенных воздушной разведкой концентраций вражеских сил по скалистым тропам, порошим слоновьей травой в рост человека. Потом он снова нырнул в джунгли. Идущим в авангарде приходилось прорубать дорогу с помощью мачете. По ночам спали без огня, грели друг друга, чтобы с рассветом, маршировать дальше – разбитые и усталые, пока, наконец, на голом холме не показался внешний пост Соп-Нао.

Сначала «горные кавалеристы» погрузились в глубокий сон. После многих часов им впервые удалось поесть горячей пищи. Затем они горящими сигаретами удаляли бесчисленных пиявок, присосавшихся к ним в ходе долгого марша. Ланглэ трудно было найти добровольцев, чтобы пройти остаток пути до главной базы Муонгкхуа, как того требовал приказ Кастри. До сего вре-

мени ничего не происходило. Была пара случайных выстрелов, но противник оставался невидимым.

Ланглэ не знал, что на всем протяжении его марша, за колонной пристально наблюдали. Разведчики Народной армии следовали ее маршрутом, повинаясь четкому приказу – не провоцировать боевых столкновений. Противник должен был как можно дольше думать, что он в безопасности. Генерал Зиап знал, что успех битвы под Дьенбьенфу во многом зависит оттого, что противник останется в неведении о наличии и силе Народной армии в районе крепости. Дальний дозор, вроде того, которым командовал подполковник Ланглэ, можно было не принимать всерьез. Он вернется назад и сделает именно то, что хотела от него Народная армия – то есть, сообщит, что все пространство от Дьенбьенфу до Лаоса свободно от врага.

А за это время подразделения Народной армии незаметно занимали свои горные позиции, буквально исчезая на местности, сливаясь с лесом, скалами и тенистыми оврагами. Там, где они устраивали себе укрытия, выкопанная земля так старательно рассыпалась под кустами, что даже авиаразведка ничего не смогла бы заметить. На обращенных к крепости склонах скал саперы беспрестанно расширяли гроты или выкапывали новые глубокие пещеры в камне. Дорога, связывавшая дорогу № 41 с Туан-Гиао, в северо-восточном высокогорье перед Дьенбьенфу, уже не была горной тропой, а превратилась в главный путь снабжения, построенная и расширенная тысячами солдат и добровольных помощников, став важнейшей артерией для снабжения готовившихся к атаке войск.

Обо всем этом подполковник Ланглэ не догадывался, хотя его мучили неопределенные предчувствия, потому что он уже давно воевал здесь и знал, что врага нельзя недооценивать.

Де Кастри терзали свои опасения. С каждым днем он все яснее сознавал, что так называемая крепость Дьенбьенфу становится одним из самых опасных мест на земле, куда его закинула армия. Он не обольщался тщательной работой саперов, настойчиво копавших в глине подземные блиндажи, перекрытия которых ввиду отсутствия другого материала делались из пары бамбуковых палок, засыпанных сверху землей. Один единственный снаряд смог бы устроить тут хаос. Но есть ли у Вьетминя артиллерия?

Наварр утверждал, что вьетнамцы вряд ли смогут перетащить сюда пару пушек, полученных от китайцев. Об этом позаботятся самолеты, якобы держащие под своим контролем все подъездные пути. Но при этом он забыл, что авиация целыми днями ничего не могла видеть на земле, когда над ней нависали тяжелые муссонные облака. А то, что Вьетминь может передвигаться по ночам, вообще вылетело у него из головы.

Перед Рождеством он проинспектировал гарнизоны отдельных фортов, понаблюдал за их купанием в речке Нам-Юм, осмотрел обе ВПП, и внешние форты, появившиеся за последнее время. От его внимания не ускользнуло, что уже сейчас большая часть предметов снабжения сбрасывается на парашютах из-за низкого тумана, обычного явления в Дьенбьенфу, но он надеялся на улучшение погоды. Больше всего понравилось ему густое сплетение рядов колючей проволоки вокруг фортов – здесь точно безнадежно застрянет любая вражеская атака!

В сочельник полевой капеллан поставил недалеко от командного пункта де Кастри свой складной алтарь и провел мессу, с военной музыкой и праздничным ужином для солдат после исповеди. Затем Поль Буржад накрыла для него, Наварра и Кастри в его блиндаже праздничный ужин из американских консервов, а солдатам выдали, помимо привычного «виногеля», американское виски и сигареты сайгонской фабрики «Котаб», более любимые, нежели привычные «Голуаз Труп».

Кастри был на мессе в ярко-красном кепи спаги и в своем шелковом шарфе. Он выглядел как настоящий кавалер, а не комендант затерянной в джунглях и безнадежно изолированной противником крепости.

«Service Social», которая повсюду в армии заботится о хорошем настроении солдат, привезла из Ханоя пару американских кинофильмов, проецировавшихся на большое полотно, натянутое под открытым небом. Там ковбои боролись с похитителями скота, влюблялись молодые люди, летали кулаки. А на другом конце долины были слышны сентиментальные рождественские песни вперемешку с «Лили Марлен», которую немцы-легионеры предпочитали духовным песнопениям.

Через час, после коньяка и шампанского, Наварр пообещал де Кастри в ходе одного из последних тостов лично следить за снабжением крепости. Ежедневно в Дьенбьенфу должно поступать не менее 150 тонн груза – либо с посадкой самолетов, либо на парашютах. Кроме того, гарнизон крепости будет усилен еще одним батальоном с доведением их общего количества до двенадцати, а в перспективе могут быть переброшены еще два, если возникнет необходимость.

Затем они осушили бокалы. Священник рыгал. Де Кастри знаком попросил Поль Буржад не подавать больше напитков, а Наварр ушел спать в свой темный чулан в дальнем углу бункера.

На следующее утро подполковник Ланглэ со своей группой вернулся в Дьенбьенфу и гордо, но с облегчением сообщил о выполнении приказа. Репортерша поплелась к врачу, чтобы тот удалил пиявок с ее задницы. Она так и

не смола переломить себя и поэтому не обратилась во время похода с этой просьбой к кому-нибудь из солдат.

Наварр еще раз указал собравшимся офицерам штаба де Кастри на то, что проведенный Ланглэ рейд доказывает возможности, которые открывает Дьенбьенфу. Потом он сел в «Моран» и улетел в Ханой, а оттуда в Сайгон, в свой дом с кондиционером.

В Ханое он отверг возражения рычащего от ярости Коньи, у которого забирала еще один батальон для Дьенбьенфу, что еще больше ослабляло его и так недоукомплектованные войсками опорные пункты в дельте Красной реки. Коньи чувствовал, что Вьетминь уже контролирует большие части дельты и повсюду, где французские гарнизоны ослабевают, готовится к наступлению. Людям, которым он доверял, Коньи, и так не отличавшийся большой вежливостью, прямо говорил, что считает операцию в Дьенбьенфу уже неудавшейся и опасается там катастрофы. А ведь Коньи еще далеко не знал всего того, что готовила противоположная сторона для того, чтобы превратить крепость в долине Нам-Юма в место грандиозного поражения французской колониальной империи.

Сразу после рождественского визита в Дьенбьенфу Коньи поехал в Гиа-Лам, на базу размещившейся здесь американской авиагруппы, официально выдаваемой за гражданскую авиакомпанию. При этом не только каждый француз, но и каждый вьетнамец в окрестности давно знал, что это люди, готовившие постепенную передачу стратегических позиций в Индокитае от Франции к США.

Полковник Дэйв Сэйлор был одним из важных людей, которые работали в Ханое в это время. Внешне неприметный человек, предпочитавший гражданскую одежду, он никогда не говорил, что на его маленькой вилле в восточной части города хранятся самые точные карты Вьетнама. Не говорил Сэйлор и о том, что он управляет действиями американских самолетов, дислоцированных на двух авиабазах – Гиа-Лам (под Ханоем) и Кат-Би (под Хайфоном), а также особым контингентом, который направляли авианосцы 7-го флота США.

Там в Гиа-Ламе находился старый друг Сэйлора, о ком никто не мог сказать с уверенностью, сам ли он прозвал себя генералом, или это звание ему действительно было присвоено правительством США или, возможно, Чан-Кайши. Это был Клэр Ли Ченно (Chennault), прозванный «кожаной рожей» за многочисленные шрамы на лице.

Свою авиагруппу он основал еще летом 1937 года в Китае, где тогда правил Чан-Кайши, собрав в нее самолеты, купленные на деньги американских спонсоров, и американских летчиков – оставшихся без работы пилотов-

авантюристов, готовых летать для кого угодно, лишь бы за это платили. В основном эта летающая бригада наемников, претенциозно назвавшаяся «Летающими тиграми» (Flying Tigers), использовалась против китайских коммунистов, а время от времени – против японцев, оккупировавших к тому времени значительные части Китая.

Когда Чан-Кайши с оставшейся под его контролем китайской территорией стал во Второй мировой войне союзником стран антигитлеровской коалиции, «Летающие тигры» торжественно были переименованы в 14-е авиакрыло США, хотя, кроме названия, ничего не изменилось. В 1949 году они вывезли на Тайвань остатки казны Чан-Кайши, а затем генерал Ченно, типичный храбрец из Южных Штатов, решил и дальше помогать стратегическим интересам США, теперь уже под вывеской гражданской авиакомпании. Делал это он не столько из патриотизма, сколько ради хорошей оплаты. Свое авиакрыло он назвал «Гражданский Воздушный Транспорт» («Civilian Air Transport»), и на всех его самолетах теперь большими буквами было написано обозначение CAT. Кроме тех, которые уже стояли во Вьетнаме. Их уже покрасили камуфляжными цветами.

Клэр Ли Ченно ранним утром позвонил Дэйву Сэйлору и, почувствовав, что его собеседник на другом конце провода окончательно проснулся, попросил его: – Дэйв, приезжай сюда и побыстрее. Это тебя касается.

- Думаешь, мне нравится битый час ползти к тебе по этому проклятому мосту Доме? Это так срочно?

- Очень срочно, – ответил Ченно своим хриплым командирским голосом. – Коньи объявился. Догадываюсь, в чем дело. А я не занимаюсь сделками, за которые платят обесцененной валютой. Поэтому я хочу, чтобы ты там присутствовал и дал мне задание сделать то, чего хочет Коньи!

- А чего же он хочет?

- Еще больше грузов для его богом проклятого замка в джунглях.

- Он знает, что я там буду?

Сэйлор услышал в трубке слабый смешок. Потом Ченно доверил ему: – Если ты поедешь прямо сейчас, ты будешь там раньше него, и, когда он войдет, мы будем сидеть там, будто случайно встретились за американским завтраком. Будет кофе, апельсиновый сок, яичница с беконом, жареные почки, тосты, настоящее домашнее масло из холодильника, и...

- Хорошо, хорошо, – остановил его Сэйлор, – я еду. И – если у нас не будет время, чтобы все обсудить до его приезда. Мы щедры и сделаем все, но за это придется заплатить. В кредит. Ребята с авианосцев все равно нуждаются

в тренировке, почему бы им не заняться ею над этим замком в джунглях? Но – мы включим и это Коньи в счет. Понятно?

- И погибших тоже? – спросил Ченно. Но ответа от Сэйлора не получил. Он плеснул себе в лицо водой, поскреб бритвой небольшую бородку, прыгнул в джип и сказал водителю: – В Гиа-Лам. И если вам удастся быстро прорваться через мост, не застрыв, там вас будет ждать бутылка «Джека Дэниелса».

Каждый пролет старой железной конструкции, по которой через Красную реку проходили железная и шоссейная дороги, охранялся французскими колониальными солдатами. Это были сенегальцы, не обратившие никакого внимания на джип со светлокожими мужчинами. Куда больше интересовали их юные вьетнамки, ехавшие через мост из Гиа-Лама в город, где они работали. Автомобиль остановили лишь у ворот базы, здесь стояли французские полевые жандармы («Regularice Routiere»), высоченные парни с зелеными полосками на белых касках. Но и они быстро пропустили Сэйлора, его тут хорошо знали.

На летном поле рядами стояли и загружались С-47. Это Сэйлор еще успел увидеть до того, как водитель подвез его к офису САТ и хитро спросил: – Это что там, «Джек Дэниелс», да, сэр?

Ченно был прав, Коньи, появившийся часом позже и получивший только чашечку кофе, хотел обсудить с ним увеличение перевозок в Дьенбьенфу. Его поразило, что Сэйлор был тут, но он не догадался, что так и было ими задумано, поэтому попросил офицера связи поддержать свою просьбу.

Сэйлор уже получил из Вашингтона указание помочь французу во всем, что возможно, а возможным было многое. Пока Коньи обсуждал с Ченно ситуацию в Дьенбьенфу, которая может сложиться, если противник еще уже сожмет кольцо блокады, Сэйлор раздумывал над ситуацией, в которой очутилась французская авиация во Вьетнаме. Она располагала примерно 75 самолетами С-47, рабочими лошадками, в основном уже отслужившими свой срок еще тогда, когда американцы сняли их с вооружения своих ВВС и передали французам. Они служили транспортниками и бомбардировщиками, после того как трофейные «Юнкерсы» Ю-52 из Европы, которыми до того оперировали французы в Индокитае, совсем стали непригодными от естественного износа.

Так что свыше ста самолетов этих типов перелетели во Вьетнам. К ним добавились старые летающие лодки типа «Каталина» и несколько дюжин бомбардировщиков В-26. В общем и целом, бизнес был очень прибыльным, не в последнюю очередь благодаря тому, что переучивание французов на незнакомые им модели давало американским инструкторам хороший шанс поближе познакомиться с воздушной войной в этом регионе, который Вашингтон, не стесняясь, уже декларировал как будущую зону своих интересов.

- Двенадцать раз, – Ченно поднял указательный палец, перечисляя Коньи возможности своих пилотов, – двенадцать раз, мой генерал, каждый мой С-47 должен подлететь к зоне выброски грузов – чтобы сбросить всего две с половиной тонны. Люки у С-47 слишком маленькие. А С-119, который смог бы сделать это за один вылет, у меня только два боеготовых. Я думаю, вы знаете, что требуете от меня, когда говорите об увеличении.

Коньи знал это. Но у него не было другого выбора: или американцы ввяжутся в это дело еще сильнее, или ему придется признаться Наварру, что снабжение Дьенбьенфу в усложнившихся условиях не может быть обеспечено. Ему стало легче на душе, когда он увидел, что Дэйв Сэйлор согласно кивнул. И еще тут имелось немалое количество сравнительно нового зажигательного средства – напалма – его можно купить по дешевке, под Дьенбьенфу он, возможно, очень пригодится. Это только коммерческое предложение, конечно, но все-таки...

Пока генерал Коньи обсуждал с обоими американцами цену оказания помощи, состоявшей в том, что французы покупали в кредит старую технику и оснащение и одновременно предоставляли американским «наблюдателям» все большую свободу передвижения на контролируемых ими территориях, начальник караула главного штаба Народной армии Ань Чу полз по почти совсем пересохшему в это время года руслу ручья. Тем не менее, он промок до колен, и боялся, что его сандалии, смастеренные из куска старой автомобильной шины, больше не выдержат таких нагрузок. Но они держались. Проводник-тай, идущий впереди, залез на высокий валун, с которого видны были водопад, зеленая долина на одной стороне, а напротив густо поросшие лесом скалы, с четко различимыми ущельями и входами в пещеры.

- Вот это место, брат, – сказал тай и сделал широкий жест рукой. – Вон там, за лесом, лежит Туан-Гиао. Не далеко. Дорога, которую сейчас строят, идет прямо туда, где деревья еще стоят густо...

Прошло какое-то время, пока Ань Чу запомнил характерные признаки местности, которую авангардный отряд определил в качестве новой дислокации главного штаба для проведения битвы под Дьенбьенфу, вместе со скрытым вдали поселением у Туан-Гиао, где главный врач Народной армии профессор Тон Тат Тунг уже устраивал главный полевой госпиталь.

Теперь Ань Чу должен был решить, как следует охранять будущую штаб-квартиру. Он спросил тая, старого агента Народной армии, прошедшего уже немало важных операций: – Хватит у тебя сил прокарабкаться здесь еще пару часов?

Тай усмехнулся: – Если у тебя есть сила, найдется и у меня. Куда пойдешь?

Они искали место, в котором хотел устроиться Ань Чу, и где одновременно могли бы отдыхать свободные от смены часовые. Вместе они исследовали местность в поисках наблюдательных пунктов; одно это занятие продлилось до темноты. Потом они пошли в поселок, где жил старый тай.

Там было необычно тихо, но тай объяснил Ань Чу, что кроме нескольких старых бабушек в деревне почти никого не осталось. Все жители по призыву Народной армии и партии строили дорогу в Туан-Гиао. На стене дома тая висело воззвание, которое Ань Чу прочел одним из первых, еще в старом штабе. Здесь он встретил его снова. Оно призывало к битве за Дьенбьенфу:

ВСЕМ КОМАНДИРАМ И ВСЕМ БОЙЦАМ НА ФРОНТЕ ПОД ДЬЕНБЬЕНФУ

Товарищи,

По приказу Центрального комитета партии, правительства и президента Хо Ши Мина этой зимой вы отправитесь на северо-запад, чтобы:

— разбить силы врага,

— привлечь на свою сторону местное население,

— освободить районы, все еще удерживаемые врагом.

Враг оккупирует регион возлюбленного нами Северо-запада, стремясь посеять раздор между нашими соотечественниками и держать их под своей пятой, пытаясь вызвать смятение в нашем тылу.

Нам предстоит приводить в порядок дороги, бороться с трудностями, приносить жертвы, храбро сражаться, переносить голод и холод, взбираться на горы и спускаться в долины, преодолевать огромные расстояния и нести на себе тяжелые грузы, преследуя бегущего врага, уничтожая его и освобождая наших соотечественников.

Этой зимой, с ненавистью к империалистам и феодалам, которая укрепилась в наших сердцах во время недавних политических занятий в армии, с улучшенной техникой и возросшими военными знаниями, приобретенными в последнее время, мы, несомненно, упрочим результаты нашей победы в Северо-Западной кампании зимы 1952 года, мы разовьем их и наверняка разгромим врага.

Идите же мужественно в бой.

6 декабря 1953 г. Генерал ВО НГУЕН ЗИАП

Ань Чу уже знал, что главнокомандующий покинул старую штаб-квартиру и находился сейчас вблизи Дьенбьенфу, но понятия не имел, что этой ночью он вместе с самыми опытными артиллеристами своего штаба инспектировал склоны, откуда можно было наблюдать за котлом долины Дьенбьенфу.

До нее было рукой подать: паутина колючей проволоки между дотами и отдельными бастионами, там же находились большая и маленькая взлетные полосы, горы мешков с песком, за которыми прятались французские пушки.

Артиллеристы качали головами, глядя на эти препятствия. Но главнокомандующий напомнил, что французы чувствуют здесь себя в полной безопасности. – Они и не догадываются, что вы тут есть, что у нас есть артиллерия. Они думают, что мы не способны обращаться с пушками, не говоря уже о том, чтобы вести огонь с закрытых позиций на сложной местности. Хорошо – не будем тут задерживаться. Отметим наилучшие места для наших стопятидесяти миллиметровок, для семидесятипяти миллиметровок и для зениток. Потому что они будут обстреливать и бомбить с самолетов эти склоны, чтобы выгнать нас отсюда. Поэтому сразу скажу: нам нужно глубоко зарыть наши орудия в склоны скал. Не на пару метров, нет – на дюжины десятков метров. Также и боеприпасы. Все должно по команде исчезнуть, стать неуязвимым. Вот наша цель – ну, а теперь пойдём!

Затем генерал Зиап долго рассматривал в бинокль скопление французских фортов в долине, отлично видимых в лунном свете этой зимней ночью. Он изучал положение укреплений, рассчитывал их секторы обстрела и находил основные узлы вражеской обороны. Там, где раньше находилось селение Муонг-Тан, находился центральный сектор с командным пунктом и радиостанцией. Восточнее от него, на краю проходящей с севера на юг долины находились передовые посты А-1, С-1, D-1 и Е-1. Они должны были защитить центр от атак со стороны восточных горных цепей. Опорные пункты на севере, названные Народной армией Док-Лап, Бан-Кео и Хим-Лам, а французами «Габриель», «Анн-Мари» и «Беатрис» очевидно предназначались для отражения наступления с общего направления Лай-Чау или Туан-Гиао; они находились дальше всего от центра, по ту сторону реки Нам-Юм.

Еще дальше, на юге, находился Хонг-Кум, где было другое место концентрации вражеской артиллерии, вблизи второй, маленькой, ВПП. Французы назвали эту позицию «Изабель».

- Всего 12 батальонов, – сообщил Ван Тиен Дунг, ближайший сотрудник Зиапа. – Нам нужно учесть, что в ближайшие недели придут новые подкрепления – от 5 до 6 батальонов. От 16 до 20 тысяч человек.

Генерал Зиап после долгого тщательного размышления пришел к выводу, что, несмотря на эффект внезапности, который принесет вьетнамская артиллерия, фронтальное генеральное наступление здесь не будет иметь успеха. Нужно, начиная с края долины, по очереди уничтожать отдельные позиции противника, которых тут около пятидесяти, способных поддерживать огнем друг друга, и разбить оборонительную систему противника по кускам.

- Нам нужно учитывать, что наши войска, хотя и хорошо вооружены и готовы бороться за победу, – заметил Ван Тиен Дунг, – все-таки еще не имеют достаточного опыта по осаде таких укрепленных позиций и по проведению связанных с этим саперных работ.

Зиап согласился с ним. Ван Тиен Дунг был вдумчивым человеком, привыкшим действовать после тщательного обдумывания. Он правильно понял суть проблемы. – Не быстрая тотальная атака, а длительная кампания, состоящая из целой серии отдельных осад, из взятия одной позиции за другой, при этом избегая ненужных потерь, пока мы не доберемся до центрального сектора. Это означает также, – объяснял главнокомандующий, – что нам придется вырыть много километров подземных и наземных позиций. Глубокие траншеи, штольни...

Из того, что обсуждалось в этот день на расстоянии всего дюжины километров от вражеских позиций, появились отдельные задания, утвержденные верховным командованием. Строительство ведущих из тыловых районов дорог было ускорено, при сохранении максимальной маскировки. Где только возможно, для перевозок нужно использовать грузовики. Кроме них формируются колонны велосипедов, которые смогут преодолеть труднопроходимые участки местности, с тяжелым грузом провианта. А где не пройдут и велосипеды, грузы понесут колонны носильщиков. Традиционным методом – на плечах в двух корзинах, висящих на коромысле.

Хо Ши Мин, после того как ЦК партии проверил все до мельчайших подробностей, провозгласил лозунг: – Действовать обдуманно – бить уверенно!

Нужно было проделать гигантскую работу, в то время как враг продолжал расширять систему своих укреплений, хотя и знал, что окружен. Повсюду более чем на стокилометровой горной тропе, соединяющей долину Дьенбьенфу с местечком Туан-Гиао, колонны Вьетминя старательно приводили дорогу в состояние, пригодное для использования грузовиков.

Перемещались миллионы кубометров земли, молотками и железными палками разбивались скалы, потому что использование взрывчатки насторожило бы противника. Перебрасывались мосты через узкие речушки. Целью было соединение с дорогой № 41, откуда должна была пойти основная часть обозов из тыловых областей. По всей дороге с равными интервалами были рас-

ставлены посты. Они строили укрытия для машин и оборудования, полевые кухни и спальные помещения для уставших носильщиков.

В это же время саперные команды Народной армии уже готовили артиллерийские позиции на обращенных к долине Дьенбьенфу горных склонах. С большим трудом пробивались в каменных скалах многометровые штольни, чтобы каждое орудие после выстрела, произведенного на выходе из пещеры, сразу же можно было втащить вовнутрь.

Рядом вырубались другие штольни, наполнявшиеся боеприпасами. Узкие соединяющие ходы пробивались в скальных стенах. Все это происходило с такой умелой маскировкой, что размещенные всего в десяти километрах французские посты ничего не замечали. Хотя самолеты-разведчики французов день за днем облетали склоны, они не обнаружили никаких следов артиллерии Вьетминя. Уже превратившиеся в настоящие казематы позиции 105-мм и нескольких 155-мм пушек ускользнули от их внимания. Вместо этого самолеты бомбили устроенные на большом удалении лже-позиции, где роль «пушек» играли стволы бамбука, и сообщали по возвращении, что Вьетминь, под их взглядами, не имеет ни малейшего шанса доставить на огневые позиции хотя бы один миномет.

Там, где Ань Чу уже устроил себе как начальнику караула убежище, спрятанное под бамбуковыми стволами, ежедневно прикрываемыми для маскировки свежими листьями, находилось пересечение дорог. Поэтому солдат ежедневно мог видеть, как увеличивалась численность готовившихся к битве войск. Ежедневно войска прибывали сюда, регистрировались, а затем направлялись, обычно ночью, на запад, в горы. Там они размещались на расстоянии лишь броска ручной гранаты от линий противника. Позиции для них уже были подготовлены, им следовало лишь углублять и расширять их. Они копали глубокие бункеры, разрушить которые смогло бы разве что прямое попадание артиллерийского снаряда.

Ань Чу видел прибытие первых транспортных колонн, крестьян из Тан-Хоа и Фу-То, доставивших провизию из тыла, людей в обычной черной деревенской одежде, гордых тем, что им удалось избежать на своем пути атак вражеских штурмовиков и сотен других опасностей. Они ставили на землю свои корзины, сгружали тяжелые мешки с велосипедов, потом, голодные, с радостью набрасывались на сваренный здесь для них рис с рыбным соусом нуок-мам, к которому иногда подавались еще овощи, принесенные кем-то из носильщиков. После еды они погружались в глубокий сон в подготовленных для них хижинах из травы. Проснувшись, они отправлялись в обратный путь, чтобы забрать новые грузы.

Проходили молодые люди с мотыгами, колонны для ремонта дорог, ухитрявшиеся меньше чем за час ликвидировать все воронки на дороге, оставшиеся после бомбардировок вражеских самолетов. Затем двигались грузовики с артиллерийскими снарядами. Их лобовые стекла были прикрыты листьями, чтобы блеск стекла на солнце не выдал их летчикам противника. Здесь грузовики разгружались, и сотни добровольных носильщиков по узким тропинкам поднимали этот драгоценный груз к спрятанным в пещерах складам боеприпасов у каждого отдельного орудия. Сами пушки прибывали по ночам. Их тащили грузовики или переносили вручную, разобранными на части. Тут их отцепляли, затем носильщики по частям переносили их на горные позиции, где их собирали. Если к орудийной позиции не вела подходящая тропа, отряды сильных артиллеристов поднимали пушку вверх на канатах. И если до врага оттуда было далеко, можно было слышать крики командиров: – Хо до-та нао!, что означало: «Раз, два – взяли!»

Ручные двухколесные тачки и караваны вьючных ослов добирались до распределительного пункта близ Туан-Гиао. Появлялись группы молодых тайских девушек, приносящих плетеные корзины с галькой для укрепления дорог, чтобы те не раскисали во время дождей.

Из утреннего тумана прибывали хорошо обученные для позиционной войны солдаты. Кроме оружия и боевого снаряжения они несли с собой остро наточенные саперные лопатки, молотки, грабли и мешки для земли. Ведь после рытья окопов землю приходилось уносить подальше и разбрасывать как можно незаметнее, чтобы противник не догадался о масштабе проводимых земляных работ.

Ань Чу видел, как люди приходили тысячами. Все они откликнулись на призыв партии и правительства – «Все для фронта!». Или они прибывали с проверенными в боях частями, полными решимости нанести противнику здесь, в горах северо-запада, такое поражение, от которого тот не сможет уже оправиться никогда.

Гастон Жанвилль так углубился в работу, что заметил девушку Ба и чужака, когда те уже стояли прямо перед ним.

Он сбивал молотком каркас для водораспределительного колеса, которое когда-то давно видел где-то на юге. В деревне Ксом-Донг до сих пор в период созревания риса женщины каждый день часами переносили воду для полива в кожаных мешках из низко расположенных канав на высокие поля. Тяжелая, отнимающая все силы работа. Первое время своего пребывания в поселке Жанвилль сам часто бросался помочь женщинам, и тут ему в голову взбрела идея построить водораспределительное колесо. Осел, ходивший по

кругу, через систему конических шестеренок приводил бы в движение колесо с черпаками, которое качало бы намного больше воды, чем смогут перенести на себе все женщины деревни вместе взятые.

Машина была почти готова, и Жанвилль смотрел на нее как на свой первый удачный вклад в деревенскую жизнь, которую он вел тут со времени своего исчезновения из Ханоя. Ксом-Донг насчитывал лишь несколько свайных хижин, все знали друг друга, и, как принято у муонгов, на общих работах работали целыми семьями. Этим днем Жанвилль работал один в поле только потому, что приехавший в деревню партийный агитатор проводил собрание всех местных крестьян, на которое его, как иностранца, не пригласили.

Теперь этот агитатор, маленький, уже немолодой человек в зеленой солдатской форме, внезапно стоял перед ним. Он снял тропический шлем и вытер пот со лба. Ба, девушка, как всегда с длинной винтовкой за спиной, немного смущенно переминалась с ноги на ногу, а потом сказала: – Гастон, это товарищ Тиен. Он военный. Он хотел увидеть тебя...

Человек в форме прервал ее, обратившись к Жанвиллю: – Я и сам немного говорю по-французски. Хотел познакомиться с вами. Я много слышал о вас. Еще в Ханое.

- В Ханое? – недоверчиво спросил Жанвилль.

Но вьетнамец улыбнулся. – В лазарете, где вы лежали, было несколько вьетнамцев, запомнивших вас. Кстати, я участвовал в обсуждении вопроса, тогда еще, когда мы решали, разрешить ли вам жить здесь или все-таки отправить в лагерь военнопленных.

- Ах, – разочарованно промолвил Жанвилль, – а сейчас вы передумали...

Но тут чужак снова удивил Гастона своей улыбкой: – Нет, нет. Я приехал сюда не ради вас. Меня наоборот радует, что вы нашли друзей в деревне. Люди говорили мне, что вы мирный человек с умелыми руками...

- Но? Жанвилль догадывался, что это не визит вежливости. Что-то за этим стояло, раз агитатор, несомненно, офицер, нашел его здесь, на рисовых полях. Он не ошибся. Человек в униформе кивнул и подошел ближе. За ним последовала смущенная Ба.

- На самом деле есть одно «но». Правда, оно касается не вас. В любом случае не вас непосредственно. Мы убедились, что вы пришли к нам из искренних побуждений. Это мы будем уважать и в будущем. Вот только Ба... Он взглянул на девушку.

Она уставилась вниз, где ее пальцы ног зарылись во влажную землю. Когда она собралась с духом, то, наконец, сказала: – Я ухожу.

- Ты уходишь из Ксом-Донга?

- Да.

- Могу я пойти с тобой?

- Нет, – ответил вместо нее офицер. – Вы должны оставаться здесь. Работать. Пока Ба не вернется.

- Я? Один? – Жанвилль встал перед девушкой. Он был сбит с толку и потребовал: – Ты объяснишь мне?

Она долго думала, как объяснить ему все это. С тех пор как он попал сюда, они жили вместе. Теперь ей нужно последовать призыву народного правительства и пойти на северо-запад, где предстоит великая битва. Может ли понять это все француз, ушедший от своих земляков, чтобы больше никогда не воевать?

Гастон Жанвилль молча выслушал ее рассказ о том, что она научилась лечить небольшие раны в своей деревне. Теперь, когда начнутся бои, будет много раненых. Тяжелораненых. И там понадобятся девушки, вроде нее.

- Это мои земляки, – сказала она. – И речь идет о Вьетнаме.

К ее облегчению, Гастон Жанвилль не вскипел. Он тихо сказал: – Я понимаю. Тут и думать нечего, ты нужна своей стране, поэтому тебе следует идти.

- Я думала, так как ты...

Француз бросил на нее ироничный взгляд. – Со мной все по-другому, Ба. Мне стало стыдно за моих земляков. Тебе это не грозит. Только не пытайся рассказывать мне, что ты не поняла этого давным-давно.

- Я поняла, – согласилась она. – Но все равно...

- Она вернется, – включился в разговор военный. Он был уже во многих деревнях, мобилизовал людей для работы на северо-западе, но каждый раз было чему удивляться.

Француз посмотрел на молоток в своей руке, потом взглянул на офицера и задумчиво сказал: – Я знаю, что такое идти на войну, мой друг. И я знаю также, что каждый хочет вернуться домой. Если Ба не вернется, я стану очень одиноким человеком.

Военный помолчал, но все же задал вопрос: – Вы хотите остаться у нас, месье Жанвилль? Я имею в виду – потом, когда Вьетнам станет свободным?

В первый раз в этой деревне Жанвилля называли «месье».

- А разве не должен муж всю свою жизнь провести со своей женой? – спросил он в ответ.

Офицер подумал о битве, предстоящей на северо-западе. Она потребует многих жертв. И какой будет судьба Ба? Он тихо сказал Жанвиллю: – Я надеюсь, что вам достанется это счастье.

Он отвернулся. Не стоит смотреть, как прощаются влюбленные, и, возможно, навсегда. Потом, возвращаясь с Ба в деревню, он был с ней очень краток. Он только сказал ей, чтобы она зарегистрировалась в Туан-Гиао. – Главный врач Народной армии даст тебе дальнейшие указания. Его зовут профессор Тон Тат Тунг. Передавай ему привет от его старого друга Тиена. Мы знакомы еще с той далекой поры, когда он изучал медицину в Ханое, а я нелегально читал лекции нашим студентам...

ТАКОВА ВОЙНА

Праздник Тэт во Вьетнаме – это, в общем, то же самое, что Новый год в Европе. По традиционному лунному календарю с Тэта начинается новый год. Каждый год эта дата разная. В 1954 году Тэт выпал на 3 февраля.

В зонах, где не было боев, этот день праздновали с хорошей едой, музыкой и фейерверками. Дома украшали цветными новогодними картинками, ходили в гости к родственникам, дарили подарки и уютно сидели вместе, наблюдая за играми детей и внуков. За последние годы большинству вьетнамцев не удавалось отпраздновать Тэт, как это требуют традиции. После французских колониалистов в страну пришли японские оккупанты, а за ними снова вернулись французы. Войны и голод сделали праздник почти невозможным. Часто были разделены семьи, и было больше повода для скорби, чем для радости. Так было еще и сейчас. Но все-таки ни один вьетнамец в борющейся за свободу и само свое существование стране не забыл о празднике Тэт. А борьба за свободу привела к тому, что войска Вьетминя, осадившие Дьенбьенфу, отпраздновали лунный новый год совершенно особенно. Это послание дошло до французов, настороженно ожидавших в своем котле нападения вьетнамцев.

В первой половине дня 3 февраля Кенгу пришлось провести группу обученных артиллерийских наблюдателей к заранее подготовленным убежищам. Это были места на северо-восточных и восточных склонах, откуда хорошо была видна вся оборонительная система французов. Карабкаться было труд-

но, и погода для этого времени года была необычно теплой. В разных местах Кенг и его спутники даже натыкались на уже распустившиеся цветы, и он успокаивающе смеялся, когда подъем был особенно труден: – Не уставайте, друзья! Вы видели хорошее предзнаменование. Сама природа с нами, она предупреждает, что мы добьемся успеха...

Наблюдатели думали об этом никогда не устающем верхолазе, который осторожно предупреждал, когда они проходили через места, видимые для французов, и знавшем эту местность как свою родную деревню.

- Я заберу вас отсюда за час до наступления темноты, – пообещал он. – Таков мой приказ. Веселого Тэта!

Вернувшись в свое укрытие, он попросил радиста Кванг До передать в штаб сообщение, что он выполнил задание. Он догадывался, что произойдет, пока он отдохнет часок. За последние дни он все чаще мог видеть, как все больше орудий размещаются в подготовленных пещерах в склонах гор. В бункерах собраны были штабеля снарядов. Артиллеристы уставали до смерти, собирая распухшими пальцами доставляемые по частям пушки и готовя их к бою. Они тянули орудия через бесчисленные горы, глубокие овраги, по узким горным тропам. Когда они думали, что дальше не могут пройти, то приободряли друг друга. Они делали короткие перерывы, просто падая на землю и мгновенно засыпая. Даже сообщение, что есть чай, не могло их разбудить. В их ушах все еще звучала фраза, которую им сказали перед маршем: – От вас зависит, сможем ли мы разбить врага у Дьенбьенфу. Если это произойдет, будет освобожден весь Индокитай. Это означает свободу, землю для крестьян, работу для горожан, школы для детей. Армия готова была сделать все ради этих уже становившихся близкими целей.

За это время артиллеристы уже стояли у своих орудий, совершенно бодрые. Как и наблюдатели в своих скальных укрытиях. По команде орудия вытягивались из пещер, в которых противник не мог их ни увидеть, ни уничтожить. Орудия заряжали, закрывали затворы, наводчики наводили их на цель, пока не звучала команда: «Отбой!» И снова наступала тишина.

Ровно в 12 часов в день праздника Тэт несколько дюжин саперов Народной армии зажгли фейерверки и петарды. Это было на тех склонах, где и близко не было пушек Вьетминя, зато были выставлены стволы бамбука, издали напоминающие орудия. Это вызвало грохот и дым. Одновременно с каждой батареи со скрытых позиций по одному орудию выпустило по одному снаряду. Снаряды попали в основном на большую взлетную полосу в центре Дьенбьенфу. Пилоты в панике носились по летному полю, пытаясь поднять свои машины в воздух, чтобы спасти их.

Но и близ других бастионов поднялись клубы дыма от разрывов снарядов Вьетминя. Уже в это время наблюдатели аккуратно настраивали приборы управления огнем, ориентируясь по местам разрывов, делали заметки, которые потом анализировались во всех батареях.

Расстояние не превышало нескольких километров, но наводчикам нужно было сначала привыкнуть обстреливать лежащую внизу долину со своих высоко расположенных позиций. Поэтому такая пристрелка, помимо всех расчетов, была наилучшей проверкой.

На бастионе «Элиан» недалеко от юго-восточного фланга французских позиций, артиллерийский наблюдатель проснулся от своего сна на наблюдательной вышке, смастеренной из бамбуковых стволов. Ясная погода обеспечивала прекрасное наблюдение. Поэтому наблюдатель сразу увидел клубы дыма, измерил дистанцию до них и прокричал координаты по рации. А командующему артиллерией он все время, волнуясь, повторял: – Они сидят на Мон-Шов и Мон-Фиктиф, я могу их точно видеть!

Французы так произвольно обозвали эти две горы. Полковник Пиро, однорукий командующий артиллерией Дьенбьенфу, ветеран многих боев, осматривая горы через стереотрубу, совершенно обескураженный внезапным артиллерийским налетом, отдал приказ открыть ответный огонь по засеченным его наблюдателем огневым позициям противника.

Это было его основной ошибкой, потому что удары французских 105-мм гаубиц по горным склонам подняли столько известняковой пыли, что его наблюдатели уже не смогли засечь настоящие огневые позиции Вьетминя. В облаках порохового дыма и пыли все исчезло.

Полковник де Кастри приказал перебросить на восточный фланг несколько танков. Они в ярости стреляли оттуда по горам, не видя настоящих целей. Взлетели истребители-бомбардировщики и поливали затянутые пороховым дымом склоны бомбами и ракетами.

- Наконец-то! – кричал в грохоте выстрелов комендант крепости своему начальнику штаба Ланглэ. – Они вытащили две свои пушечки, которые смогли перетянуть через горы. И сейчас мы их прикончим!

Но он ошибался. Пока он возбужденно смотрел на горы через бинокль, наблюдатели Народной армии спокойно отмечали места попадания своих снарядов. Через полчаса огонь вели уже только французы. Они выпустили по ложным целям более 1500 снарядов, а вьетнамцы прекратили стрельбу уже после ста выстрелов. Орудия оттянули назад в казематы для чистки и ухода. Они выполнили свое первое задание без потерь – провели точную пристрелку.

Когда огонь по Дьенбьенфу прекратился, полковник де Кастри, еще больше укрепившись в своем мнении, что смог подавить всю артиллерию противника, спокойно вышел из своего бункера. Он направился к командному пункту полковника Пиро. Как всегда, выйдя из бункера, он надел красную фуражку спаги, которую так любил, и красный шелковый шарф. В руке он вертел трость.

- Поздравляю, – сказал он покровительственным тоном. – Вы быстро и безболезненно вырвали тем типам зубы. Они теперь не скоро оклемаются!

После этого он разрешил перевезти самолетом сюда еще полевой бордель из Ханоя – в дополнение к сбежавшим сюда из Лай-Чау проституткам. Шлюхи из Лай-Чау были из алжирского кочевого племени. Их привезли с собой в Азию подразделения, раньше дислоцированные в Северной Африке. На такую вольность во французской колониальной армии смотрели сквозь пальцы. Кроме того, к полевым шлюхам здесь относились так же, как к предметам оснащения. Когда они изнашивались, их просто выбрасывали. Учреждение, которое должно было прилететь из Ханоя, официально называлось В.М.С. Это было сокращением от Bataillon Medical de Campagne (полевой медицинский батальон). Так красивее писалось в отчетах. А в войсках этот В.М.С. называли Bordell Mobile de Campagne – полевой мобильный бордель.

Поль Буржад тонкими пальчиками спрятала подписанную де Кастри просьбу в мешок для авиапочты, направляемой в Ханой. Секретарша коменданта крепости, даже в своем камуфляже и десантных ботинках напоминая парижскую манекенщицу, удивительным образом относилась с все меньшим пониманием к примитивным сексуальным потребностям колониальных солдат. Возможно, причиной было то, что ее чувства к де Кастри были действительно романтическими, хотя у полковника, по сути, были такие же потребности, как и у подчиненных ему солдат.

Кенг услышал приближение патруля. Направление подсказывало ему, что это свои. Но они шли необычно громко. Кенг понял причину, когда они приблизились, и он смог их увидеть. Это был тяжелогруженный обоз с провизией.

- Ты Кенг? – спросил его старший в обозе.

- Кто еще мог бы забраться так далеко, если не я?

Старший усмехнулся. Это был маленький темнокожий солдат с большим револьвером на боку, кроме того, он тащил разные мешки и канистры, как и все остальные, опустившие их на минутку на землю.

- Верховное командование желает тебе счастливого праздника Тэт, – торжественно обратился маленький солдат к Кенгу, – и мой отряд присоединяется к поздравлению.

Кенг увидел, как привлеченный разговором из укрытия осторожно выполз радист Кванг До. Кенг подозвал его, и попросил маленького солдата: – Повтори еще раз свою речь!

Солдат поздравил и Кванг До, потом заметил: – Хорошо, что скоро не нужно будет карабкаться по горам. Знаешь, сколько весят наши мешки? Мы пройдем ко всем передовым наблюдателям и к позициям зениток, вон там, дальше на склоне.

Он открыл один из мешков, который нес на плече с помощью веревки из волокна кокосового ореха. Оттуда он вытащил для Кенга и его радиста пироги из рисовой муки, холодное жаркое и арахис в сахаре, любимое с детства лакомство вьетнамцев. Он передал подарки, затем с серьезным лицом приложил руку к тропическому шлему и торжественно объявил: – Главнокомандующий, генерал Зиап лично, желает приятного аппетита всем бойцам. И – всем, кто участвовал в огневом налете, он выражает свою глубокую признательность.

Закончив речь, он стал завязывать мешок. Закинув его через плечо, он крикнул своему отряду: – Вперед! Нам предстоит еще долгий путь!

Радист, оставшийся с Кенгом, смотрел с удивлением на дары. Один из отряда, который нес с собой огромный сосуд, налил из него чай в посуду Кенга. Крепкий зеленый чай, в котором еще плавали листики и черенки.

- Теперь нужно провести собрание, – сказал радист Кенгу. – Перебирайся ко мне, к моей рации, я же не могу ее оставлять надолго без присмотра. Там мы насладимся праздничной трапезой по случаю Тэта. У меня еще табак есть...

Повсюду на позициях Народной армии вокруг Дьенбьенфу этим вечером был праздник. К звукам бамбуковых флейт примешивалась игра трофейных губных гармошек. Они стали любимым музыкальным инструментом вьетнамских солдат. Кипели чайники, хотя чая не хватало, и пили в основном просто горячую воду. В вечернем воздухе чувствовался запах табака. Царило предчувствие победы, которую следует добыть так, чтобы враг не смог ускользнуть. Но многие солдаты, прошедшие уже через немало боев, тихо думали про себя, смогут ли они пережить и эту битву. Песни пелись тихо, вполголоса. Причиной был не только близкий враг. Ни один солдат в мире не радуется во все горло перед трудным боем.

Полковник де Кастри не имел ни малейшего представления, что в эту ночь еще один полк Народной армии занял позиции на северном краю его крепости, на расстоянии всего пяти километров от нее. Кроме того, благодаря умелой дезинформации вьетнамцев он еще более укрепился в своем ошибочном мнении, что Вьетминь осаждает крепость только очень ограниченными силами и не имеет никаких шансов взять ее. Де Кастри ожидал лишь локальных атак, но чувствовал себя достаточно сильным, чтобы отбить их. А теперь Народная армия провела еще один маневр, который де Кастри расценил как окончательное доказательство малой заинтересованности Вьетминя в захвате Дьенбьенфу. Разведчики сообщали, что 308-я дивизия Вьетминя отводится по направлению к Лаосу.

Генерал Зиап, предложивший это тактическое мероприятие верховному командованию, правильно рассчитал его дезинформационный эффект. Поэтому он постарался, чтобы шпионы противника как можно быстрее сообщили о переброске войск, с замечанием, что Вьетминь очевидно хочет усилить свои операции в тылу осажденной крепости – уже в самом Лаосе. На самом деле, речь шла совсем не об этом. Ведь немногочисленные изолированные внешние посты французов, спрятанные среди непроходимых джунглей и горных хребтов, и так уже не представляли никакой опасности для освободительных сил. Но де Кастри не догадался, что из-за этого перемещения станет невозможной никакая отправка даже самых слабых рейдов и дозоров французов из Дьенбьенфу в сторону Лаоса. Он увидел в отводе дивизии преимущество для себя. При этом он сделал такую фундаментальную ошибку, что исправить ее уже было нельзя. От генерала Коньи из Ханоя он получил задание провести разведку для подготовки возможной эвакуации войск в восточном направлении, если сложится критическое положение. Там были различные дороги, по которым, если верить авиаразведке, можно было передвигаться даже на грузовиках.

Но де Кастри категорически отверг эту идею: Дьенбьенфу – это крепость. У него нет намерений уворачиваться от Вьетминя и отступить. Наоборот – он заманит вьетнамцев в долину и уничтожит их там. Тут честолюбивый де Кастри, уже видевший себя в ближайшем будущем в звании генерала, совершенно поддался иллюзорному представлению ситуации Наварра, хотя он сам был умным и опытным солдатом. Де Кастри заверил скептического Коньи, который оценивал шансы Дьенбьенфу с каждым днем все хуже и в своем близком окружении называл ее мышеловкой, что сможет с помощью своей артиллерии отбить любое наступление Вьетминя. При этом речь шла, помимо тяжелых минометов, всего о примерно двух дюжинах 105-мм гаубиц и об одной батарее (4 орудия) – 155-миллиметровых.

Командующий артиллерией Дьенбьенфу, полковник Пиро, сам после первого огневого налета противника со смехом отказался от усиления своей артиллерии. Он вполне сможет решить любую задачу уже имеющимися стволами.

Кроме того, он отверг советы замаскировать свои орудия получше. Он оставил их открытыми, только под защитой баррикад высотой по грудь человека, сделанных из мешков с песком. Это увеличивало опасность осколочных ранений для расчетов. Но Пиро находил в таком размещении и преимущество, объясняя, что так он сможет быстро поворачивать орудия и открывать огонь в любом направлении, откуда последует атака.

Пока французы продолжали пребывать в неведении, когда ожидать следующей атаки Вьетминя, тот получил в соседнем Лаосе свободу маневра. Атаки концентрировались вначале на единственной достойной упоминания французской базе – укрепленном пункте Муонгкхуа. Там, среди прочих частей, находился батальон легионеров. За последнюю неделю января Народная армия вместе с лаосскими союзниками взяла Муонгкхуа. А еще через короткое время была освобождена вся долина реки Нам-Ху.

Освободительные силы первое время не двигались дальше, но у них в руках уже была последняя и самая важная линия коммуникаций, связывавшая Вьетнам и северный Лаос. Они уничтожили около 17 рот противника, и – что было еще важнее – смогли освободить провинцию Пхонгсали. Теперь весь север Индокитая представлял собой единую освобожденную зону. Поэтому северная часть Вьетнама и пограничные провинции Лаоса Сам-Нёа и Пхонгсали могли служить надежным и безопасным тылом для проведения последующих операций.

Ни генерал Наварр, быстро перебрасывавший по воздуху подкрепления в Луангпхабанг, ни де Кастри, готовившийся к победе под Дьенбьенфу, не обратили внимания на то, что задействованные в лаосских операциях части и соединения вьетнамской Народной армии теперь возвращались под Дьенбьенфу, усиливая кольцо вьетнамских сил вокруг осажденной крепости.

Воздушная разведка и выползавшие время от времени на пару сотен метров за заграждения из колючей проволоки французские разведгруппы в один голос сообщали, что Вьетминь окопался вокруг всей крепости. Но как ни искали разведчики, позиций вьетнамской артиллерии они так и не нашли. Американские советники, прошедшие войну в Корее, предупреждали об опасности выдолбленных в скалах штолен, но де Кастри отбрасывал их замечания: у Вьетминя не было для таких работ никакой тяжелой техники!

Наступил февраль 1954 года. В военных кругах Парижа усиливались опасения по поводу ситуации на севере Индокитая. За это время уже много делегаций правительственных и военных чиновников посетило Индокитай, побывало с визитами в Дьенбьенфу, и почти все высказывали сомнения в успехе этого эксперимента. Одним из последних приехал в крепость государственный секретарь де Шевинь из министерства обороны, очень опытный в колониальных делах человек. После возвращения он без обиняков заявил мини-

стру обороны Рене Плевену, что считает Дьенбьенфу своего рода ночным горшком, по широким краям которого все дерьмо спускается вниз. По его мнению, командующий артиллерией Пиро вообще фантаст, да и господину де Кастри не хватает силы воображения, чтобы представить себе возможности его противников.

Рене Плевен был одним из самых реакционных политиков тогдашней Франции. Он занимал многие министерские посты, одно время был даже премьер-министром. Большую роль сыграл он в создании американско-западноевропейского военного альянса, направленного против СССР и его союзников. Но он был реалистом в том, что касалось возможности Франции вести войну за морем. Кроме того, по личным каналам к нему поступали оценки высокопоставленных офицеров из сайгонского штаба Наварра, говорившие о невозможности успеха на севере Вьетнама. Эти офицеры высказывались против дальнейших бессмысленных жертв французской армии. Они предлагали совсем освободить северную часть Вьетнама, которую географы раньше называли Тонкином. А освободившимися войсками следует лучше прикрыть южные области, считали они. Прочно удерживая Юг, Франция без больших потерь для своего престижа смогла бы за столом переговоров на мирной конференции добиться наилучшего возможного выхода из создавшегося положения.

Плевен сел на самолет и вместе с отобранными военными специалистами отправился во Вьетнам.

19 февраля был холодный день. Утром над дельтой Красной реки стелился туман, и министр лишь после полудня смог проделать последнюю часть своего пути – прилететь в Дьенбьенфу. До этого его в целях маскировки переодели в темную одежду, традиционную для Вьетнама. На голове у него была широкая конусообразная соломенная шляпа, скрывавшая лицо.

В Дьенбьенфу он встретился с де Кастри и подчиненными ему офицерами, самоуверенно твердившими о силе крепости, которую Плевен из соображений безопасности осматривал очень поверхностно

В поездке участвовал и генерал Джон У. О'Дэниел, проинструктированный лично президентом США Дуайтом Эйзенхауэром руководителем миссии связи США во Вьетнаме (МААГ). Согласно инструкциям он должен был по-прежнему предлагать американскую помощь и ободрять французов на продолжение этой изматывающей войны, пока не наступит удобный для Америки момент, чтобы взять вьетнамское наследство в свои руки.

- Кофе? – спросила Поль Буржад с дружелюбным взглядом, когда господа вошли в командный бункер де Кастри для завершающего обсуждения. Они уже видели плоские окопы, покрытые лишь корнями деревьев укрытия, ви-

дели солдат, купающихся в реке Нам-Юм и посадку транспортных самолетов на главную ВПП. Происходившие время от времени разрывы вьетнамских 75-мм снарядов де Кастри объяснял своим обычным замечанием, что красные, мол, украли где-то пару стволов и теперь с ними развлекаются.

Плевен нерешительно размешивал свой кофе и обращался к своим сопровождающим. Но те остерегались открыто высказывать свои мысли. Кроме начальника штаба ВВС все они по очереди говорили лишь о том, что Дьенбьенфу достаточно хорошо подготовлена и оборудована для любой ситуации.

Генерал Фэ, от которого постоянно требовали еще больших авиапоставок и еще больше истребителей, напротив, кратко и четко заявил, что считает крепость не обороноспособной. – Я посоветовал бы, – так сказал он, – немедленно вывести все войска. Я готов предоставить для этого все самолеты, способные летать. Только для этого, а для других целей – нет.

Казалось, его не удивило, что он не получил никакого ответа. Ведь то же самое он уже высказывал наедине Плевену, получив от него только смущенный взгляд. Плевен и сейчас не рискнул открыто возразить против самоуверенной позиции офицеров де Кастри. Он был гражданским, а гражданское лицо на его должности всегда проигрывает, если даст кому-то понять, что умнее выпускников Сен-Сира, бардов множества сражений. Поэтому он решил лавировать.

Вернувшись в Ханой, он по тайным каналам попробовал прозондировать Вьетминь, дав ему понять, что он еще неделю останется в их распоряжении, если они хотят вести переговоры о прекращении огня. Для этого он уехал на южно-вьетнамский курорт на мысе Сен-Жак. Но Вьетминь не уделял внимания такого рода секретным переговорам, которые, в конечном счете, должны были лишь надолго закрепить французское присутствие во Вьетнаме. Они верили в свои силы, а, кроме того, в Женеве и так очень скоро должна была открыться предложенная Советским Союзом конференция министров иностранных дел для переговоров о завершении колониальной войны в Индокитае. Так что шулерский трюк Плевена остался без ответа. Министр улетел назад в Париж, безо всяких результатов и еще более нерешительный, чем был до визита.

В Париже, несмотря на свои большие актерские таланты, ему так и не удалось убедить других в близости победы. Он делал доклад премьер-министру Ланьелю, умолчав о предложении командующего ВВС Фэ. Для укрепления своих позиций он лишь вызвал к себе ветерана Индокитае генерала Салана, нынче генерального инспектора Совета национальной обороны, и попросил его советов, чем можно было бы помочь де Кастри, чтобы избежать катастрофы. О кардинальном изменении французской политики в Индокитае не было и речи.

11 марта два батальона французских парашютистов, размещенные в самом дальнем опорном пункте «Беатрис» на северо-востоке долины, готовились к наступлению в восточном направлении, где была замечена разведгруппа Вьетминя. Был зачитан приказ: атаковать, подняться до склонов на высоту трехсот метров, уничтожить противника и отойти на исходные позиции.

Утренние испарения никак не хотели исчезать. Солдаты мерзли. В это время холод ползет по земле, и еще не встало солнце, отогревающее ее. Солдаты курили. Повторяли свои обычные непристойные шутки. Не обращая внимания на офицеров, пили «виногель». Кашляли, плевались, ругали долгое ожидание, и когда, наконец, зазвучали сигнальные рожки, подавая, точно как в учебнике, сигнал к атаке, солдаты с криками рванули вперед. Этот крик должен был придать мужества им самим. Саперы отодвинули в сторону проволочные заграждения. Быстро преодолели первую сотню метров, затем вторую, с бесцельной стрельбой. Противник, видимо, так напуган, что спрятался в своих норах, где его можно будет заколоть штыками.

Оба батальона наступали быстро. Но когда они приблизились к излучине реки Нам-Юм, в том самом месте, где дорога № 41 проходит параллельно реке, в воздухе послышался зловещий вой падающих минометных мин. Сами выстрелы атакующие не смогли услышать из-за собственных криков и пальбы. Но теперь от взрывов они как бы очнулись. Фонтаны грязно-желтой земли, дождь осколков. То тут, то там на земле оставались лежать погибшие. Раненые звали на помощь.

- Вперед! – рычали взводные. Нужно прорваться через кустарник в половину человеческого роста высотой. В нем пустоши – следы пожаров от напалма. Дальше к склонам лежит зеленый лес – последняя полоска зарослей перед горами. Оттуда солдаты Народной армии открыли пулеметный огонь, как только их минометчики сделали перерыв. Потом заработали винтовки. И снова полетели мины.

- Выходите, собаки! – орал бородатый капрал в ярости. Став в полный рост лицом к краю леса, он палил из ручного пулемета. Как раз так любят изображать войну в иллюстрированных журналах там дома – хозяин положения! Капрал был уверен, что там, напротив, лежат полуголые неграмотные люди, которые сразу разбегутся, увидев его красное от гнева лицо с клочковатой бородой. Но ему не удалось встретиться с врагом лицом к лицу. Когда он расстрелял весь магазин, в лоб ему угодила вражеская пуля.

Атака застопорилась. Удивленные ответным огнем, французы легли на землю, искали противника в непроницаемой зеленой стене. Взводные знали, что если атака один раз застопорится, ее почти невозможно продолжить.

- Вперед, марш!

Некоторые поднялись, другие ползли за своим оружием, медлили. Команды стали еще резче. Потом ударил новый залп минометных мин. Осколки, как злые насекомые, жужжали в воздухе. Кто еще не успел лечь на землю, падал сейчас.

- Все, – констатировал подполковник Ланглэ, опытный в такого рода атаках офицер, наблюдавший сейчас за всем происходившим из крепости.

Пиро, командующий артиллерией, нервно сжимал кулаки: – Дистанция слишком мала для моих орудий!

Де Кастри был вынужден передать по радио приказ о прекращении атаки. Побитые парашютисты группами возвращались назад, ползком, многие были ранены. Погибшие остались лежать перед «Беатрис», там, где захлебнулась их атака. Забрать их оттуда можно будет лишь ночью.

Но еще до заката на Лысой горе ударила вспышка – открыла огонь всего одна 75-мм пушка Вьетминя. Цель – уничтожить стоявший на большой ВПП в центре крепости большой транспортный самолет С-119, поставленный американцами. Пушка выпустила около дюжины снарядов, пока самолет не вспыхнул ярким пламенем.

- Орудие назад! – скомандовал командир батареи на Лысой горе. Двадцать кулаков принимаются за работу. Мужчины потеют от напряжения, но их окрыляет успех. Менее чем за одну минуту пушку снова спрятали в скальном каземате. Слой за слоем забрасывается вход мешками с песком. Чуть позже артиллеристы уже сидят в своем бункере. Они весело смеются, когда истребители «Беэркэт», наскоро взлетев, обстреливают склоны, и их трассирующие пули отскакивают от скал.

Большое наступление еще не началось. Это только проба – как все получится. Беспокоящий огонь. Пристрелка. Сорванная атака парашютистов. Но все равно – в результате около двадцати погибших, восемьдесят раненых и девяносто пропавших без вести, возможно, попавших в плен к вьетнамцам.

Лазарет, устроенный непосредственно возле командного бункера де Кастри, наполовину закопан в землю и для хоть какой-то защиты прикрыт сверху парой листов железа, располагает ровно 42 койками для тяжелораненых. Его шеф главный врач Гровен, высокий и полный человек, проклиная все на свете, трудится целую ночь. Он ругает людей, считавших невозможным, что тут придется обслуживать сотни раненых за один раз. Тех, кому не хватает места, кладут прямо под открытым небом. Для помощи медперсоналу направлены проститутки из В.М.С. Недалеко от лазарета взлетают и садятся самолеты С-47, отвозящие погибших и раненых в Ханой.

Когда хирург Гровен с первыми лучами утреннего солнца, смертельно усталый, плетется в свой угол, чтобы поспать часок на голом полу, перед тем как заснуть, он говорит растерянному де Кастри, взволнованно осматривающему лазарет: – *C'est la guerre...* (Такова война...)

Ань Чу уже в третий раз за этот день контролировал посты вокруг штаб-квартиры Народной армии. Когда она переместилась ближе к концентрации сил врага у Дьенбьенфу, возросла опасность внезапного удара французских «коммандос». Но противник еще и приблизительно не знал, где находится штаб. Уж в любом случае, ему бы и в голову не пришло, что штаб Вьетминя отделяют от командного пункта де Кастри меньше дюжины километров. Но в такое время нельзя было быть точно уверенным, что вокруг нет предателей и шпионов. Нужно быть бдительным. Поэтому Ань Чу беспрестанно повторял свой обход.

По сообщениям часовых, никаких особенных событий не происходило. И действительно, затянутые утренним туманом горы были совершенно спокойны, все пути – под контролем, и на дороге из Туан-Гиао все было тихо. При свете дня боеприпасы, провиант и саперное имущество перевозилось лишь там, где густая листва джунглей скрывала дорогу. Там добровольные помощники длинными колоннами толкали свои нагруженные поклажей весом до трехсот килограмм велосипеды, рулевая штанга у которых была удлинена с помощью бамбуковой палки, чтобы легче удерживать такую тяжелую машину. По ночам грузы транспортировались по последнему, открытому участку, обычно носильщиками, потому что по скалам вокруг котловины Дьенбьенфу, там, где спряталась артиллерия, уже не мог пройти и велосипед.

Авиация противника с регулярными интервалами каждый день бомбила пути подвоза. Это приносило потери, но, прежде всего, дороги и переходы через реки должны были мгновенно приводиться в порядок после бомбовых попаданий. Для этого в глубоких джунглях в стороне от путей подвоза на определенных расстояниях друг от друга прятались группы рабочих. Они одновременно выполняли работу и дорожных постов. У них изголодавшийся водитель мог быстро получить миску риса или поспать часок.

Прошлой ночью Ань Чу помогал в ремонте моста из бамбуковых палок, который на день всегда опускали в глинистую воду реки Нам-Юм, чтобы его нельзя было увидеть с воздуха. Летчики и в этот раз его не заметили, они разбомбили нечто, что так и не смогли идентифицировать. Оно было белым и лежало на травяном берегу реки. В ожидании поступления раненых профессор Тон Тат Тунг, начальник медицинской службы Народной армии привез сюда перевязочные материалы из тыла. Но за долгую дорогу они стали грязными, поэтому медсестры сразу направились к реке, чтобы постирать их и

высушить, разложив на берегу. Они думали, что в ближайшие часы авианалетов не будет.

Но они ошиблись. «Алуэтт» («Жаворонок»), маленький французский наблюдательный вертолет, заметил странное белое пятно на траве и вызвал бомбардировщик, который сбросил на странную цель весь свой груз. Летчик не особо тщательно прицеливался, и большая часть его бомб упала в реку. Поднятые взрывами фонтаны грязи полностью покрыли бинты. Теперь их пришлось стирать снова. Но при этом бомбы разрушили и части опущенного в воду «ночного моста», хотя летчик об этом и не узнал.

Потребовалась тяжелая работа, чтобы снова привести мост в рабочее состояние, и все свободные от смены часовые помогали в этом саперам.

Когда Ань Чу думал об этом, то не столько гордился своими успехами, сколько восхищался старательностью молоденьких девушек, стоявших по бедра в воде и своими руками с помощью небольшого количества зеленого мыла стиравших бинты. Многие из них были очень красивыми, но вели себя неприступно. Большинство из них было замужем или имели друзей, тоже воевавших на фронте. Кроме того, так называемые «фронтные браки» были редкостью в Народной армии.

Профессор медицинской службы, коренастый, подвижный мужчина, с очками, всегда соскальзывающими на самый край влажного от пота носа, учил девушек во время работы не забывать о маскировке. Ведь было рискованным надеяться на то, что французская бомба проявит уважение к красному кресту.

- В этой борьбе речь идет о свободе, – говорил он, потирая ногу об ногу и стоя в воде. – Для французов речь идет о колонии. О сырье. О военных базах. Поэтому они отбросят все правила благородного ведения войны. Будьте начеку, мои девочки! Никогда не привлекайте к себе внимания врага – я хочу видеть вас позже, в свободном Вьетнаме, в новых больницах. Вы будете там самыми опытными мастерами в своей профессии, будете учить молодых, которые пока еще дети. Так что, поторопитесь со стиркой! Сушить мы будем на этот раз под кронами деревьев!

Ань Чу был под сильным впечатлением. С какой уверенностью говорил профессор о том, что произойдет много позже: о свободном Вьетнаме! Ань Чу поднялся вверх по склону, там был пост наблюдения за воздухом. С собой был у него трофейный французский полевой телефон, тяжелый ящик с катушкой. В случае чего он всегда мог предупредить главный штаб и зенитчиков о воздушной тревоге. – Никаких самолетов врага не было, – сообщил солдат на посту. И добавил: – Слишком густой туман в долине. Они как слепые в такую погоду...

В укрытии штаба главного командования, выбитой в скале штольне, генерал Зиап докладывал партийному руководству о подготовке к битве: – Мы закончили первый этап, сгруппировав наши войска и нейтрализовав передовые посты противника. Одновременно агрессор отрезан от всех наземных путей снабжения; он изолирован в долине Дьенбьенфу. Боеготовность наших войск превосходна.

Благодаря огромным усилиям множества добровольных помощников на позиции доставлено вооружение, оснащение, провиант и медицинский материал. Войска на исходных позициях. Окопы и надежные укрытия скрывают наши войска, часов сего в паре сотен метров от противника. С гигантским напряжением сил нам удалось доставить орудия на созданные для них артиллерийские позиции. Все пушки готовы к бою. Пришло время начать подготовку непосредственно к наступлению.

Хо Ши Мин, Труонг Чинь и Фам Ван Донг знакомились с обстановкой вокруг Дьенбьенфу, изучая карту. Зиап давал пояснения. Наконец, Хо Ши Мин спросил Зиапа: – Обсуждал ли уже штаб предложения как вести наступление?

Зиап кивнул. – Верховное командование предлагает разбить наступление на три фазы. Это позволит нам избежать больших потерь и достичь тактических успехов.

Труонг Чинь попросил объяснить поподробнее. Зиап рассказал, что сначала нужно атаковать укрепления на севере и северо-востоке. Генеральное наступление на все форты одновременно со всех сторон принесет лишь ненужные потери и может не достичь желаемой цели. Но если выбивать звенья обороны противника в Дьенбьенфу по очереди, то крепость утратит внутреннюю целостность и вскоре покажет свои слабые места.

Итак, первыми объектами атаки должны стать опорные пункты Док-Лап и Хим-Лам, названные французами «Габриель» и «Беатрис», а также расположенный на северо-западе поселок Бан-Кхео, превращенный французами в оборонительную позицию под названием «Анн-Мари», прикрывающую доступ с севера к взлетному полю.

Во второй фазе, которая, видимо, продлится долгое время, в ходе проводимых и параллельно, и последовательно операций должны быть нейтрализованы с востока укрепления центрального сектора крепости, разрушена ВПП и систематически сужена укрепленная территория противника. До того времени, пока его ситуация не станет совершенно безвыходной. После этого, несомненно, в рядах противника распространится деморализация. И тогда не исключено, что враг сдастся. Если этого не произойдет, то в ходе последней, третьей, стадии после длительной и мощной артиллерийской подготовки,

проводящейся с уже значительно продвинувшихся к тому времени огневых позиций, со всех направлений одновременно будет атакован оставшийся в руках противника центр крепости. На этой фазе даже удары прилетавших из Ханоя самолетов уже не смогут помочь захватчикам.

Задумавшийся Хо Ши Мин заметил в своем спокойном сдержанном тоне: – Если я понял правильно, то успех второй фазы зависит от успеха в первой. Если мы удачно завершим вторую фазу, можно будет сказать, что мы выиграли битву.

Генерал Зиап почувствовал, что план командования получит поддержку партийного руководства. Он ответил с улыбкой: – Товарищ президент, наша цель – победа. И мы завоюем ее тогда, когда над бункером французского команданта взвьется наш флаг – не раньше.

Утром 13 марта первая «Дакота», вылетевшая с предметами снабжения из Ханоя, долго кружила над долиной Дьенбьенфу. Внизу тянулся тонкий слой тумана, а так как никаких световых сигналов, указывающих направление посадки, не было, летчику приходилось крутиться в небе, пока видимость не улучшится.

Он летел по этому маршруту в первый раз. Машина принадлежала «Aigle Azur» («Голубой орел»), срочно созданной с американской помощью частной авиакомпанией, которая, как и CAT, зарабатывала хорошие деньги на авиапоставках, не забывая о том, чтобы вмешательство США во Вьетнамскую войну оставалось как можно менее заметным.

Пилот полетел слишком далеко на юг, он не заметил главной ВПП, находившейся севернее центра крепости. Когда он, наконец, увидел внизу полосу, то сразу же сел на нее. Но это была маленькая ВПП, предназначенная для вертолетов-наблюдателей. Она размещалась у опорного пункта «Изабель» и могла использоваться как резервная. Но здесь даже не было машин для перевозки грузов.

- И откуда мне их взять? – прорычал пилот по радио.

Диспетчер главного летного поля попросил его подождать. Он сам позаботится о транспорте. Но, поняв, что экипаж голоден, диспетчер пригласил его в центральную столовую крепости, находившуюся напротив командного бункера де Кастри.

- Пусть птичка посидит, а вы идите на север, через полчаса дойдете...

Ворча, пилот и его экипаж отправились в путь. Они нашли столовую и встретили в ней еще два экипажа, работавшие на компанию CAT. Их самолеты приземлились из-за поломок в моторах, поэтому они ждали ремонта. До кон-

ца его было еще очень далеко, поэтому еще за завтраком летчики уже приняли по порции виски. Они были американцами, кроме одного англичанина, случайно ставшего пилотом САТ. Именно он, в самом приподнятом настроении, разучивал с американцами песенку, сочный припев которой летчики грохотали со смехом:

«Let's go and screw
Old Abdulla's ugly daughter,
as there is nothing better to be done...»

Французы из «Голубого орла» из-за плохого знания английского не могли понять всего юмора. Но зато они получили яичницу, ветчину, кофе и белый хлеб, поэтому были очень заняты, когда вблизи большой ВПП взорвался первый вьетнамский снаряд. Они вначале не обратили на это внимания, только американцы, уже не первый раз в Дьенбьенфу, насторожились и быстро побежали из столовой в сторону убежища.

Уже второй снаряд, удавивший по летному полю, заставил и французов искать прикрытую бамбуковыми стволами траншею, позабыв о завтраке. Снаряд попал в стоявший на полосе транспортник «Кертисс-Коммандо», взорвал его бензобак и превратил машину в кучу горелого алюминия и расплавленных стальных частей. Снаряды взрывались во всей крепости. Командование Народной армии отдало приказ на ведение рассеянного беспокоящего огня. Прежде всего, противника нужно измотать. На вторую половину дня была запланирована атака.

Около полудня Кенг стоял у крупнокалиберного зенитного пулемета, размещенного недалеко от наблюдательного пункта для защиты от истребителей-бомбардировщиков, атаковавших склоны. Как раз мимо пронеслась цепь «Беэркэтов» и сбросила в нескольких сотнях метров осколочные бомбы. Теперь эти тупоносые машины делали круг, чтобы повторить бомбежку. Они снова шли с севера.

- Ложись! – прошипел пулеметчик Кенгу. Затем дал своему второму номеру знак, и тот приподнял пулеметную ленту. В этот раз у «Беэркэтов» уже не было бомб. Они, не видя целей, просто стреляли из пулеметов по склонам. На высоте зенитного пулемета они разворачивались. Как раз это и предусматривал пулеметчик. Он подождал, пока первый самолет показал ему свое светло-голубое брюхо. Цель была не меньше ворот сарая. Получив очередь, самолет затрясся еще на развороте. За ним потянулся дым. Неподалеку от первой линии колючей проволоки внешнего форта Хим-Лам «Беэркэт» ударился в землю. Два других самолета тут же пошли на посадку. Они так и не нашли пулеметчика.

Когда Кенг вскочил и поздравил пулеметчика с успехом, под фюзеляжем самолета «Голубого орла» на вертолетной полосе взорвался 75-мм снаряд. Он оторвал у машины шасси. «Дакота» грохнулась на землю и через пару секунд загорелась.

Теперь артиллерия крепости открыла по склонам на севере и востоке ответный огонь. Но наблюдатели не могли найти цели. Орудия Народной армии были так хорошо замаскированы, что сливались со своим окружением. Полковник Пиро, командующий французской артиллерией в Дьенбьенфу, все больше нервничал, тем более что де Кастри грубым тоном потребовал от него добиться успеха. Около 16.00 он получил приказ немедленно открыть огонь по северному предполью Хим-Лама («Беатрис»); там предстояла атака.

На самом деле в это время в двухстах метрах от проволочных заграждений Хим-Лама ждали приказа к атаке подразделения Народной армии. Как только вблизи их стали взрываться первые французские снаряды, стало ясно, что их обнаружили.

Командир атакующей группы кратко сообщил об этом в штаб, и вскоре по Хим-Ламу ударили залпы артиллерия Вьетминя. Взрывы поднимали высокие фонтаны грязи, накрыв сразу же командный пункт и три боковых укрепления дымом и пылью.

Французская артиллерия получила приказ снова перенести огонь на склоны, откуда стреляли пушки Вьетминя. Так что группе, готовившейся атаковать Хим-Лам, пришлось пролежать еще час в своих траншеях.

Хим-Лам защищал усиленный колониальный батальон парашютистов, опытная, известная своей жестокостью часть под командованием майора Пего. Его всполошили первые взрывы. Еще до того, как к нему вбежали офицеры его штаба, ожидавшие приказов, он считал вражеские попадания. Через какое-то время он сквозь шум прокричал своему начальнику штаба: – Через каждые четыре секунды по снаряду. 105-мм. Откуда у этих типов тут взялись пушки, черт бы их побрал?

Никто не успел дать ответ на этот вопрос. Следующий снаряд пробил бамбуковое перекрытие, присыпанное землей, и разорвался в укрытии. Когда поднялся дым, не было в живых ни Пего, ни его начальника штаба. Командный бункер «Беатрис» превратился в воронку.

В последнем слабом дневном свете ударная саперная группа Народной армии подтянула к проволочному заграждению у Хим-Лама так называемые «бангалорские торпеды». Это длинные, полые стволы бамбука, набитые взрывчаткой. При взрыве они разносят проволочные заграждения и образуют отверстия, через которые прорываются атакующие.

Когда солдаты преодолели препятствие, они сначала устремились туда, где находился командный пункт. Но нашли только останки погибших. Затем они повернулись к двум оставшимся гнездам сопротивления внутри укрепленного пункта. Французские парашютисты сражались ожесточенно, но артиллерийский обстрел уже сильно их деморализовал, потому что они не рассчитывали на то, что противник применит против них такую огневую мощь. Кроме того, атакующие силы Народной армии втрое превосходили их по численности.

Французская артиллерия понесла первые потери. Когда огонь вьетнамских орудий был перенесен с Хим-Лама на центр крепости, с адской силой взорвались склады боеприпасов. Взрывная волна разрушила боевые позиции, загорелись пораженные осколками самолеты и склады грузов. Был тяжело ранен один полковник из штаба де Кастри. Еще один погиб.

Со своих незащищенных позиций французская артиллерия вела огонь, прежде всего по дороге, ведущей из Туан-Гиао в Хим-Лам. Но подразделения Народной армии, ожидая удара, давно покинули эту местность. Французы снова ударили в пустоту. А атакующие, захватывая одну позицию за другой внутри Хим-Лама, не могли подвергаться французскому обстрелу, поскольку французы боялись задеть свои войска. Скрипя зубами, де Кастри сдал опорный пункт еще до того, как было сломлено последнее сопротивление. Его теория «железной крепости», которой не могут нанести никакого ущерба «босоногие аборигены», оказалась ошибочной.

В центре Дьенбьенфу работали пожарные команды, пытаясь загасить бушевавшие во многих местах пожары. Об этом тоже никто не позаботился заранее. Средств для тушения пожаров не было. Солдаты по цепочке передавали ведра с водой, черпаемой из реки Нам-Юм, причем им все чаще приходилось, бросая ведра, ложиться на землю, потому что артобстрел продолжался.

Около полуночи Хим-Лам, первый внешний форт Дьенбьенфу, был захвачен Народной армией. Триста человек, оборонявших его, погибли. Еще две сотни, многие из них раненые, попали в плен. Кенг видел, как они тянулись в раннем утреннем свете: побитое войско.

Следующим утром де Кастри послал в Хим-Лам посредника с просьбой разрешить похоронить погибших французов.

За это время команда врачей во французском лазарете не могла придумать, где размещать раненых. Не хватало консервированной крови и антибиотиков. По радио была затребована помощь из Ханоя. Там, в командовании Ко-ньи, царила беспомощность. Никто не рассчитывал на такие потери от артиллерийского огня. Кроме того, из Дьенбьенфу было получено еще сообщение, что большая взлетная полоса, выложенная из металлических листов, буквально перепажана многочисленными попаданиями. Для ремонта нужны

сварщики. Таким образом, авиапоставки оказались прерванными, оставалась лишь возможность сбрасывать грузы с парашютов.

Это положение никак не изменило то, что в первой половине дня трем маленьким истребителям удалось взлететь в Дьенбьенфу и добраться до Ханоя. Там шел дождь, низкие муссонные облака не позволяли вылетать большим машинам. Коньи собрал все имеющиеся парашюты. Он догадывался о приближении катастрофы со снабжением, уже были видны ее первые признаки. Он не надеялся, что на ВПП в Дьенбьенфу сможет приземлиться еще много самолетов.

Как опытный военный он подсчитывал, получив точные донесения из крепости. Два батальона уничтожены. Склады боеприпасов, запасы горючего, даже склады напалма горят. Артиллерия располагает немногим больше двадцати тысяч снарядов. А лишь при безуспешном отражении атаки на Хим-Лам было выстреляно шесть тысяч. Блиндажи и укрытия оказались совершенно недостаточными, чтобы выстоять под артиллерийским огнем Вьетминя.

Чтобы оправдаться перед Наваром, Коньи по радио порекомендовал де Кастри провести контратаку с десятью боеспособными танками, чтобы внести смятение в наступательную концепцию противника. Коньи догадывался, что из этого ничего не выйдет. Но его тут же похвалил Наварр из Сайгона. Кроме того, он тут же приказал Коньи сбросить на парашютах еще два батальона для подкрепления гарнизона заблокированной крепости.

Над Дьенбьенфу поднималось серое, неприятно прохладное утро. Едва пробивавшийся через тяжелые облака свет еще сильнее терялся в клубах дыма. Обливаясь потом, отряд саперов смог в какой-то степени починить небольшой кусочек ВПП. Этого должно было хватить для прибывавшей из Ханоя спортивной авиетки, везущей консервированную кровь.

- Вы летите на этом самолете назад! – отдал де Кастри приказ Поль Буржод в очень формальном тоне. На ее лице еще отражался ужас прошедшей ночи, она была бледна. Де Кастри был не наедине с ней. Для поддержания дисциплины он должен был провести только официальное прощание. Никаких поцелуев, только рукопожатие, после того, как женщина упаковала свои пожитки. Пилот спортивного самолета, один из тех авантюристов, которые хотели пережить что-то необычное в дальневосточных владениях Франции, тихо присвистнул, увидев даму, карабкающуюся к нему в кабину. Но тут он заметил вдалеке разрыв снаряда и недружелюбно прошипел мадемуазель Буржод:

- Быстро пристегнитесь и закройте фонарь.

Взвыли оба мотора, которые он предусмотрительно не выключал, потом летчик отпустил тормоза и пошел на взлет. Разворачиваясь над Хим-Ламом, он

увидел над разбитым командным бункером красное знамя Вьетмина с желтой звездой.

Во второй половине дня, когда из Ханоя, наконец-то, снова смогли взлетать самолеты, над Дьенбьенфу десантировался 5-й парашютный батальон. Он попал под прицельный огонь вьетнамцев и сразу понес первые потери. Между дымящимися очагами пожаров возникали новые. Два сбитых самолета упали на землю. Там вверх поднимались высокие языки пламени. Потом их погасил сильный холодный зимний ливень с грозой. Он превратил всю Дьенбьенфу в печальный грязный ландшафт, полный скрученными, грязными парашютами. Эту грустную картину лишь подчеркивал свисавший с мачты над бункером де Кастри французский «триколор».

На склонах вокруг котла артиллеристы Народной армии в это время вытаскивали пушки из казематов и устанавливали их на позиции. Командиры батальонов высказывали штабу опасения, что при большом темпе огня некоторые орудия могут упасть. А темп огня должен был быть очень высоким. Новая цель называлась Док-Лап, холм на севере. Французы называли этот укрепленный пункт «Габриель». Было решено с наступлением темноты обстрелять не только Док-Лап, но и весь центральный сектор обороны, чтобы помешать противнику вести эффективный ответный огонь. За это время готовящиеся к атаке на Док-Лап подразделения получили 75-мм безоткатные орудия для усиления своей огневой мощи, а взводы минометчиков переместились вперед, чтобы принять на себя основную нагрузку огневой поддержки.

Кенг, выбранный в качестве проводника, вел людей с тяжелыми поворотными плитами и короткими стволами, в шутку называемыми «артиллерией маленького человека», по незаметным для противника тропам севернее уже захваченного Хим-Лама. Там минометы должны были принять передовые отряды, уже подготовившие позиции для ведения огня. В благодарность за труды минометчик подарил Кенгу сигареты, которыми он поделился со своим радистом, когда вернулся назад на свой пост.

Над долиной лежала тьма, но тумана не было. Дождь очистил воздух. Теперь Кенг и радист из своего укрытия могли прекрасно видеть, как взрывались снаряды между центральными укреплениями. Их уже нельзя было сосчитать. Повсюду блистали взрывы, горело пламя, и поднимался дым. На перепаханной разрывами взлетной полосе горел еще один самолет. Горевшие там французские машины уже стали привычным зрелищем. Мечта о превосходстве в воздухе, на который французские колониальные офицеры все еще возлагали большие надежды, рассеивалась под ударами зениток, умело используемых Народной армией.

- В общем-то, жалко долину, – сказал радист Кванг До. Он закурил и продолжил: – Крестьяне раньше выращивали там много риса, как мне говорили. Справедливее было бы вести войну на французской территории...

Кенгу эта идея показалась немного странной. Франция далеко, а французы здесь, поэтому и бить их нужно здесь. Но он не стал спорить с Кванг До. Этот прирожденный часовщик обладал каким-то очень острым чувством справедливости. Он много размышлял, хотя не все его идеи были здоровыми. Поэтому Кенг пробормотал сквозь дым сигареты «Мелия», которую курил: – Почва там внизу совсем не так хороша, как в дельте Красной реки. Поэтому люди здесь занимались больше торговлей, чем земледелием. Приходили лаосцы с севера, таи с высоких гор, и всем им можно было обмениваться...

Он закашлялся. Эти трофейные сигареты, которые производили французы под свой вкус в Сайгоне и Пномпене из черного табака, не обладали вообще никаким ароматом. Что они в сравнении с завернутой в кукурузный лист сигаретой из светло-желтого, пахучего местного табака!

- Иногда, – заметил Кванг До, – мне здесь совсем скучно. Сажу тут и смотрю, как воют другие...

Кенг снова ничего не ответил, потому что ему понравилась мысль радиста, хотя она и не была совсем правильной. Он был уже долго тут и привык к своему заданию: наблюдать и сообщать об увиденном. Одно из многих дел, необходимых для обеспечения общего успеха. Теперь он внимательно смотрел в направлении бывшего поселения Муонг-Тхан, где был центр крепости. Каждый раз, когда вблизи взрывался снаряд, было видно собиравшихся там солдат. Кенг взял бинокль. Это не был ночной бинокль, но и он немного помогал. Посмотрев какое-то время, он увидел танки «Чэффи», собиравшиеся в этом месте. До этого французы держали их спрятанными в подземных укрытиях далеко друг от друга. Что означала эта концентрация на северном фланге от командного центра, если не подготовку к атаке?

Можно предположить, что французы со своими танками поспешат прийти на помощь Док-Лапу. Они догадываются, что это будет следующей целью наступления. Или они даже обнаружили готовящиеся к атаке войска в их укрытиях и хотят нанести им удар с фланга.

Он обратил внимание Кванг До на свои наблюдения. Маленький радист тоже посмотрел в бинокль, затем подтвердил, что видит то же самое.

- Итак, – сказал он, – мы все-таки не напрасно сидим здесь, мой мальчик! Пойдем, нужно сообщить в штаб.

Штаб Народной армии после получения этого сообщения приказал немедленно начать атаку на Док-Лап. Она началась с массивного артиллерийского

обстрела. Одновременно открыли огонь безоткатные орудия, уже установленные у подножия холма, к ним добавились минометы. Части изготовившихся к атаке войск отошли немного на юг и заняли новые позиции. Если французские танки придут, они именно здесь попытаются прорваться. Но танки не пришли. Сначала нужно было издалека доставить горючее, потому что близлежащие склады топлива сгорели.

Поздно вечером огонь вьетнамской артиллерии по Док-Лапу был таким ожесточенным, что французы не отважились даже высунуть голову над баррикадами из мешков с песком, не говоря уже о стрельбе по вьетнамским штурмовым саперам, ползущим вверх, снимавшим проволочные заграждения и приближавшимся все ближе.

Де Кастри получал с форта «Габриель» все более отчаянные мольбы о помощи. Он приказал перейти к контратаке. Но самый старший офицер в «Габриель» майор Мекенем, которого буквально только что сменил новоназначенный командир, тай по фамилии Кха, по причине завершения срока службы и предстоящего отправления во Францию, посоветовал своему преемнику отказаться от этой идеи. Он сам не рискнул бы даже пробежать до центра, чтобы, возможно, успеть сесть на какой-то самолет до Ханоя. Что уж говорить об атаке из «Габриель»!

Кха выглядел довольно беспомощно. Его солдаты не могли высунуться из своих дыр под градом осколков. Чуть позже его командный пункт был поражен прямым попаданием. Разместившийся немного в стороне радист передал де Кастри последний истеричный вопль о помощи: – Командир и штаб погибли. Они поднимаются по склонам. Помогите же нам! Стреляйте, наконец! Где наша артиллерия? Помогите нам, или мы пропали...

Полковник Пиро, командующий артиллерией, хваставшийся при каждом удобном случае, насколько его батареи лучше пары стволов, которые, возможно, притащил Вьетминь, получил от де Кастри такой ужасный нагоняй, с которым ему еще не приходилось сталкиваться. Комендант кричал ему, почему он ничего не предпринимает.

- Но что я могу сделать, мой полковник, – отчаянно отвечал артиллерист. – Не могу же я стрелять по своим войскам. Вьетминь слишком близко к ним.

- Обойдусь без ваших объяснений! – ругал его де Кастри. – Сделайте хоть что-то, докажите, что вы на что-то способны!

За полчаса до полуночи обстрел Док-Лапа несколько стих. Его гарнизон знал, что предстоит штурм, но был деморализован. Им еще никогда не приходилось сталкиваться с противником, так виртуозно владевшим искусством войны, как эти наступающие вьетнамцы. И никогда еще колониальная армия, привыкшая охотиться на безоружных или плохо вооруженных врагов, не по-

падала под такой убийственный артобстрел. Некоторые солдаты попытались проскользнуть на юг, другие пробирались на запад и доползали до укреплений «Югетт», которые пока не атаковали.

В командном бункере де Кастри появился очень взволнованный сенегальский наемник из части Пиро и сообщил, что его командир погиб. Поисковая команда нашла его немного позже – в пустом бункере, разорванного ручной гранатой, которую он взорвал сам. Полковник де Кастри приказал молчать о причине смерти и немедленно похоронить Пиро. В Ханой он передал радиogramму, что полковник Пиро погиб, честно выполнив свой солдатский долг.

Через два часа после полуночи был нанесен новый артиллерийский удар по тому, что оставалось от Док-Лапа. Потом Народная армия пошла на штурм холма.

Хотя на отдельных позициях французы оборонялись буквально до последнего патрона, бой в шесть часов утра, с рассветом, уже завершился. Пленные французы отводились в тыл. Они слышали, как над их головами проносятся вьетнамские снаряды. Новой целью был форт «Анн-Мари», бывшая деревня Бан-Кхео, на крайнем западном фланге северного предгорья Дьенбьенфу. В нем размещались две роты тайских наемников, аборигенов, давно служивших французам и теперь раздумывавших, как бы им выжить.

- Они атакуют! – сказал Кенг, наблюдая самым ранним утром за концентрацией войск противника севернее главной ВПП. Радист тут же передал это сообщение.

По дороге, ведущей из опорного пункта «Югетт» в направлении к Док-Лапу, на север катились шесть французских танков в сопровождении батальона парашютистов. Когда вокруг них стали рваться первые вьетнамские снаряды, Кенг занялся корректировкой огня, отдавая краткие указания по радио. Вскоре снаряды взрывались точно среди атакующих.

Танки пытались спастись благодаря своей скорости. Солдаты ложились на землю и медленно ползли вперед. Через час потери были уже так велики, что атака захлебнулась, не достигнув холма Док-Лап. Туда добралось несколько танков, на которых удержалось немного легионеров. Но на этом участке местности танки были беспомощны. Никто не подумал, что стволы их пушек нельзя поднять так высоко, чтобы обстреливать снизу вьетнамцев, сидящих на вершине холма. А по самим танкам был тут же открыт ответный огонь из безоткатных орудий, спрятанных на неуязвимых для танкового огня позициях. Французам ничего не оставалось, как отойти, тем более что стрелковые цепи парашютистов отстали от них больше, чем на километр.

- Отход! – крикнул Кенг радисту. Тот передал наблюдение в штаб. Прошло несколько минут, потом большинство орудий снова открыло огонь по «Анн-

Мари». Этот укрепленный пункт был третьей целью первой фазы наступления. Вьетнамские солдаты на захваченном ими холме Док-Лап могли видеть разрывы снарядов на «Анн-Мари». Они чувствовали, что приказ к атаке на занятый тайскими наемниками Бан-Кхео, французское название которого они вряд ли смогли бы произнести, уже витал в воздухе.

Наемники-таи в кратких перерывах между артоналами слушали, что говорили им через мегафоны агитаторы Народной армии. Их призывали перестать жертвовать собой ради французов, сложить оружие и вернуться к семьям.

На многих обещание, что их не убьют, а разрешат вернуться в родные деревни, подействовало так же, как обещание исполнения самого сокровенного желания. Снова открыли огонь минометы. Постоянно повторяющиеся разрывы ускорили принятие решения завербованными французами наемниками.

Ночью на 16 марта, когда немногочисленные французские офицеры спрятались в своих блиндажах, большая часть таев сбежала через остатки проводочных заграждений. Командование Народной армии разоружило их и отправило в тыл.

Осталось около одной роты. Под уже ослабевшим огнем Народной армии она продержалась еще один день. Но когда наступила следующая ночь, «Анн-Мари» была уже не способна обороняться. Во второй половине дня 17 марта 1954 года, когда Народная армия начала атаку, оставшиеся таи подняли руки. Большая часть французских офицеров к тому времени либо погибла, либо сбежала на юг.

За это время Коньи сбросил с парашютами над центром Дьенбьенфу 6-й батальон парашютистов из Ханоя. За ним должен был последовать еще один батальон, потому что потери уже во время десантирования были настолько велики, что боевой потенциал подразделения сильно упал.

Усиление личного состава было не единственным мероприятием, проведенным Коньи вследствие шока от произошедших событий и под давлением Наварра. Он все еще не понял в полной мере, как могло произойти, что Вьетминь в ходе всего одной атаки смог захватить почти все северное предполье крепости. Это означало, размышлял он, что с вьетнамцами уже нельзя будет бороться в горах, как предусматривалось. Они во многих местах находились всего в паре сотен метров от укреплений в долине и использовали каждую секунду за две прошедшие ночи, чтобы разместить на «Беатрис» и «Габриель» свои зенитки. И теперь они могли в любое время окончательно прервать все поставки транспортной авиации, сбивая садящиеся или взлетающие с главной ВПП самолеты. Не говоря уже об их корректировщиках арт-огня, осматривающих котловину долины с этих удобных для наблюдения постов!

17 марта, в середине дня, когда дождь в Ханое закончился, и над Дьенбьенфу тоже установилась ясная погода, Коньи сел в «Дакоту» и полетел в крепость. Он хотел сам увидеть происходившее там перед тем, как принимать дальнейшие решения.

Генерал сидел рядом с пилотом, пока под машиной скользила долина, коричнево-черный ландшафт, размякший от весенних дождей, перекопанный взрывами, где повсюду лежала сгоревшая и разбитая военная техника, обломки самолетов, брошенные парашюты.

Коньи мог видеть, что главная ВПП обстреливалась. Маленькая полоса на юге, возле «Изабель» была перекопана воронками. Здесь могли сесть разве что вертолеты, но они из-за малой скорости полета были прекрасной целью для зениток вьетнамцев. Как раз в этот момент эскадрилья транспортников сбрасывала с большой высоты грузы на парашютах. Большие белые грибы касались земли, и летчик сухо заметил: – Там куда они падают, наших давно уже нет. Морфий и белый хлеб для Вьетминя. Дорогая война...

Он сделал круг и, повинаясь указаниям Коньи, начал подлет с севера к большой взлетной полосе. Но как только он спустился, мимо кабины внезапно пронеслись дымные следы от снарядов 37-мм зениток. Пришлось снова подниматься. Внизу он уже не смог увидеть контрольную башню, регулировавшую движение на ВПП. После прямого попадания она была разрушена.

- Здесь уже никто не сможет приземлиться, – констатировал пилот. Коньи согласился с этим. Пока они кружили, появилась цепь американских В-26 и начала поливать напалмом склоны, где предположительно прятались пушки Вьетминя. В небо поднялись столбы черного густого дыма, пламя лизало влажные корни деревьев, разгорался огонь. Но там, где бушевал пожар, было удивительно тихо. Коньи никак не мог избавиться от подозрения, что таким путем нанести серьезный ущерб противнику не удастся.

Потом летчик обратил его внимание на траншеи. От павшего опорного пункта «Беатрис» и от сотни других позиций у подножья холмов солдаты Народной армии рыли траншеи по направлению к двум главным внешним бастионам на восточном фланге – «Доминик» и «Элиан», каждый из которых сам состоял из целой системы бункеров и стрелковых ячеек.

Уже по прилагаемым противником усилиям было видно, что он планирует правильное окружение. Завершающие участки траншей нельзя будет атаковать с воздуха по той причине, что они будут уже слишком близко к своим войскам. С «Габриель», холма Док-Лап, траншеи тоже уже шли на юг зигзагообразным курсом. Было похоже, что их следующей целью на севере будет «Югетт», прикрывавшая главную взлетную полосу с северного направления,

а в этом же направлении находилась последняя большая укрепленная линия перед командным бункером де Кастри.

- Как муравьи, – проворчал пилот.

Генералу Коньи не понравилось это сравнение. Ведь эти солдаты очень упорно работали не только, чтобы спасти свою жизнь под землей, но ради того, чтобы выйти на удобные позиции для прыжка к горлу их врага. Коньи восхищался их решительностью. Слишком долго этих людей недооценивали.

Он бросил еще один взгляд на построенные французскими солдатами в Дьенбьенфу блиндажи и окопы – даже поверхностный осмотр показывал, что удобство при рытье окопов сейчас мстило за себя под безжалостным арт-огнем противника. Мстило погибшими и ранеными, которых Коньи даже с такой высоты мог увидеть лежащими рядами на размокшей земле.

Он узнал, что в Дьенбьенфу уже нет дерева для гробов. С тех пор как вывоз погибших самолетами стал слишком рискованным, их хоронили прямо здесь завернутыми в брезент от палаток. Ряды тяжелораненых в лазарете по указаниям главного врача ежечасно осматривались в поисках умерших, а также неизлечимых, которых с помощью морфия избавляли от дальнейших земных страданий.

Генерал Коньи был достаточно умен, чтобы знать, что это совсем не та война, которую преподают профессора военной академии Сен-Сир. Нет, это революция, восстание всего народа. Тут не имеют никакого значения старые представления, привычные масштабы. Вьетнамцев уже ничто не могло отвлекать от идеи самостоятельности и независимости. Может быть, причиной даже были идеи Французской революции, которые здесь так быстро стали своими? Чем в таком случае смогут помочь танки, артиллерия, напалм?

- Летите назад, – приказал он пилоту.

Если бы Коньи мог узнать содержание обращения, переданного главнокомандующим Народной армией генералом Во Нгуен Зиапом своим войскам, он лучше понял бы ту силу духа, которая вдохновляла солдат, рывших бесчисленные траншеи. Зиап писал: – Уже долгое время противник все еще старался обмануть мировое общественное мнение в отношении происходящих у нас событий. Но ему это уже не удастся. Таким образом, противник признал, что если над укреплениями Дьенбьенфу поднимется знамя Демократической республики Вьетнам, то в положении Индокитая произойдут огромные изменения, которые окажут влияние на всю Юго-Восточную Азию...»

Не было сомнений, что люди с красными жестяными звездочками на тропических шлемах были полны решимости добиться именно этих изменений. Кто же теперь смог бы их остановить?

Коньи приказал побыстрее десантировать оставшиеся подразделения обоих парашютных батальонов, сбрасывать новые орудия, пулеметы, боеприпасы и провиант над заблокированной крепостью. И днем, и ночью.

Он наседал на Наварра, пока тот не пообещал ему добиться поддержки у 7-го флота США, который выделил бы дополнительные самолеты, способные при любой погоде, за исключением очень низкой облачности, бомбить и поливать напалмом горы вокруг Дьенбьенфу.

Ночи над крепостью освещались зеленым светом осветительных бомб, сбрасываемых с пролетавших на большой высоте «Дакот». Но все равно – снаряды Вьетминя по-прежнему взрывались на территории крепости.

- Избавьте меня от нее! – выругался Коньи, когда в Ханое ему сообщили, что Поль Буржад, «секретарша» полковника де Кастри хочет встретиться с ним и поговорить об ее дальнейшем использовании. – Я не хочу ее видеть! Отправьте ее в Сайгон, к Наварру. Пусть ему жалуется. Не я придумал эту Дьенбьенфу, в которой сейчас маринуется ее миленок! Это был Наварр, так что пускай он с ней и разбирается!

ОПЕРАЦИЯ «ГРИФ»

- Не будем ходить вокруг да около, – сказал министр обороны Плевен начальнику Генерального штаба Полю Эли. – «Габриель» и «Беатрис» пали так быстро, что у де Кастри не было времени даже подумать об «Анн-Мари», которую атаковали следующей.

Он задумчиво посмотрел на карту, показывающую укрепления Дьенбьенфу. Около него молча стоял начальник Генштаба, все еще не преодолевший свой шок.

Плевен был в ярости. Он чувствовал, что его опасения, которые он до сего дня скрывал от военных, сейчас сбываются. Крепость не сможет отразить решительный штурм вьетнамцев. Плевен следил за всеми поступающими сведениями. Он знал, что разбиты уже два батальона, запасы боеприпасов тают так же быстро, как и запасы топлива. А после разрушения главной ВПП пополнить их путем сброса на парашютах уже не удастся. Уже сегодня больше половины сбрасываемых грузов либо попадает на ничейную землю, либо достается вьетнамцам, потому что пилоты боятся зенитного огня и сбрасывают грузы с большой высоты, не в силах обеспечить нужную точность.

Министр знал и численность личного состава в Индокитае. Наварр еще сможет забрать один или два батальона с других мест дислокации, но даже если он немедленно перебросит их в Дьенбьенфу, это уже не сможет переломить ход событий.

Плевен рассматривал фотографии, доставленные из крепости. Его не покидало неприятное чувство, что однажды ему придется ответить за то, что там происходит: погибшие неделями не могут быть похоронены из-за беспокоящего огня противника, раненые рядами лежат в грязи, прикрытые от дождя лишь брезентом от палаток, и умирают один за другим. Все больше орудий выходят из строя, половина танков уже не боеспособна. Слово «хаос» было бы очень мягким для обозначения того, что творилось в котле Дьенбьенфу.

- Мы сделали ошибку, поддавшись на иллюзии Наварра, – сказал он. Затем предложил Эли сесть и сам уселся в кресло у своего письменного стола.

Начальник Генерального штаба был не только знаком с коварством войны в Индокитае, он хорошо ориентировался и в том, что касалось личностей служивших там командиров. Наварр не принадлежал к числу его любимчиков. Эли даже незаметно попытался не допустить его назначения в Сайгон, но ему этого не удалось. Похоже, теперь он потребовался Плевену, чтобы спасти то, что еще можно спасти. А имеет ли это смысл?

Он заговорил в первый раз с того момента, как Плевен принял его: – Вы думаете об отзыве Наварра, господин министр?

- Нет, Плевен не хотел, чтобы Наварр так легко отделался. Пусть расхлебывает кашу, которую сам заварил.

- Я думаю совсем о другом, – объяснил он сдержанному Эли, дипломатические способности которого он так высоко ценил. Но сначала он взял с Эли слово, что тот никому не скажет ни слова о том, что будет обсуждаться сейчас в кабинете министра. – Вы припоминаете последние дебаты в парламенте по вопросу Индокитая?

- Очень хорошо помню, – ответил Эли. – Это тогда этот радикально-социалистический депутат Мендес-Франс прямо обвинил правительство в том, что оно постепенно продает Индокитай американцам. Он говорил о военных поставках, получаемых нами в кредит, и о миссии связи США во Вьетнаме...

Плевен кивнул. – Противоречивый человек. Выступает против де Голля, но во всем, что касается сотрудничества Франции и США стоит на таких запутанных позициях, что его самого можно посчитать голлистом. В Европе он за, в Индокитае – против...

Эли заметил: – При этом, конечно, он высказал те же опасения, которые разделяет и значительная часть наших собственных командиров в Индокитае!

- Я знаю. Мендес-Франс не только противоречивый человек. Он политик с превосходным политическим чутьем. Он буквально унюхивает подсознательные настроения людей, которые почти никогда не высказываются открыто. Вот тут мы дошли до момента, касающегося лично вас, Эли. Я посылаю вас в Америку. Вы уже знакомы с адмиралом Артуром Рэдфордом, с которым у вас назначена встреча, председателем Объединенного комитета начальников штабов. Влиятельный человек. Многолетний сотрудник американского главнокомандующего в Корее Дугласа Макартура. Это он обещал поддерживать нас в Индокитае до последнего. Но при этом в собственных правительственных кругах он сталкивается с опасениями, что полномасштабное американское вмешательство сможет спровоцировать вступление китайцев в войну в Индокитае, как это было в Корее...

- Мне знаком этот аргумент, – заметил Эли. – Я считаю его неправильным.

- Поэтому я отправляю вас в Вашингтон, друг мой, – ответил Плевен. – Вы – тот человек в наших кругах, который не связывает с решительно возросшей американской помощью опасения того, что Франция потеряет свои колонии в Индокитае в пользу США. Я думаю, это база, на которой можно вести переговоры с адмиралом Рэдфордом об увеличении такой помощи.

- И что, господин министр, вы понимаете под решительным увеличением?

Плевен не торопился с ответом. Но затем решился на полную откровенность: – Все, Эли. Мы потеряем Дьенбьенфу, а с нею и весь Индокитай, если не вмешаются американцы. Сами мы не справимся. А из-за серьезности положения я понимаю под решительным увеличением помощи не только самолеты и боеприпасы. Я имею в виду транспорты с войсками, артиллерию, парашютистов, бомбардировщики В-29. Вплоть до атомной бомбы по тыловым областям Хо Ши Мина!

Поль Эли не в первый раз отправлялся на другой берег Атлантики. Со времени его последнего полета прошла лишь пара месяцев. Тогда он консультировался с Рэдфордом, следует ли бояться вмешательства Китая, если в Дьенбьенфу действительно произойдет решающая битва, в которой Вьетминю переломают хребет.

Рэдфорд успокаивал его. Не было ни малейших признаков, что китайцы готовы напрямую вмешаться в конфликт.

Рэдфорд тогда не сказал, что он считает очень опасной затеей саму идею устроить генеральное сражение в котле окруженной горами долины, удаленной от всех тыловых центров. Начиная с президента и до начальников штабов видов вооруженных сил, все были едины во мнении, что французам нужно будет пойти на уступки. Поэтому следует подождать. А потом, естественно, придет время США.

«Констеллейшн» был наполовину пуст. Чтобы не привлекать излишнего внимания, Эли летел на обычном рейсовом самолете. Единственной льготой было то, что ему предоставили место в салоне первого класса, где кроме него был лишь один пассажир – американский кинопродюсер. Продюсер читал все газеты подряд, пока в буквальном смысле слова не уснул, опустив голову на первую страницу «Таймс».

В Вашингтоне адмирал Рэдфорд, широкоплечий великан, с рыжими волосами, вырывающимся из-под морской фуражки, встретил своего французского гостя уже на взлетном поле. Адмирал, один из тех военных, которые никогда не упускают случая показать свою власть, дал своему адъютанту бумаги француза и приказал: – Займитесь!

Затем он провел Эли через VIP-терминал, причем успел сообщить, что в баре этого зала ожидания для важных лиц хоть и есть коньяк, но не настоящий французский. А французский был уже приготовлен для гостя в служебном кабинете адмирала.

Рэдфорд был ближайшим доверенным лицом генерала Макартура до смещения последнего. Он командовал 7-м флотом США и был неофициальным советником президента Эйзенхауэра по вопросам, касающимся Азии. Именно он еще два года назад предсказывал Эйзенхауэру, что французы не смогут удержаться в Индокитае. Из этой оценки возникли первые выводы касательно поведения США в складывающейся там обстановке. Была продумана трезвая стратегия, предусматривающая уход французов из северной части Вьетнама, которую оставят во власти Вьетмина, а вот богатый Юг Вьетнама должны были взять в свои руки США. Либо по частям, в качестве оплаты за военную помощь или как в военном и политическом смысле «ничейную землю», когда французы выкинут белый флаг. В любом случае, и Эли не мог этого почувствовать, роли в этой игре были распределены заранее. Француз не разглядел эту тактику.

- Итак, – сказал Рэдфорд, когда они, наконец, разместились в уютном кабинете адмирала с заранее приготовленным коньком, – мне не нужно вам напоминать, что я сторонник радикальных решений. Если бы дело касалось меня одного, я бы и в Корее расправился бы с китайским вмешательством с помощью пары атомных бомб на Манчжурию и тотальной блокады китайских портов. Но президент принял иное решение. Что же касается Индокитая, мой дорогой Эли, то мое мнение вам известно: «Каждое отступление означает успех коммунизма и принесет неисчислимые беды свободному миру». Мы очень высоко оцениваем то, что делают французы в Индокитае. Когда Америка была вынуждена из-за противостояния мирового общественного мнения пойти в Корее на гнилой компромисс, вместо того, чтобы всеми силами защищать свое дело, в наших военных кругах укрепилась готовность рассматривать нашу кампанию Франции в Индокитае как поддержку наших соб-

ственных усилий в Азии. Это значит, что мы можем помочь вам любым образом. Перейдем к делу без промедления. Где и как мы должны вмешаться?

22 марта Эли нанес несколько частных визитов в Вашингтоне, заполнивших всю первую половину дня. Он не знал, что в это же время адмирал Рэдфорд консультировался с президентом Эйзенхауэром. Встречу с Эли президент назначил на вечер. За оставшееся до встречи время Рэдфорд объяснял Эйзенхауэру: – Они хотят практически все, мистер президент. Орудия, танки, боеприпасы, солдат. У них уже силы на исходе. Мы должны послать самолеты и бомбы, напалм, весь арсенал!

Эйзенхауэр задумался. Ситуация достигала апогея, несомненно. А французы совсем ослабли и стали податливыми.

- Солдаты? – спросил Эйзенхауэр с сомнением в голосе.

Тот спокойно кивнул: – Я не думаю, что нам следует изменить свою позицию, что касается этого момента. Как бы то ни было – нужна гибкость. Этот человек прибыл по поручению министерства обороны...

Эйзенхауэр, еще не совсем здоровый и склонный в последнее время к жесткому цинизму, когда речь заходила об ошибках военных союзников, недружелюбно прорычал: – Полная чепуха – отправить большую часть своего экспедиционного корпуса в окруженный горами котел и ждать там нападения врага! Я еще много месяцев предсказывал, что враг придет! И будет стрелять со всех холмов. Но этот посол месье Бонне заверил меня, что Наварр как раз и ищет такого сражения. Вот, теперь он его получил. Прошло всего двадцать четыре часа, и вся уверенность французов в своей победе улетучилась ко всем чертям! Новички!

Когда президент немного успокоился, Рэдфорд заметил: – Мистер президент, среди нашего народа есть определенные антикоммунистические течения. Достаточно вспомнить сенатора Маккарти... Это нужно учитывать!

- Ну, хорошо, учтем и это. Согласимся увеличить им помощь, это всегда хорошо действует на публику. Кроме того, избавимся от гор нашего металлолома. Но – есть ведь и другие течения, дорогой Рэдфорд. Как мы с ними справимся?

- Ими займется госсекретарь Даллес, – ответил Рэдфорд. – Тут все оговорено. Утром он встречается с Эли.

Эйзенхауэр подчеркнул: – Я хочу, чтобы создалось впечатление, что мы помогаем. При этом не нужно слишком раздражать китайцев. И Советы тоже. А у Даллеса должны быть совершенно свободные руки, чтобы воспользоваться любым шансом, который откроется для нас после этой неизбежной Женев-

ской конференции. Мы возьмем в свои руки французское наследство, не выкручивая руки французам. Так должно будет все это выглядеть. И, Рэдфорд, имейте в виду: Дьенбьенфу вскоре исчезнет с первых страниц газет. И тогда нам будет выгоднее, чтобы с нашей стороны не последовало ничего такого, что попало бы на первые полосы. Надолго. Мы поняли друг друга?

Когда через пару часов президент принял полного надежд Эли, он сначала терпеливо выслушал все, что было у француза на сердце. Затем вызвал к себе Рэдфорда и в присутствии Эли поручил ему увеличить военнотехническую помощь, поставки техники, оружия и провианта, в том числе разборных орудий, а также значительно расширить предлагаемые услуги авиатранспорта, «до желаемой нашими французскими союзниками границы».

Наконец он проронил пару слов о борьбе с коммунизмом во всем мире, в которой Франция играет сейчас решающую роль, и похвалил французского солдата, защищающего в Дьенбьенфу интересы свободного мира.

Сам Эли, знакомый со статистикой о личном составе экспедиционного корпуса, с определенной иронией думал о том, что наряду с французскими колониальными частями очень большую часть солдат в Дьенбьенфу составляют войска Иностранного легиона, перекаати-поле со всей Европы. Эли было знакомо и количество французских солдат в Индокитае, воевавших в немецкой дивизии Ваффен-СС «Шарлемань» («Карл Великий») или входивших во внутренний «Легион французских добровольцев против большевизма». Для мистера Джозефа Маккарти это, возможно, могло бы стать даже рекомендацией. Но напоминать об этом Эйзенхауэру, воевавшему против немцев, вряд ли стоило. В любом случае, француз покинул Белый дом в хорошем настроении. Он не догадался, что его подвергли «контрастному душу». Не догадался и на следующее утро, когда его принимал министр иностранных дел Джон Фостер Даллес.

Если Эйзенхауэру удалось изобразить на лице радостную улыбку, делая гостю ничего не стоящие обещания, то госсекретарь Даллес, напротив, сделал все, чтобы француз понял, что в его лице имеет дело с ворчливым, желающим поскорее отделаться от надоедливого посетителя чиновником.

Он уставился на француза сквозь стекла очков, и в ходе разговора дал ему понять, что ему совершенно все равно, что происходит в котловине Дьенбьенфу. Закончил он замечанием: – Вы мне очень помогли понять эти сложные проблемы, месье Эли...

Затем он прочел французу длинную лекцию о том, что в Соединенных Штатах после неудачной войны в Корее нет большого воодушевления по поводу французской войны во Вьетнаме. Даллес не врал, это действительно было так. Он напомнил, что колониальные войны сталкиваются с все большим

неприятием общественности во всем мире. Поэтому он со своей стороны может лишь посоветовать Франции закончить ту войну, предоставив бывшим колониям определенную независимость. Если будет принято иное решение, то мировая общественность еще сильнее будет настроена против Франции, а это ни к чему хорошему не приведет.

Когда Даллес заметил, что Эли смущен, он как бы смягчился и сообщил, что совсем иначе было бы положение, если китайцы или русские напрямую вмешались бы в конфликт. В таком случае американское вмешательство было бы более чем вероятным. Так что, хотя он чувствует с Францией внутреннюю солидарность, внешняя политика – дело жесткое. Поэтому он просит простить его за то, что он говорил так откровенно.

Эли воспользовался паузой в словоизлияниях американца, чтобы вежливо распрощаться.

Он еще не покинул министерство, как Даллес позвонил Рэдфорду: – Займитесь им дальше!

Председатель Объединенного комитета начальников штабов не терял времени. Как только Эли вернулся в свой «люкс», он нашел там записку: завтра, 25 марта, вас ждут с визитом в Пентагоне. Конкретных предложений по военной поддержке на столе не было.

- Генеральный штаб ВВС только что получил разрешение на отправку наших С-119 для сбрасывания напалма на осаждающих Дьенбьенфу вьетнамцев. Как вы знаете, каждый самолет такого класса может взять до 6 тонн этой зажигательной смеси. Это должна быть довольно существенная помощь...

Рэдфорд не отметил, что этот напалм был из остатков времен Корейской войны. Срок его годности истекал, а Франции пришлось платить за него долларами по полной стоимости. Но еще перед тем, как начальник французского Генштаба поблагодарил его, сделал еще одно предложение: – месье Эли, вы знаете, что наше стратегическое авиационное командование разместило на авиабазе Кларк-Филд на Филиппинах достаточно много бомбардировщиков В-29. ВВС смогли бы совершать ковровые бомбардировки тыловых областей Вьетминя в достаточно напряженном темпе. ВМС могут предоставить около трехсот истребителей с авианосцев для сопровождения бомбардировщиков. Кроме того, с нашей стороны рассматривается и возможность использования того, что политики называют «большой дубинкой»...

Таким эвфемизмом обозначалась атомная бомба. Эли слушал с все большим вниманием. Смогли бы военные преодолеть возражения политиков? Когда Рэдфорд замолчал в ожидании и вопросительно взглянул на него, француз осторожно спросил: – Стоит ли за этим предложением и правительство США?

Рэдфорд увернулся от прямого ответа так умело, что у Эли не возникло никаких подозрений. Он сказал: – Для проведения этой акции, которую мы назвали операцией «VULTURE» («Гриф»), необходимо лишь, чтобы французское правительство обратилось к нам с официальной просьбой.

Начальник Генерального штаба поторопился вернуться в Париж с этим очень радостным известием. Перед комиссией из министров и военных он доложил о нем. Против ожидания, Эли столкнулся с осторожной и сдержанной реакцией.

Многим из присутствующих показалось неумным создавать «свершившиеся факты», сбросив атомную бомбу на Вьетнам перед самой мирной конференцией по Индокитаю. Другие, напротив, опасались, что Дьенбьенфу будет потеряна, если не нанести превентивный удар по противнику. Обсуждение закончилось, однако, предложенным Плевеном компромиссом. Перед решением об официальной просьбе к США нужно получить мнение главнокомандующего Наварра.

Личный секретарь Поля Эли, полковник Раймон Броон, немедленно вылетел во Вьетнам. Он был доволен, что хоть на пару дней вырвался из дьявольского котла Парижа, где одна антивоенная демонстрация сменяла другую, где представители студентов, рабочих, женских организаций все громче требовали прекращения грязной войны в Индокитае.

В Сайгоне полковник, прибывший с важной миссией, узнал, что Наварр сейчас находится в Ханое. Он сел на первый же самолет и через два часа оказался в метрополии Тонкина, где как раз произошел очень жесткий спор между Наварром и Коньи. Коньи в глаза сказал Наварру, что то, что главнокомандующий устроил в Дьенбьенфу, было полнейшим бредом, на что Наварр ответил ему пощечиной.

Постепенно накапливающаяся взаимная неприязнь двух самых высокопоставленных французских офицеров в Индокитае вылилась в этот столь резкий взрыв, потому что Коньи получил из Дьенбьенфу ужасное сообщение, которое Наварр отбросил как маловажное. Наварр все еще жил в мире иллюзий, о которых практик Коньи говорил, что они пахивают шизофренией.

За сутки до того подразделения Вьетминя провели первые атаки против обоих укрепленных пунктов – «Элиан» и «Доминик» на восточном фланге, и некоторые форты внутри обеих важных укрепленных систем были захвачены вьетнамцами. Коньи понял, что атаки Вьетминя направлены на то, чтобы полностью взять под свой контроль левый берег реки Нам-Юм. «Элиан» и «Доминик» были самыми мощными укреплениями на этой обращенной к востоку стороне крепости. Если они падут, противник получит по всему берегу свободное поле для обстрела центральных укреплений. Поэтому Коньи, ко-

торый в определенной мере уже разгадал суть тактики Вьетминя, стремившегося разбить систему обороны крепости по кускам, предчувствовал неотвратимое поражение. И он не скрыл это свое мнение, докладывая Наварру о ситуации.

Наварр просто отмел опасения Коньи, сказав: – Никакой паники! Что такого произошло? С «Доминик» и «Элиан» дезертировали пара взводов плохо управляемых марокканцев и алжирцев и позволили врагу легко добиться некоторых успехов. Как можно представлять это как катастрофу!

Коньи буквально закричал в ответ, что эта оценка настолько глупа, что он не хотел бы служить под началом командира, который высказывает что-то подобное.

Как раз в ходе этого спора внезапно появился полковник Броон. Без долгих проволочек он сразу огласил Наварру запрос из Парижа, считает ли он необходимым и целесообразным попросить американцев о решающей помощи. Что означала операция «Гриф» Броон объяснил в деталях: атомные удары по тыловым областям Вьетминя и по концентрациям их войск севернее и восточнее долины, на безопасном для окруженных французских войск расстоянии.

Коньи покачал головой и вышел из кабинета. Наварр был в ужасе. Он оказался перед лицом сложнейшего решения. Ясно, что за все, что произойдет потом, политики сделают козлом отпущения именно военного. Ему придется принять основное решение, и он же окажется потом во всем виноватым. Наварр не догадывался о той хитрой игре, которую начало американское правительство. Тем не менее, он отверг американское вмешательство в том виде, в каком описал его Броон. Наварр почувствовал, что стоит ему дать согласие, как ему тут же придется поделиться своей властью главнокомандующего с американским партнером. У него были другие идеи, и он живо описывал полковнику Броону, почему американская помощь под кодовым названием «Гриф» излишня.

На карте он показал посланнику Парижа длинные пути подвоза Вьетминя и постоянно напоминал, что у вьетнамцев нет ни одного самолета, а число грузовиков очень ограничено. Поэтому транспорт они осуществляют только с помощью колонн носильщиков. – Вот наш козырь, – сказал он со значением. – В области тут наверху очень скоро начнется сезон дождей. Когда пойдут ливни, каждая тропа превратится в поток жидкой грязи, не будет никаких дорог. Ничего нельзя будет подвезти. В этой ситуации мы просто загоним этих парней назад в горы. Да что я говорю – они поползут туда на четвереньках!

- Вы полагаете, что справитесь с этим сами? – поинтересовался Броон.

Главнокомандующий ответил утвердительно. – Нам нужно продержаться лишь пару дней. Пока не начнется дождь. Потом Вьетминю придется сдаться!

Броон был в замешательстве. У него в голове еще звучали слова, долетевшие до Парижа из Вьетнама: – Наварр ничего не ожидал с большим нетерпением, чем атаки противника под Дьенбьенфу. Теперь противник добрался туда, и тот же Наварр уже надеется на дожди...

- Мы поможем себе сами, – заверил главнокомандующий парижского гостя. – Вы знаете о твердом диоксиде углерода?

Об этом веществе у Броона были очень расплывчатые представления, Наварр тут же предложил ему отправиться с ним на аэродром в Гиа-Ламе. Там он показал полковнику на баки на колесиках, которые прямо тут крепились под крыльями старых «Дакот».

Наварр указал на небо, затянутое грязно-серыми облаками и сказал: – Вот он, дождь. Но он еще не идет. А мы ему поможем. Наши самолеты распылят так называемый сухой лед, имеющий температуру 78 градусов ниже нуля, над муссонными облаками вокруг Дьенбьенфу. Ученые доказали, что обработка облачных масс твердым CO₂ приведет к моментальному непрерывному дождю. Мы используем против Вьетминя науку. Что они смогут сделать против этого? Просто захлебнутся в своих норах, как крысы... Нет, я отказываюсь в любой форме от американских B-29 и всего, что они там смогут сбросить. Я сам могу сбросить кое-что более эффективное!

В воскресенье 4 апреля 1954 года полковник Броон вернулся в Париж с этим посланием Наварра. В аэропорту его встретил автомобиль Эли и привез сразу к нему домой. Начальник Генерального штаба был очень удивлен странной прихотью с сухим льдом и как раз собрался узнать об этом поподробнее, когда вошел адъютант со срочной телеграммой Наварра из Ханоя. Эли не поверил своим глазам, когда прочел расшифрованный текст: – При условии, что она произойдет немедленно – я повторяю – немедленно, я в связи с новейшим изменением ситуации считаю операцию, о которой сообщил мне полковник Броон, единственно эффективной.

Эли передал телеграмму Броону. Тот прочел ее, обескуражено покачал головой по поводу странного изменения мнения Наварра и, заикаясь, произнес: – Я... ничего не понимаю...

- Я тоже! – прорычал Эли. Затем он приказал адъютанту: – Немедленно отправляйтесь на узел радиосвязи. Свяжитесь с Ханоем. Мы хотим немедленно знать, что произошло в крепости!

Через час они получили сообщения де Кастри, отправленные им в адрес Коньи. Оба укрепленных пункта – «Элиан» и «Доминик» подверглись за про-

шедшие ночи новым атакам. За исключением нескольких очагов сопротивления западнее дороги из Туан-Гиао оба форта пали. Теперь Вьетминь полностью контролировал левый берег реки и располагал свободным полем для обстрела центральных укреплений, отделенных от него лишь на 1500 метров. Но мало того – за последнюю ночь была атакована и «Югетт», система из нескольких укреплений у большой взлетной полосы. Северные и западные укрепления уже потеряны. Потеряна и северная часть ВПП. Теперь даже сброс предметов снабжения с парашютов над центральными укреплениями стал смертельным риском, потому что подлет самолетов мог осуществляться только с северо-запада, а там уже стояли прославившиеся своей точностью зенитки Вьетминя.

- Первый акт конца? – Эли вопросительно посмотрел на своего секретаря Броона. Тот в ответ лишь пожал плечами.

Уже вечером совет министров собрался на кризисное заседание. За час до полуночи в резиденцию премьер-министра пригласили американского посла в Париже Дугласа Диллона и попросили его незамедлительно передать своему правительству просьбу правительства Французской республики о немедленном начале операции «Гриф».

Анри Бонне, французский посол в Вашингтоне, тоже получивший по радио срочные инструкции, направился к министру иностранных дел США Джону Фостеру Даллесу.

В этот момент президент Эйзенхауэр еще консультировался с начальниками штабов трех видов вооруженных сил. Рэдфорд держался на заднем плане. Генерал Мэттью Риджуэй, начальник штаба сухопутных войск, последний главнокомандующий американскими войсками в Корее, недвусмысленно высказался против американского вмешательства в войну во Вьетнаме. Он не придавал значения общественному мнению, настроенному против этой акции, тем не менее, его приговор был резко отрицательным: – Господин президент, после проверки всех деталей я пришел к выводу, что даже комбинированный удар военно-воздушных и военно-морских сил не сможет переломить ситуацию в этом регионе. Это было бы возможно в лучшем случае при массовом использовании пехоты. А для этого в данный момент нет никаких предпосылок!

Эйзенхауэр учел это. Его продуманное еще до этой встречи решение было четким. Вьетнам почти автоматически станет трофеем США, нужно лишь выждать, пока французы там совсем обессилеют.

Президент отклонил просьбу французского правительства: – Мы научились в Корее, что для сухопутной войны в Азии нужны совершенно другие условия, чем те, которые сейчас мы наблюдаем во Вьетнаме. Благодарю вас, господа!

Джон Фостер Даллес заставил французского посла ждать, пока сам не получил сигнал от президента Эйзенхауэра. Потом он попросил Анри Бонне войти и пространно проинформировал его, что правительство США очень сожалеет, но, по связанным с нашими договорными обязательствами причинам, вооруженные силы США смогут перейти к активным действиям в регионе, о котором идет речь, только совместно с другими антикоммунистическими государствами региона, например, Таиландом, Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией и Великобританией. Но согласие свое дал пока только Таиланд. Этого недостаточно. Прежде всего, Великобритания отвергает любое вмешательство. Это имеет большое значение и в ином контексте, о чем сейчас будет сказано отдельно.

Даллесу доставляло особое удовольствие процитировать Уинстона Черчилля и тем самым, как и было задумано, в некоторой степени отвлечь гнев французов от США в сторону Лондона. Как уже знает месье Бонне, в 1943 году было заключено неформальное, но обязательное для выполнения соглашение между Рузвельтом и Черчиллем по вопросу использования атомной бомбы. По этой договоренности, ни американцы, ни англичане не могут принимать решение об использовании атомного оружия самочинно, не спросив согласия своего партнера.

- А мистер Черчилль, – сообщил Даллес своему французскому гостю, – дал нам понять, что он никоим образом не собирается отправлять британские войска в Индокитай сражаться там за французские интересы. У Великобритании достаточно своих забот. Об его согласии на использование атомной бомбы перед Женевской конференцией не может быть и речи...

Соединенные Штаты долго избегали такой конференции, которая должна была послужить восстановлению мира в Корее и в Индокитае. Начиная с лета 1951 года, когда военные неудачи принудили американцев пойти на переговоры о прекращении огня в Корее. Советский Союз настаивал на соглашении четырех великих держав об окончательном урегулировании конфликтов на обоих театрах войны в Азии. Сейчас, по прошествии более чем двух с половиной лет США перед лицом возросшей международной поддержки идеи такой конференции уже не могли отказываться от переговоров.

Таким образом, в январе 1954 года на проходившей в Берлине встрече министров иностранных дел великих держав Даллес нехотя согласился решить азиатские проблемы на конференции, которая должна была начаться 26 апреля 1954 года. На внутреннем уровне было уже решено, что США будут в ней участвовать лишь «в функции советника», но было ясно, что сама такая встреча будет означать неудачу для дальнейших американских планов в Азии. Уже поэтому выражение его лица не выражало радость, когда Даллес сейчас напомнил французам об этом.

Анри Бонне, дипломат до мозга костей, несмотря на все это, не позабыл при прощании поблагодарить Даллеса. Когда он составлял в своем посольстве телеграмму в Париж о том, что операция «Гриф» не состоится, в голове у него мелькнула мысль, что до начала Женевской конференции осталось лишь три недели.

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ

- Это будет длительная траншейная война, если я тебя правильно понял?

Маленький, непоседливый профессор Тунг, начальник медицинской службы Народной армии, сидел на пустом снаряжном ящике с французской надписью, оставшемся от попавшей не по адресу французской авиапоставки. Он очень устал, но старался не показывать этого. Грязь въелась в его униформу, в лицо и руки. Иногда, когда ему нужно было делать операцию, он мыл руки только до локтей. Несмотря на дожди, воды решительно не хватало. Не было и мыла.

Напротив доктора сидел генерал Зиап, тоже уставший, тоже грязный, но бодрый, хотя за последние ночи он сумел поспать лишь пару часов. Главкомандующий Народной армией долго и внимательно рассматривал своего коллегу по учебу, с которым сдружился еще в молодости. Вместе они еще тогда занимались революционной борьбой. Потом спросил: – Ты совсем обессилел, брат, не так ли?

Если бы такое предположение высказал Тунгу чужой человек, он бы обиделся. Но на вопрос давнего друга он лишь примирительно ответил: – Не обессилел, нет. У меня еще есть силы. Мне просто нужно какое-то время передохнуть. Собраться. Мы получили груз пенициллина сегодня. Это сразу прогнало мою усталость.

- Каково положение с ранеными? – спросил главкомандующий. Тунг всегда отвечал со всей откровенностью

Но врач не торопился с ответом. Наступление еще не перешло ко второй фазе. Нужно ли подчеркивать трудности? Но он все-таки сделал это. Если начальник знает всю правду о положении вещей, это всегда хорошо. Вводить начальника в заблуждение – это признак тщеславия, а оно совсем не было свойственно этому врачу.

- У нас сотни раненых, – объяснил он. – Самые тяжелые остаются у нас лишь до наступления некоторой стабилизации. Как только их можно транспортировать, мы отправляем их в тыл. Кто из легкораненых может ходить, старается принимать участие в общих работах. Что-то вроде амбулаторного лече-

ния. И так, если ты хочешь знать, сможем ли мы принять раненых, которые поступят в ближайшие дни, то мой ответ – «да».

- Но? – главнокомандующий чувствовал, что его друг сказал не все, что лежало у него на сердце.

Тунг поднял вверх обе руки, улыбнулся и заметил: – Что толку нагружать тебя моими заботами. У тебя своих по горло!

- Может быть, я смогу помочь. Я могу отдать приказ...

- О том, чтобы не было больше раненых? Профессор вытащил из кармана галету и поделился ею с Зиапом. Пока оба жевали, медик спросил: – Можешь ли ты приказать, чтобы небо послало нам стальные каски?

- Я не могу приказывать чудесам.

- Вот видишь, поэтому я и не хотел обращаться к тебе с такими делами. Я знаю, что можно сделать, а что нет. В первый раз в нашей войне у нас такое непропорционально большое число ранений в голову. Поэтому и желание о стальных касках.

Зиап выслушал пояснения профессора. Большое количество ранений в голову было связано с особенностью сражения под Дьенбьенфу. За последние дни наступающие части Народной армии провели беспрецедентные по своему объему шанцевые работы. Переплетенные системы траншей достигли многокилометровой длины. Они подходили уже непосредственно к укреплениям противника. Частично они вообще превратились в туннели. Такая система приносила большие преимущества, потому что для атаки солдатам приходилось преодолевать всего пару десятков метров над землей, без прикрытия, и молниеносно врываться на французские позиции. С другой стороны, противник не мог не заметить этих работ, поэтому он сконцентрировал свой огонь на обстреле вьетнамских траншей. Результатом были обычно эти самые ранения в голову, потому что именно головы солдат не были защищены. В Народной армии было очень мало стальных касок, обычно трофейных, а тропический шлем, обтянутый маскировочной тканью, не мог защитить голову в достаточной степени.

- Есть дни, когда мне приходится лечить только ранения в голову, – сказал Тунг. – Но с нашими техническими возможностями очень тяжело оперировать головы! Не говоря уже о стерильности! С брезента моей операционной точно так как же льется дождевая вода, как и в любом другом нашем блиндаже.

- Я понял проблему, – высказался Зиап. Он задумался. В армии не было недостатка в мужестве, даже в готовности пожертвовать собой, если это приносило успех. Но в технике, в вооружении и оснащении она все еще сильно

уступала французам. Замечание Тунга следовало воспринимать очень серьезно, потому что противник и в дальнейшем будем концентрировать свой огонь на траншеях.

- Им нужно зарываться глубже, – решил главнокомандующий. – Я отдам об этом приказ всем командирам. Нам нужен не только каждый солдат для сражения, нам нужны наши мужчины для мирного строительства – после победы.

Медик задумчиво взглянул на него. – Ты уже не сомневаешься в нашей победе?

- А ты?

Тунг улыбнулся. – Ты же меня знаешь. Я никогда не был нытиком. Но я и не ура-патриот. Говорят, что я ворчлив. Так утверждала одна из моих медсестер.

- И? Ты действительно ворчлив?

Тунг пожал плечами. – Я сам не знаю. Я люблю людей. К сожалению, я уже давно вижу их в основном в виде полумертвых. Части людей. Разбитые кости. Кровавая плоть...

Главком положил ему руку на плечо. Он говорил тихо, будто боялся, что их может кто-то подслушать, кого этот разговор между друзьями не касался. – Я понимаю тебя, брат. Как ты думаешь, что я чувствую, когда стою в траншее? Недавно при мне они сожгли напалмом еще одного командира. Ксуана. Я знал его еще мальчишкой. И ты тоже. Мы вместе ловили кузнечиков. Когда мы его хоронили, его тело было таким же маленьким, как когда он был ребенком.

- Я знаю, как выглядят жертвы напалма.

- Конечно, ты знаешь. Ты доктор. Товарищ Хо Ши Мин был на похоронах. Он сказал, что если и можно что-то пообещать такому погибшему на похоронах, то лишь, что мы будем бороться так, чтобы эта война поскорее завершилась.

- После Дьенбьенфу она закончится?

Зиап помолчал. – Через пару недель в Женеве начинается конференция по Индокитаю. Товарищ Фам Ван Донг уже готовится к путешествию. А мы, стоя здесь, не можем сделать ничего лучше, как нанести французам такой удар, чтобы они поняли, что не смогут справиться с нами. Как только французы опустят оружие, мы сделаем то же самое.

- А американцы? Тунг отдирает с пальцев ног засохшие кусочки грязи. На ногах у него, как и у солдат, были лишь самодельные сандалии из старой французской шины.

Какое-то время он не получал ответа.

Потом Зиап медленно сказал: – Они помогают французам, пока те воюют. Если французы прекратят борьбу, американцам тоже придется сделать это.

- Ты их не недооцениваешь?

- Нет, нет, – ответил Зиап. – Я хорошо знаю, что они с удовольствием устроились бы здесь в Индокитае. Но – не думаешь ли ты, что им придется быть осторожными, если мы принудим французов уйти отсюда? Они почувствуют, что и их не ждет ничего, кроме поражения, даже если борьба продлится еще долгие годы...

Тунг задумчиво кивнул. Он уже познакомился со многими французами и знал, что среди них было немало людей, на чувства которых можно было воздействовать, напомнив, например, о Французской революции, подавшей однажды призывный сигнал всему миру. Но американцы были ему чужды. Люди из далекой страны, экономика которой получала доходы от войн во всех частях света, а среди их собственных домов уже почти сто лет не взрывался ни один снаряд. Нехотя он отбросил эти мысли. – Не будем зажигать новых огней, пока не погасли старые!

Зиап чувствовал, что этот общительный, любивший пошутить человек, руки которого так умело пользовались скальпелем, а голова была полна новых идей, страдает среди множества трупов, увиденных им за последние дни и ночи. Трупы людей, которым он при всем своем искусстве уже никак не мог помочь. Но главнокомандующий не сомневался ни одной секунды, что его старый друг своим делом так же ожесточенно борется за свободу, как и любой другой солдат здесь. Тон Тат Тунг вырос с революцией, как и сам Зиап. Главнокомандующий больше думал о тактически умном использовании своих частей, о храбрости солдат, принуждавших противника отступить, в то время, как хирург лазарета размышлял о том, как спасти людей с ранениями в голову, срастить разбитые кости, ампутировать конечности, как он сталкивается со смертью, с гангреной, с ужасными ранами, как пытается сохранить искру жизни в истерзанных осколками телах. Сохранить на потом. Для семьи, ожидавшей своего отца или своего брата.

Зиапу было тяжело прощаться. Собственно, он хотел сообщить начальнику медицинской службы, что удалось захватить в качестве трофея ящик коньяка, предназначавшегося для штаба де Кастри. Ветром парашют с грузом принесло на вьетнамские позиции. Его следовало передать медицинской службе. Иногда глоточек мог бы помочь молодому парню, которому отрезают ногу

или руку. Пара минут внутреннего тепла для человека, уже ощущавшего холодную руку смерти или страх перед будущим. Но Зиап не мог сейчас говорить с Тунгом о коньяке. Врач сам лучше всего знает, как можно использовать алкоголь. Может быть, придется дезинфицировать им раны.

- Дружище, – сказал он, понимаясь, – не сердись на меня, что я не смог утешить тебя лучше. Ты знаешь, я не любитель красивых речей. Иногда я переживаю такие же часы, что и ты. Наша победа стоит немало слез. Нелегко знать все это. А теперь иди поспи пару часов. Он продолжил еще тише: – Сегодня ночью мы атакуем пять укреплений, названных французами «Доминик». У тебя будет много работы. Если я смогу тебе чем-то помочь, тут же дай мне знать. Он протянул врачу руку.

Уходя, он еще раз повернулся и добавил: – Каждый наш парень, которому ты спасешь жизнь, будет любить тебя как отца, всегда помни об этом!

Он бросил последний взгляд на хижину лазарета и на купол горы Пу-Фа, за которой лежала Дьенбьенфу, и ушел.

Придя в штаб, Зиап вызвал к себе Ван Тиен Дунга, занимавшегося планированием наступления, и сказал ему: – Ты должен перед атакой связаться со всеми нашими командирами. Как ты это сделаешь – твое дело. Все силы на углубление траншей! Копать на глубину не меньше двух с половиной метров!

- Это будет стоить много пота, – заметил Ван Тиен Дунг, человек с узкими, аскетическими чертами лица и коротко стриженной головой.

Главком согласился с ним: – Да, будет стоить много пота. Зато поможет сберечь кровь. Он увидел, что за спиной Ван Тиен Дунга появился солдат, показавшийся ему немного знакомым. – Что у этого на сердце?

- Это ответственный за фронтовую пропаганду, – представил его Ван Тиен Дунг.

Зиап вспомнил, что уже встречал его на другом участке фронта. Он пожал ему руку и спросил: – Что ты собираешься сделать здесь? Опять притащил технику, захваченную на французских складах?

- Технику и дикторов, товарищ главнокомандующий, – сообщил агитатор. – Вы должны дать нам свое личное разрешение, чтобы мы смогли попасть в передовые траншеи, иначе противник не сможет услышать наши голоса.

- С вами снова французы?

Агитатор перечислил: – Три француза, которые уже давно покончили с войной. Мы приняли их. Мужественные люди. Два алжирца и один немец тоже пришли к нам. И они не могли вынести эту войну.

Зиап задумался. В Народной армии уже были люди, входившие раньше во французский экспедиционный корпус, пока война им не опротивела. Французские власти официально разыскивали их как дезертиров. Но лишь немногие из них не просто элегантно вышли из войны, попав в плен. Они были готовы снова рискнуть жизнью, но в этот раз, чтобы поскорее закончить эту войну. Их не стоило подвергать ненужной опасности.

- Хорошо, – решил он, наконец. – Я разрешаю. Точные места определяют командиры на позициях. Но – никто из ваших людей не действует из окопов глубиной меньше двух с половиной метров. Понятно?

Когда агитатор подтвердил, что понял, Зиап добавил: – Передайте вашим людям мою глубокую признательность. Я очень хочу, чтобы им удалось спасти как можно больше своих земляков от смерти за французских колонизаторов. Кто придет к нам – о том позаботятся, будут лечить, если он ранен, с ним будут хорошо обращаться. А когда война окончится, он сможет вернуться домой. Если он опасается мести дома, он может остаться у нас.

Такое решение уже приняло правительство.

С последними лучами солнца вблизи лазарета появился старый человек на тяжело нагруженном велосипеде. Как и у всех остальных Дан-Конгов к рулю велосипеда была привязана длинная бамбуковая палка, что помогало ему лучше удерживать равновесие на такой перегруженной машине. Человек был седым, тощим как спичка, одетым в короткие черные штаны и куртку, которая болталась на нем, как на вешалке. Добравшись до сборного пункта, он уже качался от усталости, но, собравшись силами, смог громким голосом объявить: – Я Буй Дук из Тай-Нгуена! Я привез четыре полных мешка лекарств... И сразу после этого упал, прямо у своего велосипеда.

Профессор Тунг, выходя из лазарета, увидел старика. Он быстро подбежал к нему. Часто бывало так, что носильщики, желая как можно скорее доставить грузы, исстрачивали все свои силы и мгновенно засыпали в пункте прибытия. Тунг поднял руку старика, пощупал пульс, затем закричал: – Двух носильщиков, быстрее!

Старика отнесли под брезент. Медсестра расстегнула его куртку. Человек голодал, это было очевидно. Тунг знал, что поможет ему только лекарство от сердечных болезней. Но его не было. Поэтому он попробовал применить массаж. Ритмично профессор нажимал на грудную клетку, под которой совсем слабо билось сердце. Через несколько минут по его лбу покатился пот. Профессора сменила сестра, пока и она не закашлялась.

Когда Тунг приставил к груди старика трофейный французский стетоскоп, в блиндаже наступила полная тишина. Через минуту врач снял стетоскоп и опустил голову. Старый Буй Дук умер в конце своего пути.

Когда мертвого унесли, Тунг сказал своей все еще тяжело дышавшей медсестре: – Выйди на свежий воздух. Ты сделала все, что могла.

Позже он встретил ее снаружи, когда шел к себе в убежище, чтобы последовать совету Зиапа и поспать хоть пару часов. Девушку зовут Ба, вспомнил он. Прислал ее Тиен. Она из деревни муонгов, где-то на Черной реке. Ба еще недолго работала в лазарете, но была серьезной, не боялась никакой работы и быстро нашла общий язык с другими сестрами и санитарями. Тунг с удивлением заметил, как неподалеку от входа в пещеру, где размещались легкораненные, Ба целовалась с мужчиной во вьетнамской крестьянской одежде, который, однако, очевидно был не вьетнамцем, а европейцем.

Профессор не любил вмешиваться в личные дела своих сотрудников, особенно в дела любовные, хотя отношение к этой стороне жизни в Народной армии было иным, чем в гражданской жизни. Так что он, собственно, хотел незаметно проскользнуть мимо парочки, но девушка сама к нему обратилась, найдется ли у профессора минутка для нее.

Должна найтись, подумал он, не могу же я сказать ей нет? Хотя вряд ли с таким делом можно справиться за минуту, обычно такой разговор длится намного дольше.

Ба представила ему чужака: – Это мой муж Гастон, товарищ профессор.

- Ах, – удивился Тунг. Он подал мужчине руку, и пока они здоровались, Тунг заметил, что иностранец неплохо говорит по-вьетнамски.

- Вы француз? – спросил он. Хотя Тунг сам не курил, он всегда носил с собой сигареты, которыми обычно угощал клиентов во время перерывов. Теперь он предложил чужаку пачку. Тот с радостным удивлением поднял брови. Это были «Котаб», любимые сигареты Иностранного легиона, которые Гастону уже давно не доводилось курить.

- Спасибо. Кстати, моя фамилия Жанвилль.

- А что вы делаете здесь, месье Жанвилль? Вопрос прозвучал довольно резко.

Француз улыбнулся: – Я по пути на фронт. Просто хотел заскочить к моей жене.

- Фронт? Тунг взглянул на него удивленно. Человек был безоружен, нес через плечо сумку, в которой, возможно, было немного еды и бутылка с водой. Чем занимается француз в тылу Народной армии? И почему на фронт? В тот момент, когда профессор про себя размышлял над этими вопросами, он услышал слова девушки: – Гастон хочет попробовать убедить своих бывших товарищей на французской стороне прислушаться к голосу разума. Предложить им прекратить сопротивление.

Ну, конечно, агитатор, догадался Тунг. Он уже знал других французов, еще раньше решивших послужить Народной армии. Честные люди. На стороне противника были люди с самыми запутанными судьбами. Люди, спасавшиеся от преследований фашистов, и поэтому вступившие в Иностраннный легион, которые тут вдруг сами оказались карателями. Были прозревшие, были просто уставшие, те, кого замучила совесть. Были даже коммунисты, оказавшиеся во Вьетнаме. Для них была открыта дорога лишь к Вьетминю, потому что по своим убеждениям они были убежденными противниками колониализма. Интернационалисты. Кто знает, какой была судьба этого Гастона? Возможно, он был слишком недружелюбен к нему, а ведь он вполне заслужил мою дружбу. Хватит ли сигареты, чтобы выразить свое уважение? Он обратился к французам: – Вы идете на передовые позиции?

- Да.

- Вы были солдатом?

- Да. Тут профессор взял его за руку и со значением сказал: – Хорошо запомните, что я вам скажу. По нашим данным, на французской стороне есть снайперы, специализирующиеся на стрельбе по головам наших людей, когда те высовываются из траншей. Поэтому – всегда наклоняйте голову, если хотите не только выполнить задание, но и вернуться затем к своей жене!

- Я буду помнить об этом, профессор, – пообещал Жанвилль, перед тем, как ушел. – Спасибо! Он простился, затем попрощался с Ба и пообещал ей вернуться через пару дней.

- У вас есть дети? – спросил Тунг медсестру, когда мужчина ушел. Та покачала головой, но добавила: – Они будут. Позже.

Дождь лил как из ведра, когда Кенг вел Гастона Жанвилля вниз со склонов, туда, где проходила траншея, уже почти достигавшая самого дальнего на востоке укрепленного пункта «Элиан». На своих картах вьетнамцы обозначали это место как С-1.

Один холм из полудюжины других, которые все вместе составляли «Доминик».

Вода с восточных склонов стекала в долину. Кто не мог устроиться на скале, оказывался по лодыжку в грязи. Кенг быстро заметил, что француз, которого ему доверили, не был слабаком. Они лишь немного поговорили перед спуском, при этом Кенг удивился тому, что француз так хорошо знал местный язык. Гастон Жанвилль со смехом ответил: – Как мне может быть лень выучить язык своей жены!

Уже это многое сказало Кенгу. Один из тех француз, которыми не просто восхищаются из-за их позиции. Они становятся друзьями. Кенг отводил многих пленных – с ворчливыми, испуганными или наглыми лицами. У тех хотелось поскорее увидеть спину, а не лицо – уж больно хотелось съездить по нему кулаком! Этот Гастон вызывал совсем другое чувство. Человек, которому хватило мужества рисковать жизнью вместе с Народной армией ради скорейшего окончания этой войны.

Кенг позволил француз иди впереди, когда они залезли в траншею. Пока они двигались вперед, Кенг всегда постукивал пальцем по плечу Гастона, чтобы тот не забывал пригибаться.

С собой Гастон тащил мегафон, жестяную воронку, соединенную кабелем с батареей, которую он нес на спине. Надо было бы дать ему винтовку, подумал Кенг. Как ему защищаться, если мы напоремся на французский патруль. От того, что он сам француз, будет лишь хуже, если он достанется им живым.

Кенг обрадовался, когда они наткнулись на первых пехотинцев, сидевших согнувшись в траншее. В конце траншеи командир роты помог француз снять со спины батарею и установить мегафон в выемке на краю траншеи.

Стемнело, а дождь все еще не прекращался.

- Заработает эта штука? – поинтересовался Кенг.

Жанвилль пожал плечами, щелкнул выключателем и крикнул: – Товарищи!

Когда его слово вылетело из раструба мегафона громко и четко, он взглянул на Кенга, а затем продолжил: – Слушайте меня! Я Гастон Жанвилль, капитан армии, которого многие из вас знают как Гастона-шута! Почему вы обязательно хотите умереть? Почему не жить, как я? Вьетминь будет штурмовать Дьенбьенфу. Никто из вас не сможет этого предотвратить. Но многие из вас не доживут до конца. Поэтому заканчивайте! Сейчас, пока не поздно. Вьетминь до конца войны будет обращаться с вами как с военнопленными. Потом вы сможете вернуться домой. Товарищи, мне становится тяжело на душе, когда я думаю о вашем будущем. Воспользуйтесь темнотой и приходите сюда, к нам. Бросайте войну. Эта война не ваша. Вы отдаете свои жизни, а другие на этом зарабатывают. Осознайте это, наконец! Когда вы придете, я буду здесь. Я жив. Почему и не вы? Выходите из ваших нор, поднимайте руки и идите

сюда. Принимайте решение ради вашей жизни, пока не слишком поздно. Не позволяйте сжигать себя, станьте свободными людьми, товарищи! Свобода слаще «виногеля», который вас заставляют пить, чтобы лишиться разума...

Внезапно по команде в сторону диктора ударили сразу три французских пулемета. Пули впивались в мягкую от влаги землю или отскакивали от скал, создавая град искр, быстро гаснущих под дождем. Там, где лежал Гастон Жанвилль, взлетали ввысь камешки и куски грязи, поднятые очередями.

Потом снова наступила тишина. Но стоило опять зазвучать голосу Жанвилля, как стрельба повторилась. Французские командиры прекрасно знали, как мало в крепости осталось патронов, но еще больше они боялись, что слишком много их солдат последуют за голосом разума, звучащему из тьмы. Поэтому они приказывали вести огонь из всех стволов, чтобы слова агитатора нельзя было слышать.

Вблизи Жанвилля появился командир размещенной здесь роты. Он приказал Кенгу отходить назад вместе с французом.

- Есть перебежчики? – спросил Кенг.

- Несколько групп. Алжирцы и марокканцы.

- А почему нам тогда нужно прекратить агитировать их?

Командир показал на циферблат своих наручных часов и сказал: – Через десять минут наша артиллерия откроет огонь. Мы очень близко к противнику, а француза с мегафоном нельзя подвергать опасности. Такой у меня приказ.

- Пойдем, – подогнал Кенг Жанвилля. – Ты сделал все, что мог.

Когда де Кастри получил сообщение, что на опорных пунктах «Элиан» и «Доминик» некоторые группы прекратили сопротивление, ему с трудом удалось сдержать в себе вспышку гнева. Старый колониальный офицер привык к тому, что марокканцы и алжирцы как верные вассалы Франции служат так же послушно, как и собранные из десятка стран легионеры. Откуда взялось такое неожиданное упрямство? Неужели эти колониальные солдаты не вынесли тягот настоящего боя? Конечно, они привыкли действовать в качестве полицейских войск, когда один их вид иногда уже умирал недовольных. Может быть, они не смогли выдержать атак вражеской армии, тоже вооруженной пулеметами и артиллерией?

Де Кастри принял быстрое решение: оба восточных укрепленных пункта должны быть усилены личным составом. Если противник сможет захватить их внезапным ударом, то падение центральных укреплений, его собственного

командного бункера станет только вопросом нескольких дней. Поэтому он приказал перебросить две роты французских парашютистов, защищавших разветвленные укрепления «Югетт» возле главной ВПП, на левый берег реки Нам-Юм, для замены ненадежных африканских солдат на «Элиан» и «Доминик».

Парашютисты не успели даже перейти реку по мосту Муонг-Тан возле командного бункера де Кастри, как на вершинах «Элиан» и «Доминик» взорвались первые снаряды. Нет сомнения, Народная армия начала тут концентрированный обстрел, всегда предшествующий наступлению. Сломая голову парашютисты побежали к траншеям, чтобы достичь новых позиций. Но под влиянием огня, громившего укрепления, они продвигались все медленнее и осторожнее.

Де Кастри вбежал в радиопереговорную. Связь с Ханоем функционировала хорошо. На другом конце линии был Коньи. Он выслушал короткий доклад о происходящем в крепости. Потом, поняв, что это и было ожидавшееся наступление на укрепления на левом берегу реки Нам-Юм, он спросил де Кастри: – Насколько это действительно плохо, полковник?

- Очень плохо. Из колониальных войск дезертирует все больше людей. Мне сообщали даже о случаях ухода из подразделений Легиона.

- Мы пошлем еще два батальона, – решил Коньи, чтобы успокоить его. Он еще не знал, откуда он их возьмет, но чувствовал, что де Кастри нужно приободрить. Полковник напомнил Коньи: – Они могут спрыгивать только на правом берегу Нам-Юма. Лучше всего прямо над командным бункером, откуда я сейчас говорю.

- Ясно, – подтвердил Коньи. – Огонь очень сильный?

- Очень. Больше всего достается «Элиан» и «Доминик». Но в центр тоже попадают. Особенно по пушкам, которые там стоят.

- Проведите контратаки, – посоветовал Коньи. – Воспользуйтесь оставшимися танками. Разружьте планы Вьетминя. Если вы ограничитесь пассивной обороной, то проиграете. – Чем я могу помочь вам отсюда?

Де Кастри не напомнил генералу, что у танков не хватит топлива, чтобы провести эффективную контратаку. Вьетминь сжег большинство топливных складов уже давно, некоторые еще горели. Поэтому де Кастри потребовал самолетов. – Пришлите бомбардировщики! Нет смысла направлять маленькие истребители. Нам не нужна пара бортовых малокалиберных пушек, нам нужны тоны бомб и напалма на восточные склоны. Вьетнамской артиллерии до сих пор не удалось нанести серьезный ущерб. Ее нужно нейтрализовать, или

мы проиграем. Подожгите склоны, это единственный шанс. Напалм. Больше ничего уже не поможет...

Коньки тут же приказал поднять В-26, хотя пилоты ворчали, глядя на метеосводки. Над крепостью зависли густые дождевые тучи. Это означало, что цели трудно будет увидеть с большой высоты. А на малой высоте их поджидала смерть из стволов вьетнамских зениток.

Через полчаса В-26 уже были над крепостью. Они атаковали местность между горными склонами и укреплениями «Элиан» и «Доминик». Наступившая ночь ярко освещалась кострами напалма. Горящая смесь текла как лава из вулкана вниз по склонам. Если в это горящее месиво попадала фугасная бомба, то языки пламени понимались ввысь на сотни метров. Там, где бушевал напалм, где он находил свою цель, не было никакого спасения. Пораженные им буквально сгорали заживо. Битва становилась еще безжалостней, чем была когда-либо раньше.

Подступавшие к «Элиан» и «Доминик» парашютисты видели бежавших из фортов марокканцев и алжирцев. Хотя они бежали к ним навстречу, парашютисты их не останавливали. Этим займутся посты на мосту. Оттуда беглецов гнали назад. Но шок от артобстрела так въелся в них, что многие не подчинялись приказу возвращаться на старые позиции. Они искали защиты в кустарнике по берегу Нам-Юма. Здесь они вырыли норы, в которых и поселились. Дезертиры внутри собственных укреплений. Военных полицейских, попытавшихся их оттуда вытащить, они встретили автоматными очередями. Пропитание они получали из почти непрерывно сбрасываемых над центром крепости грузов с провиантом. Раз за разом к ним добирались девушки из бывшего фронтального борделя, которым надоело снова и снова перетаскивать раненых или копать могилы для погибших, которых больше нельзя было вывезти, так как самолеты уже не могли приземляться.

Не прошло и часа с начала атаки пехотинцев, как в штаб генерала Зиапа поступило сообщение, что взят первый форт укрепленного пункта «Доминик», холм под обозначением С-1. Еще через час пал форт Е-1, и, незадолго до полуночи, перед самым началом нового дня, 31 марта 1954 года, Народная армия взяла и командную высоту D-1.

За холм А-1, находившийся дальше на юг и входивший в укрепленную систему «Элиан» продолжались кровопролитные бои. Зиап предугадал, что враг не смирится так просто с потерей половины своих укреплений на левом берегу реки Нам-Юм. Нужно было ожидать контратак. Генерал заблаговременно подготовился к ним.

Артиллерия обстреливала центр крепости и позиции вражеских пушек. Зенитки мешали бомбардировщикам ввести прицельное бомбометание. Одно-

временно Зиап стянул резервы для пополнения потерь в частях, штурмовавших «Элиан» и «Доминик». Он еще раз напомнил своим командирам, что это наступление не дело одной ночи, а продлится много дней и ночей. Но бой, подчеркнул Зиап своему штабу уже после первого часа битвы, должен вестись гибко. В каждом отдельном случае нужно тщательно взвесить, стоит ли обязательно удерживать уже захваченную позицию ценой высоких потерь или лучше измотать противника, заставив его с боями многократно брать и снова оставлять одни и те же укрепления, чтобы для него захват территории был связан с большими и постоянными потерями.

Де Кастри не удалось разгадать эту тактику Вьетминя. Поэтому он не нашел и подходящий контрприем. Обе парашютные роты, которые он послал для усиления «Элиан» и «Доминик» должны были ликвидировать прорыв Вьетминя в систему укреплений. Дойдя до укреплений, они тут же перешли в атаку, сгорая от ярости после понесенных ими еще на подходе потерь. И сразу столкнулись с мобильной обороной, позволившей им сначала продвигаться вперед, чтобы потом тут же контратаковать, до того, как они успеют закрепиться.

Де Кастри приказал той же ночью перебросить еще пять рот парашютистов и легионеров с позиций на западном фланге крепости к «Элиан» и «Доминик», чтобы не дать вьетнамцам развить успех наступления. Семь танков «Чэффи», частично уже поврежденных, тоже были брошены туда.

Когда де Кастри докладывал утром Коньи о ситуации, то сказал: – Мы добились некоторых успехов. Ни «Элиан», ни «Доминик» не сданы полностью. Мы там буквально когтями вцепились в атакующих. Они не могут продвигаться дальше. Но и мы не можем, если не получим новых подкреплений.

Он напомнил Коньи об обещании десантировать еще два батальона.

Коньи ворчливо ответил: – Мне пока дают лишь один. Больше не разрешает Наварр. Но я соберу во всех частях добровольцев, готовых сражаться рядом с вами.

- Еще срочно нужны боеприпасы, – напомнил де Кастри.

Коньи увидел тут возможность еще раз плюнуть в сторону Наварра, чьи указания становились для него все более неудобными. Он закричал: – Вы не можете себе представить, что я должен бороться с Наварром за каждый самолет, летящий к вам! Я ему все рассчитал. Вам там нужно 300 тонн грузов в день. Для их доставки нам нужно около 200 «Дакот». Но у нас есть лишь 100, и поэтому мы можем доставить лишь чуть больше 150 тонн в день. При условии, что нет тумана или низкой облачности. А что делает большой шеф? Он хочет попросить помочь американцев. Но еще за пару дней до того он заявил, что ему не нужна увеличенная американская помощь. При этом при-

существовал Ченно, шеф САТ. Он сразу наострил уши. Каждый знает, что все, что он слышит, он рассказывает американской разведке. Только Наварр этого не знал. Кстати, сейчас он сидит в «Мэзон де Франс» и кипит от ярости, потому что я передал ему, что я сначала выплюсь, потом выслушаю доклад о ситуации и лишь потом повинуюсь его приказу и прибуду к нему для доклада. О, небо! Стоит ему сказать всего пару слов, как я взрываюсь! Сегодня я не в настроении выслушивать его мудрствования.

На самом деле в этот последний мартовский день 1954 года между Наварром и командующим войсками в Тонкине Коньи произошла новая тяжелая ссора. Через несколько минут после разговора с де Кастри Коньи заявил своему шефу, что не хочет ни в малейшей степени разделить с ним вину за разразившуюся в Дьенбьенфу катастрофу. Сражение в окруженной котловине целиком и полностью было идеей Наварра. Если бы он, Коньи, по своей должности мог бы его предотвратить, он сделал бы это. Далеко не сегодня стало ясно, каким безумием было добровольно отправлять в глубокую долину войска и ждать, пока противник буквально одним тигриным прыжком нападет на них с окружавших котловину гор.

Наварр, удостоверившись, что никто их не слушает, заклеил Коньи как ленивого, зараженного колониальной атмосферой пассивного лентяя. Его разведка была никчемной. Направленные им в Дьенбьенфу части оказались большей частью ненадежными, что доказывает количество дезертирств. Солдаты боятся ближнего боя с Вьетминем. Они полагаются только на снабжение по воздуху, причем самое важное, чего они ждут, это «виногель».

- Вы пообещали де Кастри два батальона, – бушевал Наварр, – но это ваше дело. Я приказываю: первый парашютный полк выделяет один батальон для Дьенбьенфу, к нему одну батарею безоткатных орудий. Это все. Больше будет лишь тогда, когда у де Кастри появятся признаки будущей победы. Кроме того, от вас к де Кастри должно быть отправлено следующее приказание. Ему будет официально заявлено, что в Дьенбьенфу на карту поставлена честь Франции. Он обязан это учесть. И он должен поднять боевой дух солдат на требуемую высоту, все равно, какими средствами. Дьенбьенфу не будет сдана. Даже при потере внешних укреплений внутреннее ядро крепости обязательно должно защищаться. Я осматривал крепость, я знаю, что это возможно. Итак, де Кастри должен сделать это. Центральный сектор простирается от командного пункта де Кастри через укрепленные пункты «Жюнон» и «Клодин» до «Изабель», находящейся на самом юге, у дороги на Лаос. Я хочу, чтобы де Кастри немедленно получил от вас соответствующий приказ!

В Дьенбьенфу защитники целый день глядели на небо в ожидании транспортных самолетов, которые должны были сбросить им грузы и солдат для замены погибших. Но в Ханое шли проливные дожди, и ни одна машина не могла взлететь. Поэтому в долину проскользнули на малой высоте лишь не-

сколько «Хеллдайверов» с американских авианосцев. Они должны были атаковать вьетнамцев, продолжавших вести ожесточенные траншейные бои на левом берегу реки между позициями «Доминик» и «Элиан», где блиндажи, бункеры и стрелковые ячейки постоянно переходили из рук в руки.

Американцы использовали для таких полетов летчиков, не имевших никакого опыта в подавлении наземных целей. Они должны были именно этому научиться в Дьенбьенфу, получить боевую практику. Для многих этот полет оказался и последним. Два самолета были утром сразу же сбиты вьетнамскими зенитными пушками. Они не успели даже найти цели для своих баков с напалмом. Когда они ударились об землю и сгорели в высоком пламени, другие просто улетели. Где они сбросили свои бомбы, защитники Дьенбьенфу так никогда и не узнали.

Долина все в большей степени становилась ловушкой для самолетов, после того как Народная армия удержалась на высотах «Габриель» и «Беатрис», а ранним утром поставила еще дополнительные 37-мм пушки на захваченных за прошедшую ночь вершинах «Доминик» и «Элиан». Пока за пару внешних укреплений этих опорных пунктов все еще шли бои, всего в паре сотен метров от них зенитчики Вьетминя уже контролировали воздушное пространство над крепостью.

В этот момент де Кастри еще недооценил потерю нескольких укреплений самого северного укрепленного пункта «Доминик». Он думал, что решающее значение имеет лишь вершина холма, названная вьетнамцами С-1, за которую все еще продолжались бои, идущие с переменным успехом. При этом он не учел, что с дороги на Туан-Гиао, мимо давно захваченного опорного пункта «Беатрис» и уже взятых внешних укреплений «Доминик», незаметно, можно сказать – в тени боев, подразделения Вьетминя одно за другим просачивались в самую безопасную до сего времени часть долины. Люди с пулеметами, винтовками, минометами, безоткатными орудиями и ручными гранатами. Вскоре они обойдут оставшиеся очаги сопротивления в укрепленных пунктах «Доминик» и «Элиан» и отрежут их от командного центра.

Между холмами на левом берегу местность превратилась в настоящий лунный ландшафт. Воронка за воронкой, наполненные вонючей солоноватой водой, в которой плавали останки погибших, гниющие, распухшие, посиневшие. Куда ни глянь, всюду белые, постепенно чернеющие парашюты, валяющиеся вокруг сотнями. Часто сброшенные на них грузы так и не удавалось достать. Треснувшие ящики с провиантом или боеприпасами, с бинтами или гранатами, их содержимое лежит в грязи, образовавшейся после весенних дождей. Повсюду лежат иконки и презервативы, сигареты и ампулы морфия. Никто не рискнул вытащить их под постоянным артиллерийским огнем. Поэтому бинты и сыр, радиобатарей и плотницкие гвозди приходили в негод-

ность, как и все прочее, что привозили самолеты из Ханоя, и что не попало уже в руки атакующих, улучшая их затруднившееся снабжение.

Сражение за левый берег реки Нам-Юм распалось на множество отдельных мелких боев, длившихся минуты, часы, дни. Сражались винтовкой и автоматом, штыком и пистолетом, ножом или кулаками. Немногочисленные деревья, оставшиеся в долине, превратились от взрывов и напалма в пугающие черные скелеты.

В зигзагообразных траншеях французов, высокопарно названных ими «метро», которые, однако, достигали лишь уровня бедер, то тут, то там показывалась голова. Когда били вьетнамские минометы, в этих траншеях уже нельзя было лечь на дно, потому что дождевая вода в них стояла до колен. Кто лег, сразу бы захлебнулся. Тут и там легионеры разводили небольшие костры из остатков снарядных ящиков, чтобы разогреть присланные американцами обеды из порошка или просушить обувь. В крепости уже не моются, не бреются. Французские солдаты стали походить на оборванных, грязных, жалких созданий из фильмов ужасов.

Время от времени проходят похоронные команды, вытаскивающие трупы. Привычным движением они отламывают идентификационную половинку солдатских личных жетонов, прячут ее в сумку, и тянут трупы в одну из заброшенных траншей, где их быстро закидывают сверху парой лопат жидкой земли.

Животных здесь уже нет. Даже стервятники сторонятся этой разорванной взрывами, дымящейся, бледно освещаемой постоянными пожарами долины под черно-серыми облаками. И это весна. Только что начавшийся апрель, помимо своих обильных дождей, принес теплый воздух, уже прогревающийся так, что, по меньшей мере, днем, можно вспотеть.

В эти первые апрельские дни на левом берегу Нам-Юма развивалась такая ситуация, которая хотя и оставляла французам некоторые шансы, но, в конечном счете, обозначила Народной армии путь к победе. На системе укреплений «Доминик» пали все форты, кроме холма С-1. На нем упорно сражались французские солдаты, удерживающие связь с центром. Они готовились к контратаке, вроде той, которая уже была осуществлена с «Элиан», опорного пункта, расположенного южнее «Доминик». Там пехотинцы Народной армии в первую ночь наступления на две трети захватили и самое главное укрепление, холм А-1. Но уже к утру, 31 марта, французы массированно использовали танки и артиллерию, и им удалось восстановить свой контроль над обгоревшими укреплениями. Народная армия перегруппировала свои части и провела повторную атаку в ночь на 1 апреля. В ходе ее она снова отвоевала все старые позиции на холме. Но это положение продлилось лишь несколько часов, потому что французы, для которых холм А-1 имел особую

важность, ибо с его вершины артиллерия Вьетминя смогла бы обстреливать центральные укрепления прямой наводкой, буквально зубами вгрызались в каждый метр земли. Им снова удалось отбить около трети холма.

Народная армия в свою очередь перешла в наступление ночью с 1 на 2 апреля. Шли напряженные ближние бои, в ходе которых Народная армия, понимая намерения противника, постоянно меняла направления главных ударов.

Для французов это означало потери значительного числа своего личного состава и расход боеприпасов, которых и так уже не хватало. Поэтому 2 апреля им пришлось оставить укрепление «Франсуаз», находившееся западнее центра обороны, чтобы перебросить с него освободившиеся войска на левый берег. Так как расположенные к северу от «Франсуаз» укрепления «Югетт», окружавшие главную взлетную полосу, блокировали подходы к центру с севера, тоже частично уже находились в руках Народной армии, для защиты фланга у французов остались только пункты «Жюнон»/Клодин», расположенные дальше на юг.

На левом берегу перемещения войск сначала были в пользу французов. Им удалось укрепиться на половине холма А-1, хотя между этим укреплением и берегом реки по-прежнему действовали части Народной армии.

За это время с неба к французам прибыло пополнение. Раз за разом самолеты сбрасывали солдат – всего два батальона парашютистов и добровольцев, набранных в разных подразделениях, были высажены прямо над центром Дьенбьенфу. Там они нашли хаос из траншей и блиндажей, в которых было трудно ориентироваться.

Полковник де Кастри в эти дни все реже показывался из своего бункера. Настроение у него было удручающим из-за массовых потерь и становившегося все более безысходным положением. Вместо него полковник Пьер Ланглэ, агрессивно-наступательный дух которого значительно подупал, организовывал сопротивление. Де Кастри предоставил ему свободу действий, не передавая командование официально, для чего ему понадобилось бы запросить разрешение Наварра.

Помимо удержания двух последних позиций на левом берегу Ланглэ своими постоянными мольбами о помощи добился от Ханоя отправки все большего количества самолетов, сбрасывавших бомбы и напалм на горные цепи на западе. Тем не менее, подавить действующую там тяжелую артиллерию вьетнамцев и нанести серьезный ущерб их тылам. Потери были велики, но подразделения повсюду, где это было возможно, прятались в глубоких пещерах в скалах. Для французских и американских летчиков небо над Дьенбьенфу становилось с каждым днем все опасней, потому что Народная армия стяги-

вала на захваченные позиции много легких зенитных пушек и начала применять их уже в самом котле долины. Это внесло хаос даже в поставки грузов с помощью парашютов. Самолеты не могли уже подлетать, как раньше, с северного или северо-восточного направления на высоте, пригодной для точного сброса грузов, потому что попадали под сильный зенитный огонь, ведущийся с захваченного вьетнамцами форта «Югетт». Поэтому они выбирали другие маршруты и шли на большой высоте, что снижало точность сброса грузов.

Из-за этого тонны боеприпасов, оснащения и провизии опускались прямо на позиции Народной армии. Солдаты собирали грузы и доставляли их по ночам на срочно организованные распределительные пункты.

Гастон Жанвилль каждую ночь обращался к соотечественникам по мегафону. Он говорил, что лучше всего будет, если они прекратят сопротивление, тем более что предназначенные для них 105-мм снаряды уже давно попадают в руки Народной армии. – Приходите к нам, пока мы с благодарностью не пошлем эти снаряды к вам назад!

Перебежчики сообщали, что его и других агитаторов теперь слышно лучше, потому что патронов к пулеметам осталось так мало, то огонь ведется только по хорошо видимым целям. Но большинство французов все равно боится Вьетминя. Они думают, что их тут запытают до смерти, из мести за бесчисленные карательные экспедиции против мирного населения, которые французские войска проводили во Вьетнаме с первых дней войны.

Однажды де Кастри выяснил, что подразделения Народной армии спокойно занимаются теперь подготовкой к дальнейшим атакам на территории между левым берегом Нам-Юма и бывшими укреплениями «Доминик», потому что оставшиеся в «Доминик» очаги сопротивления могут лишь обороняться и неспособны на контратаки. Он настоял на том, чтобы перерезать путь к отходу пробившимся вплоть до речного берега подразделениям Вьетминя.

- Нас может спасти только атака! – заклинал он скептически настроенных офицеров своего штаба. Подполковник Ланглэ был единственным, кто выразил сомнения, когда услышал, что для контратаки нужно собрать войска, в частности, с последних еще существующих фортов «Югетт». Он заметил, что это означает практическую сдачу оборонительной системы и позволяет Вьетминю с севера – с направления уже лишенной в этом случае защиты ВПП – прорваться в центр крепости. Но де Кастри высокомерно стал его поучать, говоря, что на севере, мол, у противника нет достаточно сил, поэтому атака оттуда исключена. Так как Ланглэ не хотел открыто возражать своему начальнику, и он, в конце концов, поддержал идею контратаки.

Ночью на 9 апреля жесткие звуки сигнальных рожков подняли французских солдат из окопов. Атака их напоролась на сопротивление противника, который хоть и был удивлен внезапностью, но не потерял голову. Главнокомандующий Народной армией приказал обороняться гибко с основной целью – вывести из строя как можно больше вражеских солдат. Удержание или захват территории были лишь на втором месте. Четыре дня и ночи бои шли с переменным успехом. Каждый отход вьетнамцев возбуждал у французов новые надежды. Но лишь до новой контратаки Вьетминя. Эта операция стоила жизни около тысячи французских солдат. А результатом для них был лишь шанс сидеть на части холма С-1, все время нагибая голову. Действия Народной армии западнее вершины, со стороны реки, продолжались без помех. Здесь уже готовился последний этап наступления – прыжок к центру.

Все это время продолжался непрерывный обстрел центральных укреплений. Там уже можно было все в большей степени использовать и минометы. Крепость, занимавшая раньше всю долину, ужалась до клочка площадью не больше двух квадратных километров, полностью изолированного от баз снабжения, недостаточно укрепленного, занятого все еще десятью тысячами солдат, из которых уже больше половины было небоеспособны из-за ранений. Оставшаяся часть в значительной мере была деморализована. Свирепствовали болезни – от простуд из-за переохлаждения до поноса и лихорадки. На наступательные действия этот гарнизон уже не был способен. Ни де Кастри, ни его заместитель Ланглэ, ни все еще склонные к показной решительности командиры новоприбывших парашютистов не сомневались в приближении конца. Курсировали слухи об отправке войск из Лаоса для прорыва блокады, поговаривали и о вмешательстве американцев, даже об атомной бомбе. Но все это не могло поднять боевой дух.

В этой ситуации Наварр из Сайгона обратился в Париж, в министерство обороны, с просьбой повысить де Кастри до звания бригадного генерала.

Это вызвало бурные споры в министерстве, в ходе которых многие, рассматривавшие положение в Дьенбьенфу как безвыходное, выступили против этого предложения. Какой смысл оказывать такую услугу противнику, который в ближайшем времени захватит остатки крепости – подарить ему пленного генерала? Триумф вьетнамцев из-за этого будет еще большим. Но с этим не согласились те, кто против голоса рассудка поддерживали миф о непобедимости французской армии и считали повышение де Кастри моральным стимулом для сражающихся солдат, защищавших честь Франции до победы. Они настояли на своем, и Коньи пришлось разыграть эту комичную пьеску.

15 апреля командующий войсками в Тонкине связался с комендантом крепости, который лишь частично очнулся от своей летаргии. Он сообщил де Кастри о его повышении и со с трудом скрываемой иронией добавил: – Вам доставит дополнительную радость тот факт, что вы и ваши войска в сегодняш-

нем приказе по французской армии названы ярким примером мужества и героизма...

Два погона с двумя звездами были вместе с напитками и сигаретами упакованы в контейнер и ночью сброшены над крепостью. Они попали на территорию, контролируемую Вьетминем. Поэтому французским штабным офицерам пришлось самим изготовить в командном бункере погоны из покрашенной ткани, жести и картона, которые торжественно вручили коменданту. Празднование прошло без особой радости. Коньяка больше не было и пришлось довольствоваться разбавленным «виногелем». Курили давно покрывшиеся плесенью сигареты сайгонского производства, фирм «Котаб» и «Мелия», которых тоже оставалось совсем мало. Когда неподалеку от командного пункта взрывался снаряд Народной армии, господа офицеры непроизвольно пригубались. С потолка блиндажа в жестяные кружки с кислым праздничным напитком сыпались кусочки земли.

- Ты еще можешь стоять, моя девочка? – спросил в операционной полевого лазарета профессор Тунг у медсестры Ба, стоявшей рядом с пинцетом и марлей. Он видел, как она кивнула, но он все еще сомневался, потому что они стояли тут уже шесть часов и прооперировали за это время три тяжелых ранения в голову.

Тунг давно заметил, как серьезна и надежна медсестра Ба. У нее было умение и, самое главное, спокойные руки. Потом, думал он, ей стоит пойти учиться. Из нее вышел бы хороший врач. Потом – когда «потом»? Работа в полевом лазарете была одной из самых сложных, которую мог бы себе представить Тунг.

За последние дни потеплело. Приближалось лето, здесь в горах, где весна всегда остается коротким эпизодом между дождями и жарой. Если в сезон дождей помехой были тараканы и пауки, заползавшие в операционную в поисках сухого местечка – иногда их удаляли прямо с раны, то теперь и медикам и раненым доставляли адские муки комары и мошки. Стоило врачу во время операции сделать инстинктивное движение ногой, чтобы отогнать надоедливый комар, как из руки у него мог выскользнуть скальпель, он мог потерять артерию, а в тех условиях, в которых доводилось оперировать, от этого могла зависеть судьба пациента. В наступившей после дождей влажной жаре расплодившиеся насекомые буквально бесились от желания ужалить, которое еще более возбуждали запахи крови и гноя, висающие над лазаретом подобно облаку.

Но укусы были не единственной проблемой. Насекомые вызывали долговременные воспаления, нагноения, потому что мухи с удовольствием откладывали яйца в еще не обработанные раны или под неплотные перевязки из креповой бумаги, которой пользовались ввиду нехватки других перевязоч-

ных материалов. Профессор Тунг экспериментировал с разными травами и мазями, чтобы справиться с проблемой насекомых.

Он был человеком, мастерски владевшим искусством современной хирургии и изучавший ее до этой битвы в институте в районе Туйен-Кванг, который давно был освобожден. Но очень подвижный и физически и духовно мужчина за изучением современной медицины не забывал, что во многих областях страны есть знатоки традиционной медицины, умевшие успешно лечить многие болезни с помощью экстрактов трав, травяных чаев и самодельных мазей. Тунг не разделял презрение многих образованных докторов к этим старинным рецептам. Многие из них превосходно подходили для дополнения обычных современных методов, особенно в той ситуации, в которой находился Вьетнам, где еще не хватало ни образованных врачей, ни фармацевтических фабрик, производивших сульфамид или антибиотики. Поэтому здесь еще долгое время можно было опираться на старинные методы лечения.

Пока профессор обрабатывал прострелянную кость бедра раненого сапера, высасывал осколки и сшивал вены, он пробурчал под марлевой повязкой: – Я точно знаю, что люди в этой местности знают растение, отгоняющее москитов. Они засовывают его под свои матрацы, там, где спят. Это один из папоротников, но папоротников тут десятки тысяч видов. Какой именно? Я буду искать до конца жизни и не найду!

В ярости он притопывал левой ногой. Но на москита, присосавшегося к его голый ноге, это не действовало. Ругаясь, Тунг продолжал работать.

Могу ли я потребовать посадить под стол девушку с мухобойкой? Ей нужно будет бить лишь тогда, если одно из этих созданий усядется на мою кожу. Непроизвольно он засмеялся. Ба удивленно взглянула на него. Он только что был в ярости. Я сделала что-то не так? Она быстро научилась помогать профессору при операциях, хотя в самом начале ей было трудно понять, что он имел в виду, когда, к примеру, просил подать ему какой-то инструмент. Здесь не было нормального курса обучения, как в больницах в других, мирных странах. Здесь знания получали из первых рук, перенимая опыт во время борьбы за человеческую жизнь вместе с профессором или одним из других, более молодых врачей.

Когда Ба во время своей первой ампутации держала руку солдата, которую Тунг отпиливал выше локтя пилой с мелкими зубчиками, она смогла удержаться и не смотреть в эту сторону. Но как только в ее руках оказалась отпиленная рука, оказавшаяся внезапно отделенной от туловища, она упала в обморок.

Ба пришла в себя, когда профессор держал у нее под носом тряпочку, смоченную камфарой. Он ее так долго успокаивал, пока она не преодолела шок, а когда потом она стыдилась того, что произошло, профессор утешал: – Не нужно воспринимать это как трагедию, девочка! Каждому из нас было тяжело, особенно вначале, но и потом: каждый следующий раз. Как ты думаешь, сколько врачей, работающих здесь день и ночь, падали в обморок на первой своей операции! Мы все ведь только люди.

Теперь, еще до того, как он закончил операцию, он попросил продолжить другого врача. Затем он выскочил из хижины, где размещалась операционная, исчез в лесу и вернулся лишь после довольно продолжительного времени, когда раненого уже отнесли в хижину для лежащих больных. Лицо Тунга было желтым. Застарелая малярия, мучившая его время от времени. Но в этот раз он страдал еще и от жестокой диареи, о которой он втайне подозревал, что она одного происхождения с дизентерией, которой заболело за последние дни уже очень много людей.

Он утомленно уселся на ящике и перелистывал свой блокнот, в котором перечислялись самые разные традиционные лекарственные средства. Многие из них уже были в лазарете. Тунг выискивал мешочки с травами, тер их, нюхал, пока не нашел, что искал. Он высыпал горстку в горшок, залил сверху горячей водой, всегда кипевшей в котелках над огнем, и дал вареву настояться.

- Ба! – позвал он. Когда она вошла, он с кислой улыбкой сообщил, что снова чувствует себя прекрасно. Девушка ему не поверила. Большинство работавших под его началом в лазарете врачей учились у Тунга и знали его как храброго человека, который никогда не щадил себя. Они давно знали и о причине его поспешного бегства к лесу и уже говорили об этом.

- Вы больны, профессор? – спросила Ба.

К ее удивлению он посмотрел на нее с улыбкой и ответил: – Конечно, я болен, девочка. Мы тут все больны. Или ты видишь хоть одного, кто мог бы сказать о себе, что он абсолютно здоров?

- Говорят многие.

Он не хотел больше говорить об этом. Взглянув в горшок, он понял, что настой уже готов. Из ящика для грузов Тунг вынул бутылочку темно-коричневой настойки опиума и капнул пару капель в горшок. Такая опиумная тинктура была сегодня в большинстве деревень самым распространенным лекарством против распространявшихся часто по непонятным причинам эпидемий диареи. Он выпил смесь одним глотком, передернулся, скривил лицо и пробормотал что-то о чертовой настойке. Но потом повернулся к Ба и попросил пройти с ним: – У меня тут есть для тебя работа. Кто-то должен

каждые четыре часа контролировать моих мух! А когда я провожу операцию, ты должна будешь это делать!

Его «мухи» были культурами, с которыми он экспериментировал. Они находились в одной из покрытых травой хижин, где хранились лекарства. Это была дюжина плоских стеклянных мисочек с крышками, в которых профессор держал мух и других насекомых, которые тут должны были принести потомство. А в маленьких бутылочках профессор держал экстракты разных трав. Тунг регулярно капал в специально промаркированные мисочки определенные экстракты, чтобы знать, какое растение повлияет на откладку насекомыми яиц. Он искал средство, чтобы сократить число инфекций, вызываемых насекомыми и их личинками. Тунг чувствовал, что он близок к цели. Осматривая мисочки, он снова подметил, что большая желтая муха, принадлежащая к самым быстро размножающимся видам насекомых в его коллекции, все еще не отложила яйца.

- Посмотри, – обратил он внимание девушки, – мы найдем средство!

Он взял бутылочку, взял оттуда пипеткой крохотное количество жидкости и осторожно капнул ее в мисочку с ярко-желтой мухой внутри.

- Ты будешь делать тоже самое каждые четыре часа, – поручил он Ба. – Тебе легче на пару минут отлучиться с операции, чем мне. И смотри, чтобы муха не улетела! Кстати, экстракт этот состоит в основном из долго варившейся коры хинного дерева. Горький как желчь и очень сконцентрированный, но безвредный для ран. Только для мух. По моему наблюдению, он лишает их способности размножаться. Интересно, не так ли? Если это продолжится еще два дня, мы победили!

Он пошел поспать пару часов. Вдали, за горами, грохотал огонь артиллерии. Раз за разом со стороны дороги, идущей через лес неподалеку от лазарета, раздавались крики начальников транспортных колонн: – Тиен лен!

Профессор хорошо спал. К концу дня прибыли первые транспорты с ранеными, и Тунг готовился к работе. Ба, которая уже была в операционной, он со смехом поприветствовал: – Ну, как поживают наши мухи?

- Желтая до сих пор не отложила яйца, – ответила девушка. Тунг довольно улыбнулся. Он был знаменит своим юмором, и каждый знал его манеру шутить порой над самыми серьезными вещами. Сейчас он тоном триумфатора сказал: – Вот видишь, девочка, какова жизнь. Когда мы здесь победим, то никто ведь не скажет о том, что, в конечном счете, победа была одержана, потому что мы выяснили, как можно предотвратить размножение мух!

Первый пациент, попавший на стол к профессору, был сапером с осколочным ранением черепа. Сильный мужчина молча смотрел на профессора, осматривающего его голову.

- Гм, сынок, – успокаивал его Тунг, – похоже, что с тобой придется поработать. Ну что ж, ты выполнил свой долг, теперь мы выполним свой. Не бойся, мы справимся.

Два часа работал Тунг, не покладая рук. Он вскрыл череп, вынул осколок, затем высосал самодельным инструментом все проникшие в голову чужеродные тела. Это длилось долго. Наконец, он был удовлетворен. Сквозь мокрую марлевую повязку он проворчал: – Что бы случилось с тобой, мальчик мой, если бы ты не попал в руки именно ко мне, неудавшемуся изобретателю!

Ему срочно нужно было сбегать в лес, но он заставил себя сдержаться, потому что начиналась самая ответственная работа, которую никак нельзя было перенести на потом. По его знаку один из других врачей привел в действие машину, которая вращением рукоятки вырабатывала ток. Эта штука работала пару дней, после чего ее нужно было ремонтировать. В современных больницах для закрытия поврежденных кровеносных сосудов используются высокотехнологичные устройства. Но у Тунга не было таких инструментов. Он сам смастерил генератор, и молодой доктор, крутивший сейчас рукоятку ради разогрева проволоки из благородного металла, делал это не в первый раз. Он уже проводил с профессором эксперименты с этой машиной.

Когда проволока достаточно накалилась, Тунг взял ее и начал работу. Он сдержанно ругался, потому что москиты снов впивались в его голые ноги, но он, стиснув зубы, так точно пользовался проволокой, что через час операция была завершена, и череп раненого снова закрыт. Он отдал проволоку в руки Ба и крикнул крутящему рукоятку генератора врачу: – Хватит! Потом он вырвался из хижины, крикнув на выходе: – Отнесите сапера в хижину для лежачих!

Никто не смеялся. Когда Тунг вернулся из леса, поступило еще несколько раненых. Он позвал Ба, показал ей смесь трав и опиумных капель и попросил подготовить еще один горшок этого чертовски горького варева. В перерыве между двумя операциями он выпил его, выпучив глаза и ругаясь, и продолжил работу: – Через что должен пройти такой человек, как я, чтобы, в конце концов, когда-то начать оперировать в достойной настоящей клинике прямые кишки и желчные пузыри, и чтобы при этом никто нигде не стрелял?

Теперь молодые врачи засмеялись. Каждый из них знал, что профессор не тот человек, который удовлетворится лечением прямых кишок и желчных пузырей.

Следующим вечером, еще до прибытия первых раненых за день, в лазарет как-то очень тихо вошел Кенг. За ним шел странным деревянным шагом Гастон Жанвилль.

Ба увидела Гастона и с радостью бросилась к нему, обняла за шею, и очень удивилась его несколько слабой реакции.

- Ты вернулся? Что такое? Конец? Мы победили?

Кенг переминался с ноги на ногу, пока, наконец, не набрался мужества и не попросил ее: – Девочка, будь добра и приведи доктора. Я лично отвечаю за этого человека, а ему нужно помочь.

Тунг вышел от своих мух, сияя от радости, потому что большая желтая так и не отложила яйца. Кроме того, диарея, казалось, проходила. Увидев француза и смущенного Кенга, говорившего с Ба, он поспешил к ним и сразу спросил: – Ну что? Затосковал по жене?

- Товарищ профессор, – начал было Кенг, но тут же замолчал, посмотрев на Ба. Тунг недоверчиво потер лоб и жестко взглянул на Жанвилля. Внезапно он спросил его по-французски, чтобы не поняли другие: – Что случилось? Заболел? Сбежал? Понос? Можешь мне сказать, я буду молчать, как дорогой бог во Франции!

- Он ранен! – наконец выпалил Кенг.

- Ранен? Тунг не видел крови. – Куда?

Запинаясь, Кенг начал что-то рассказывать о неудачном попадании, но Жанвилль заметил, что Тунг пока не понял ничего, поэтому сказал по-французски: – Мне придется повернуться к вам задом, профессор. Я... недостаточно прижимался животом к земле, ну, и они попали мне в задницу...

Тунг мгновенно все понял. Он подавил смешок, и серьезным тоном приказал Ба: – Отправляйся к мухам!

Жанвиллю же он сказал: – Там впереди – вход. Я сейчас приду, нужно вымыть руки. Быстро ложись на стол – брюхом вниз!

Он на всякий случай еще раз сбежал в лес. Ему придется работать без перерыва много часов. Француз был только началом.

Когда он помылся и вошел к Жанвиллю, тот смущенно повернул к нему голову и пробормотал: – Мне очень жаль, что я вам доставил беспокойство. Но там, у холма С-1, происходит настоящий ад. А мы были лишь в десяти метрах от них...

Тунг кивнул ему в знак того, что он все понял, и натянул свою марлевую повязку. Жанвилль саркастически продолжил: – Не очень героическое ранение – именно в зад!

- Выстрел есть выстрел, – равнодушно заметил профессор. – Тебя же не в кинотеатре подстрелили, так что нечего переживать. А теперь лежи тихо и не бойся. Я вколю тебе укол, вроде как для приветствия. Предупреждаю сразу – иглы, которые у нас, сделаны, возможно, еще при Наполеоне. Война длится слишком долго, как ты знаешь...

Мне ли не знать, – подумал Жанвилль, и почти не почувствовал укола, а сразу после того он вообще уже ничего не чувствовал.

Снаружи, перед операционной, одноногий помощник врача кипятил на открытом огне в двух алюминиевых кастрюлях – тоже французский армейский трофей – воду. В одной кастрюльке кипятились шприцы, в другой – иглы. По сигналу Тунга помощник взял пустой шприц, разобрал его и снова бросил в кипящую воду. Затем он выловил из кастрюли другой, потому что начиналась работа. Он взмахнул им в воздухе, чтобы просушить, подцепил пинцетом иглу из другой кастрюли, насадил ее, проверил работу шприца и теперь держал его наготове. Тунг научил его, каждый раз, когда он подготовил новый шприц, громко и четко сообщать ему: – Стерильный, товарищ профессор! Так он сказал и сейчас.

Через полчаса Тунг пришел к Ба, в этот раз смеясь. Она недоверчиво взглянула на него, но он снова рассмеялся.

- Он здоров?

- Абсолютно здоров, кроме двух маленьких дырочек на заднице. Обычное сквозное ранение. Через две недели он снова сможет сидеть.

Когда он увидел, что девушка начала плакать, то утешил ее в своем неподражаемом, отцовском духе: – Ну, ну, малыш! Все ведь хорошо! В него могли попасть в куда более опасное место, если подумать. Но ему повезло. Да и тебе тоже. Я пристально рассмотрел твоего мужа и подумал при этом, что у вас, собственно, должно быть много детей. Не обязательно сейчас, нет, я имею в виду, когда наступит мир. Как доктор, я не вижу к этому никаких препятствий...

ПОГИБ ЗА ФРАНЦИЮ

Ань Чу отдал честь, когда генерал Зиап прошел мимо него в грот в скале, где верховное главнокомандование должно было доложить партийному руководству о следующем и, возможно, последнем этапе наступления.

Еще не пришел Хо Ши Мин. Он был на одной из зенитных батарей на холмах «Анн-Мари», где только что был сбит очередной «Беэркэт». Фам Ван Донг тоже не присутствовал. Он уехал в Женеву. Начало конференции министров иностранных дел по вопросу мирного урегулирования в Индокитае было назначено на 26 апреля 1954 года. До этого дня оставалось немногим больше недели.

На «Анн-Мари» Хо Ши Мина пригласили зенитчики, чтобы показать ему эффективность одного устройства, которое они установили всего пару дней назад. Речь шла об уже давненько вышедшем из моды зенитном прожекторе, питавшемся от дизель-генератора. После захвата большинства опорных пунктов системы укреплений «Югетт», ранее прикрывавшей маршрут подлета, сброс грузов на парашютах над центральным командным пунктом французов становился все труднее. Самолеты могли подлетать только с северо-восточного направления, и им приходилось спускаться круто вниз, сбрасывая груз почти из пике, и снова подниматься вверх. Тут наступал момент, когда самолеты шли на самой малой скорости, и поэтому их легче всего было сбить. Но солдаты Народной армии не могли видеть самолеты противника с захваченных позиций на «Югетт», потому что те прилетали почти всегда по ночам во избежание риска. Удивительным образом тут помогал прожектор. Когда машина спускалась вниз, его включали. Его луч брал самолет в вилку, как насекомое, а зенитчики с «Югетт» могли точно следить за ним через свои прицелы – цель, скользящую в сопровождении светового луча. Пока Хо Ши Мин был на «Анн-Мари», они подбили две машины. Потом французы прекратили полеты. Но артиллеристы просили президента остаться с ними, пока он не станет свидетелем третьего удачного попадания.

- Благодарю вас, – сказал Хо Ши Мин, когда он все-таки решил попрощаться с ними, потому что знал, что его ждет верховное командование. – К сожалению мне нужно идти в главный штаб. Мы еще не выиграли битву. И последний удар нужно очень тщательно спланировать. Мы хотим, чтобы как можно меньше вас были ранены или погибли. Когда над бункером французского коменданта мы установим наше знамя, французы проиграют не только решающую битву. Они потеряют весь Индокитай. Все в мире это знают. Все ждут, что мы победим. Но лишь очень немногие думают о том, что наша работа по-настоящему начнется только после победы, когда мы станем восстанавливать и модернизировать страну, наконец, принадлежащую нам. Как она принадлежала нашим предкам. Для этого нам нужен каждый из вас. А теперь, сынки мои, разрешите мне уйти! Там, напротив нас, сидят выпускники самых богатых традициями военных училищ Франции. Мы, вьетнамские крестьяне и рабочие, должны их разбить. Многие из нас только потом начнут изучать букварь.

Артиллеристы на «Анн-Мари» сбили третий «Беэркэт», только что сбросивший напалм между «Элиан» и «Доминик», когда он выходил на поворот над

бункером де Кастри. Самолет взорвался в воздухе; на его борту было еще несколько маленьких бомб.

Хо Ши Мин с улыбкой кивнул Ань Чу, когда тот доложил ему, что все собрались и ждут его. Затем он исчез в скальном гроте, где горел свет, и стояли столы с картами, над которыми склонились Труонг Чинь, Зиап и офицеры его штаба. Генерал Зиап докладывал сам. Он попросил прикрепить к стене грота большую карту, отображающую ситуацию, и сейчас показывал на ней очаги сопротивления, все еще удерживаемые французами на левом берегу Нам-Юма. – Несомненно, – сказал генерал, – только с этой стороны мы действительно сможем сломить их сопротивление. Наступление только с запада было бы проще на первой фазе. Там есть всего три серьезных укрепления, входящих в комплекс «Франсуаз». Мы сможем их взять довольно быстро. Но потом противник сможет перегруппировать свои силы на берегу реки, и нам придется столкнуться там с куда более сильным сопротивлением, когда придется форсировать реку. Я предпочел бы распылить силы врага. Нам не нужно перетруждать наши тылы. По мнению верховного командования врагу следует нанести решительное поражение на левом берегу. Тогда форсирование Нам-Юма станет последним этапом на пути к бункеру де Кастри. Чтобы не атаковать врага стандартным школьным приемом, на который он сумеет быстро отреагировать, мы до последнего момента будем держать его в неведении, куда на самом деле будет направлен наш главный удар всеми силами. Поэтому в атаке должны участвовать и подразделения 308-й дивизии, находящейся перед оборонительными гнездами «Франсуаз», западнее вражеского центра. Пусть противник так запутается с определением настоящего направления нашего главного удара, что будет беспрестанно перебрасывать свои войска с правого берега на левый и наоборот. Нам это поможет сократить потери.

Главными бастионами французов на левом берегу все еще оставались оба холма А-1 и С-1, принадлежащие к «Элиан» и «Доминик». На северной высоте С-1 Народная армия после изнурительных боев закрепилась лишь на половине холма. На южной А-1 противник по-прежнему удерживал вершину. Обе позиции были важны, они управляли огнем пушек противника и позволяли ему наблюдать за продвигающимися вперед траншейными системами Народной армии. Поэтому их нужно было нейтрализовать в первую очередь.

Кроме того, непосредственно на левом берегу были не столь важные, но создававшие помеху при переходе реки опорные пункты 508 и 508-А. Между С-1 и рекой находился маленький холм С-2, затем была система бункеров севернее моста Муонг-Тан, обозначенная как позиция 506. Южнее этого предмостного плацдарма на восточном берегу была еще позиция 509. Между холмами и рекой существовали также маленькие бункеры 505 и 505-А, а дальше на юг – входившая в «Элиан» позиция А-3, которая, за исключением вершины, находилась в руках противника.

На западном краю крепости, объяснял Зиап, существуют еще большие опорные пункты «Жюнон» и «Клодин» и центр тылового обеспечения «Наташа», обозначенные на карте как 310, 311-А и 311-В. Все эти укрепления следует взять, прежде чем нанести решающий удар через реку по командному пункту де Кастри. После этого останется только опорный пункт «Изабель» на юге, у бывшей вертолетной ВПП. Но он настолько изолирован, находясь у выхода из долины, что не имеет практически никакого значения для исхода боя за командный бункер де Кастри. Также следовало бы отрезать и некоторые укрепления от «Жюнон» и «Клодин», но не стоит предпринимать больших усилий, чтобы взять их немедленно. Нужно наносить удары мимо их и перенести бой ближе к центру противника. Оставшиеся очаги сопротивления не смогут после этого серьезно помешать продвижению противника и один за другим вынуждены будут сдаться. Важно, чтобы в ходе всей третьей фазы наступления артиллерия вела огонь не только по ближайшим тактическим целям, но и постоянно обстреливала центр. Противнику нигде нельзя давать отдых, шанс собраться с силами.

Генерал Зиап начертил на карте, висевшей на стене, красные стрелы. Они обозначали его предложения по нанесению главного удара. Потом, положив карандаш, он сказал: – Верховное главнокомандование выбрало для начала наступления ночь на 1 мая. К этому дню будут закончены все инженерные и тыловые приготовления. Время отдыха, предоставляемое нашим ударным частям, тоже будет достаточным... Он перечислил еще несколько предпосылок, обеспечивающих победу. Потом попросил согласиться с его предложениями.

Хо Ши Мин поинтересовался: – Прибыли уже реактивные минометы?

Зиап подтвердил поступление нескольких «катюш», но добавил: – Мы временно держим их в готовности подальше от передовой. На позиции мы переместим их тогда, когда в ходе боя будут выявлены места самых основных боев, где противник окажет самое серьезное сопротивление. Там они смогут сыграть свою решающую роль.

- Хорошо, – согласился Хо Ши Мин. – Не стоит заранее показывать врагу все, что у нас есть. Затем он предложил: – Я думаю, нам стоит выйти минут на десять, подышать свежим воздухом и обдумать все, потом мы снова встретимся здесь.

Ань Чу и его отряд оцепил кольцом выход из грота, хотя существенных проблем с безопасностью не было.

Через четверть часа мужчины снова собрались в гроте. Они согласились с предложением главнокомандующего Зиапа, сделав несколько уточнений. Командиры получили немногословный приказ: – Боевое задания для третьей

фазы наступления состоит в захвате все еще находящихся во вражеских руках опорных пунктов на левом берегу и в нейтрализации как можно большего числа позиций и войск противника на западе. При этом кольцо окружения вокруг вражеского центра должно быть решительно сужено, и огонь всего нашего оружия перенесен на этот центр и на воздушное пространство над ним, для подготовки генерального наступления...

По узким, уже углубленным траншеям колонны с боеприпасами пробирались к передовым линиям Народной армии. Доставлялось продовольствие, хотя и не любимый вареный рис, а французские трофеи – хлеб, сухофрукты, печенье.

Когда позволял обстрел, назад относили раненых, обычно по ночам или когда долину тонким покрывалом накрывал утренний туман, которым была знаменита Дьенбьенфу.

Была ночь, освещавшаяся только нитями трассирующих пуль и сигнальных ракет нервничающих защитников крепости, когда Кенг-невидимка во главе длинной колонны носильщиков проскользнул сквозь кусты, пережившие обстрел опорного пункта А-1, далеко на юг от своего обычного местопребывания. На этом холме, названном французами «Элиан», все еще держался отряд французов, усиленный парашютистами. Атаковать ее было бы очень тяжело, как выяснил Кенг, глядя через свой бинокль.

Атаковать нужно было вверх по крутым склонам. А французы посадили на вершине своих наилучших снайперов. Когда артиллерия обстреливала холм, они прятались в глубоких подземных бункерах, разрушить которые могло лишь прямое попадание. Но по такой маленькой площади очень трудно было вести точный прицельный огонь.

Генерал Зиап, осмотрев местность две недели назад, принял неожиданное решение: – Если мы не можем взять их сверху, ударим их снизу! С тех пор саперы в полной тишине рыли подземные ходы, продвигающиеся вверх по склонам к вершине холма.

Как далеко вьетнамцы ни уносили выкопанную землю, разбрасывая ее далеко на восточной стороне горы, французы быстро догадались о земляных работах. Они предположили, что однажды из штолен на них полезут солдаты Вьетминя. Солдаты колониальных войск веселились в ожидании появления голов первых врагов, чтобы пострелять по ним, как по тарелочкам.

Как и во многих других случаях с начала освободительной борьбы вьетнамцев, колониальная армия и здесь в очередной раз ошиблась. Французские солдаты, а в самой большей степени – их генералы, просто не могли при-

знать ум своих противников, их тактическое умение, боевую смекалку. Случай с холмом А-1 мог бы служить примером. Уже много дней в штольнях под вершиной работали одни лишь саперы Народной армии. Они тщательно уплотняли там доставляемую колоннами носильщиков взрывчатку и подсоединяли взрыватели так, чтобы ее действие было еще более опустошительным. Использовалось все: обычная взрывчатка, старые динамитные шашки, неразорвавшиеся французские снаряды и бомбы, непригодные из-за калибра трофейные боеприпасы, ручные гранаты без взрывателей. Конечные части штолен были набиты взрывчаткой буквально под завязку, прямо под ногами французов, ожидавших в засаде, когда на них из-под земли бросится в атаку первый вьетнамский солдат.

Запальные шнуры были готовы, подключены, но носильщики все доставляли и доставляли взрывчатку. Ее добавляли к уже существующей, уплотняли и тянули новые шнуры.

Отряд, который вел Кенг, был последним, доставлявшим взрывчатку. Это были обезвреженные в тыловых районах и разрезанные на куски авиабомбы, к ним несколько мин и остатки минометных мин. Командир работавших в штольнях саперов внимательно осмотрел прибывшие грузы. Лишь после тщательной проверки он дал им приказ занести взрывчатку в штольню и плотно спрессовать ее. Кенг спросил его: – Что вы делаете там внизу?

Командир с улыбкой взглянул на него: – А ты любопытный, братишка?

- Я сказал бы, любознательный, – вывернулся Кенг. – Что выйдет из всей этой массы на самом деле?

У командира был приказ не рассказывать никому кроме своих саперов о будущей операции. Он просто ответил: – Уводи носильщиков назад, пока ночное небо не станет ярким!

Кенг уже немного догадывался, что должно произойти. Он только не имел понятия об обращении с взрывчаткой. Поэтому не знал, что если спрессовать взрывчатку в тесном помещении, эффективность взрыва многократно возрастет.

Когда Кенг уже отвел носильщиков назад в безопасное место и устроился на своем передовом наблюдательном посту вместе с радистом, откуда можно было видеть, как гарнизон командного бункера одну за другой выпускает в небо осветительные ракеты, он поделился своими предположениями с радистом.

Маленький Кванг До сильнее всего мерз именно по утрам. Поэтому он не прислушивался ко всему, что рассказывал Кенг. Стуча зубами, он лишь заметил: – Они устроят фейерверк из этой штуки. Зачем все взрывать? Война все

равно заканчивается. Надеюсь, скоро я снова смогу чинить часы, а не дрожать по ночам...

- Ты такой чувствительный, – подколот его Кенг.

Радист ворчливо ответил: – Да, я жутко мерзну. Почему я должен об этом молчать? У меня фурункул на затылке и мозоль на левой ноге, и я застудил правую лодыжку. Ты хочешь, чтобы я пел тут веселые песни?

Кенг усмехнулся в душе – ему удалось расшевелить маленького радиста. Ему нравился этот паренек, умевший пользоваться сложной радиостанцией и мгновенно просыпавшийся от дремы, стоило ему лишь услышать самые тихие сигналы из этой загадочной штуки. Тогда Кванг До мгновенно приободрялся и даже забывал о холоде.

- Петь я тебе бы запретил, – парировал Кенг. – Но я могу подарить тебе надежду – принюхайся, неужели ты не чувствуешь, чем пахнет в воздухе?

- Трусами.

- Я не об этом.

- Может быть, ты имеешь в виду наступление, так оно, да, витает в воздухе. В воздухе, пахнущем трупами.

- Лето, – деловым тоном сказал Кенг. – Воздух пахнет летом! Я научился чувствовать этот запах от людей, которые жили тут раньше. Они умели предсказывать наступление лета с точностью до часа. Через четыре дня наступит Первое мая...

- В освобожденных областях мы в этот день всегда выходили на улицу, – вспоминал радист. – Девушки надевали цветные платья, если они у них были. Многие просто украшали волосы цветами. У нас был один шутник, так он однажды нарисовал транспарант и вышел с ним на улицу. На нем было написано: «Мы боремся и за то, чтобы наши девушки носили круглый год цветные платья!»

- Почему бы и нет, – заметил Кенг. – Они выглядят в них лучше, чем в синих брюках. Некоторые люди и ради цветных платьев делают революцию.

Кванг До проворчал: – В этот момент я сделал бы ее и ради того, чтобы развести костер и спокойно погреться!

Командный бункер де Кастри, который Кенг рассматривал с первыми лучами солнца через свой бинокль, представлял собой глубокую яму, покрытую сверху бамбуковыми стволами. На них набросали метровый слой мешков с землей. На мешках лежали листы волнистого железа. Ни одного прямого попадания по бункеру пока не было. Что осталось бы от него, если по железному листу ударит хоть один снаряд вьетнамской артиллерии?

По утрам бункер наполнился офицерами. Среди них молодая женщина, Женевьев де Галлар. Ее нельзя было назвать особенно красивой, но она привлекала к себе взгляды всех мужчин. Женевьев де Галлар была одной из тех молодых дам, которые по непонятным причинам добровольно решили окантоваться на военной вспомогательной службе во французском экспедиционном корпусе. Была ли это тоска по любви, жажда приключений, кто знает? Она прилетела как бортпроводница на одном из последних еще приземлившихся на ВПП транспортных самолетов. Она должна была пробыть тут несколько дней и вернуться назад. Но самолеты больше не садились.

О марокканских шлюхах, прятавшихся в дырах у берега реки, генерал де Кастри не думал, но присутствие этой молодой дамы сбивает его с толку. Сейчас он кое-что придумал, чтобы в случае окончательной сдачи крепости ее удалось спасти хотя бы от обычного плена.

Сначала появился личный ординарец де Кастри, великан из Северной Африки, с выбритой наголо головой и закрученными усами. В руке у него был ящичек, а в нем – крест Почетного легиона, снятый с одного из погибших летчиков. Де Кастри решил наградить им Галлар.

- Смирно! – скомандовал один из офицеров. Вошел де Кастри. Он был ворчлив как всегда в последнее время, когда не стало нормального кофе по утрам, потому что нет и чистой воды. Встав перед молодой дамой, он произнес краткую речь, в которой похвалил женщину за героизм, проявленный ею здесь, где защищают честь Франции. Потом он прикрепил к ее блузке крест и пожал руку. А затем приказал: – Перед лицом надвигающейся опасности я перевожу вас на службу в лазарет для ухода за ранеными. Главный врач уже проинформирован. Вы должны носить одежду медсестры с хорошо заметным красным крестом. Франция благодарит вас. Сбор окончен.

Офицеры разошлись. Никто не ухмылялся. Для этого положение слишком безысходно. Де Галлар проскользнула в лазарет.

В утреннем небе появилась дюжина «Дакот». Легкие зенитки Вьетминя с передовых позиций открыли огонь. Тут же группа самолетов разделилась, каждый пытался увернуться от взрывающихся вокруг них снарядов. После короткого перерыва артиллерия Вьетминя продолжила обстрел. В долине поднимаются фонтаны земли. «Дакоты» исчезли. Крохотный пятачок, все еще

называемый крепостью, слишком мал, чтобы сбрасывать на него контейнеры, не рискуя при этом быть сбитым.

- Теперь я тоже чувствую лето, – заметил вдруг Кванг До. И на самом деле воздух в долине очень быстро стал теплым, влажным и душным. Кенг показал на вершины гор на западе, над которыми собирались сине-черные грозовые тучи. Через полчаса над долиной разразилась первая теплая летняя гроза.

В своем бункере де Кастри по все еще исправной рации говорил с Коньи в Ханое. Коньи жаловался, что погода стала совсем непредсказуемой, надвигается летний муссон. Де Кастри это было интересно потому, что число самолетов, способных вылететь с Гиа-Лама, чтобы хоть попытаться сбросить грузы над крепостью, из-за этого еще уменьшится. Пилоты «Летающих тигров», летающие вместо обычных армейских летчиков на больших С-119, отказываются взлетать.

- Как обстоит дело с деблокирующими частями из Лаоса? – спросил де Кастри.

Уже много дней распространялись слухи, что из Лаоса к Дьенбьенфу двигается маршевая группа для удара по тылам Вьетминя, что должно было в последнюю минуту помочь разбитой крепости. Но Коньи смог лишь сообщить, что эта маршевая группа застряла в районе Муонгкхуа. О дальнейшем продвижении ее пока не могло быть и речи. Поэтому он решился на бегство вперед: – Я рекомендовал бы вам двинуться навстречу этой группе. Да, прорыв.

Коньи не говорил об этом варианте с Наварром и прекрасно осознавал скрытое за ним лицемерие. – Главкомандующий строжайше запретил любую форму капитуляции, даже в самых сложных обстоятельствах. Так как мы не хотим массового самоубийства, дорогой де Кастри, нам остается лишь прорыв. Оставить противнику разрушенный объект и ускользнуть от него. Я вижу шансы для этого на южном направлении. Вьетминь в настоящий момент не настроен на преследование; эффект внезапности на вашей стороне. Итак...

Но он не отдал четкого приказа. Так ему было удобнее взвалить ответственность на де Кастри, если тот действительно отважится на прорыв и – выживет. Но в это сам Коньи давно не верил, потому что хорошо знал о положении войск в крепости. – Как только позволит погода, мы высадим у вас новых добровольцев. Свежие силы. Они смогут прикрыть прорыв.

Он не дал определенных инструкций. Де Кастри заметил это, но он знал, что не может больше рассчитывать на какую-то поддержку. Прорыв? Может быть, действительно, это шанс?

Подполковник Ланглэ вызвал штабных офицеров, которые в большинстве своем прятались от артобстрела в своих земляных норах подальше от командного пункта. Полдюжины их постепенно собрались: грязные, промокшие насквозь, усталые. Ланглэ сообщил им, что принято решение о прорыве под кодовым названием «Альбатрос». Потом он показал на карте три направления прорыва, указывающие на юг. По его представлению, примерно две тысячи оставшихся боеспособных бойцов должны быть разделены на три группы, прорвать кольцо блокады и по узким долинам рек и глубоким джунглям двигаться в направлении Муонгкхуа, где их, возможно, ожидают направленные для деблокирования войска.

Офицеры штаба были уже слишком деморализованы, чтобы их вдохновила такая идея. Они устало кивали, слушая предложения Ланглэ. Впрочем, они и так знали, что им даже не удастся прорвать кольцо блокады, не говоря уже о том, чтобы пройти сотню километров по непроходимым джунглям. Для этого все оставшиеся в крепости солдаты слишком слабы. Боеприпасов осталось очень мало. Нет, эти остатки гарнизона уже не способны на атаку! В конце совещания Ланглэ предложил, чтобы офицеры сперва скомплектовали маршевые группы, а там посмотрим.

Когда все ушли, и Ланглэ остался с де Кастри наедине, он сказал ему: – Положение безвыходное. Слишком поздно. Спасти нас сможет только перемирие, но им должно заняться наше правительство в Женеве, Вот так обстоят дела...

В Женеву к этому моменту уже пришла весна. В конференц-зале на окраине города министры иностранных дел СССР, Франции, США, Великобритании, премьер-министр Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг, премьер-министр Китая и делегаты Северной и Южной Кореи установили уже первые контакты. «Император» Бао-Дай, в результате своей инициированной японцами карьеры ставший формальным правителем профранцузского марионеточного режима на юге Вьетнама, отказался приехать в Женеву. Он пребывал на Лазурном Берегу, куда уже успел перевести большую часть своих денег. Сотни журналистов окружили здание, где проходила конференция, многие пытались поговорить с Фам Ван Донгом. Сторонник ли он немедленного прекращения огня у Дьенбьенфу?

Премьер-министр Фам Ван Донг объяснил, что прибыл в Женеву для переговоров о мире во всем Индокитае и о суверенитете трех государств, пока еще оккупированных французскими колониальными войсками.

Министр иностранных дел США Джон Фостер Даллес держался в тени. Оттуда он дергал за свои ниточки. Официально за конференцией наблюдает его заместитель генерал Уолтер Беделл Смит. В ходе ее Даллес встретился на

арендованной ЦРУ вилле со своим британским коллегой и проинформировал его об американской позиции по индокитайской проблеме.

Иден, собиравшийся поддерживать французское предложение о заключении перемирия, так же как собирались сделать это СССР и Китай, оказался внезапно перед дилеммой. С одной стороны, у него были четкие инструкции премьер-министра Черчилля – ни в коем случае не предоставлять французам никакой военной помощи для войны в Индокитае, тем более что в Британской империи было немало проблем в своих колониях. Но, с другой стороны, Иден должен был согласиться с политической точкой зрения, которую Даллес представил ему как результат исследования, проведенного специальной комиссией, на основании которого президент Эйзенхауэр основывал свои решения.

- За последние годы мы уделяли много внимания вопросу, как эффективнее всего справиться с азиатским коммунизмом, – начал Даллес. При этом он поправил очки и постарался казаться как можно хладнокровнее. Ему не удалось бы переубедить англичан, но достаточно было, чтобы они в своих дипломатических и прочих действиях тайно и молчаливо согласились с главной линией американской политики, а не отвергали ее демонстративно.

- Видите ли, сэр Энтони, – продолжил он, пока Иден, истинный дипломат, занимался созерцанием солнечного зайчика на обоях, – мы не поддержим предложение французов о прекращении огня, потому что мы убеждены, что оно нанесет ущерб духу французского народа, его желанию защищаться от коммунизма. Так как мы хотим предотвратить распространение коммунистической системы в Индокитае, мы назвали французскому правительству условия, при которых мы сможем помочь ему в большей мере, чем раньше... Иден не прерывал его, для этого он был слишком вежлив, но воспользовался паузой, сделанной Даллесом, чтобы спросить: – Верно ли, что США планируют провести в Индокитае операцию ООН в стиле интервенции в Корее?

- Это одно из пяти наших предложений, кстати, самое последнее. Зависит от выполнения первых четырех: все государства Индокитая получают государственный суверенитет и организуют свой государственный аппарат под нашим контролем. Соединенные Штаты берут на себя главную ответственность за создание и обучение местных вооруженных сил, мы же отвечаем за их военное планирование. И, наконец: французские войска в Индокитае продолжают бороться против распространения там коммунизма, не требуя в случае стабилизации положения вывода наших военных контингентов, которые мы ввели в этот регион за последние годы.

Когда Иден задал свой вопрос, он прозвучал остро: – Есть ли признаки того, что французская сторона согласится с этим?

Даллес ответил не менее остро: – Есть признаки того, что французская сторона в Индокитае на исходе своих сил, как в военном, так и в политическом аспекте. Волей-неволей ей придется согласиться с нашими предложениями, сэр Энтони.

Иден улыбнулся. Он все понял. США на чашу весов положили свой экономический и военный потенциал. Францию переиграли.

Эта игра длилась долго. В 1952 году США помогли обессиленной после Второй мировой войны Франции сначала шестью тысячами тонн военных грузов в месяц – в основном из остатков своих военных запасов, чтобы она смогла подкрепить свои колониальные претензии в Индокитае. За год эта помощь стоила около двух с половиной миллиардов долларов. В 1953 году США взяли на себя уже 70% расходов Франции на войну в Индокитае. В 1954 году эта цифра должна была вырасти до 80%, как проговорились в Вашингтоне. Американские интересы вполне ясно просматривались.

Чтобы дать Даллесу понять, что Великобритания располагает многовековой традицией в запутанном искусстве дипломатии, Иден задал еще один вопрос: – Прав ли я в своем предположении, что Соединенные Штаты были бы готовы изменить отдельные свои предложения еще в ходе беседы с союзниками, не так ли?

Даллес покровительственно кивнул. – Конечно, мы можем обсудить тот или иной вопрос. Для США дело в принципе: уже сами переговоры с коммунистическими представителями, на конференции вроде этой, означают их признание. Со стороны Соединенных Штатов этого не будет. Поэтому мы остаемся в роли наблюдателя. Мы не будем подписывать никаких деклараций или соглашений. И оставим за собой право предпринимать в будущем необходимые нам меры.

- Боюсь, что французы едва ли смогут продолжать свои военные операции во Вьетнаме, – холодно заметил Иден. – Вы просматривали французские газеты?

- Я получаю из них выжимки. Французская пресса за малым исключением полна коммунистических агентов.

- Тем не менее, население, в общем, настроено против продолжения войны. Тысячи людей участвуют в демонстрациях. Молодые девушки, как я слышал, ложатся на рельсы, чтобы помешать поездам с военными грузами. Мой опыт подсказывает, что правительство не сможет долго это игнорировать.

- Сволочи! – выругался Даллес. – Им следовало загнать всю эту банду в норы, а потом заняться тем, что можно было бы назвать политикой!

Иден скорчил кислую физиономию. Это было самое большое, на что был способен такой воспитанный человек, чтобы выразить свои чувства. – Не то, чтобы я оспаривал ваши оценки, мистер Даллес. И ваши предложения по сдерживанию азиатского коммунизма я считаю уместными. Можем ли мы прийти к общему выводу, что Великобритания разделяет ту оценку ситуации, которую вы мне сообщили, но что мы по причинам, делающим невозможным наше активное участие в действиях вашего государства в обсуждаемом регионе, сначала все-таки поддержим предложение о подписании перемирия? Это позволит нам в будущем поддержать каждое действие Соединенных Штатов, под предлогом, что ситуация изменилась. Каким образом будет осуществляться наша поддержка, решиться в конкретный момент. Если позволите, я объясню вам преимущества такого подхода: у наших противников возникнут надежды, которыми мы сможем воспользоваться, чтобы выиграть время...

Даллес уже достаточно давно знал Идена, чтобы его удивила его гибкость. Поэтому он выразил свое удовлетворение. Игра с заранее распределенными ролями всегда могла принести удачу. Будущее в любом случае будет выглядеть так, что Соединенным Штатам нужно будет расширить свое вмешательство во Вьетнаме.

- Благодарю вас, сэр, – сказал он. – Я немедленно проинформирую об этом моего заместителя. Вы согласны, если мы будем немедленно сообщать вам об изменениях ситуации?

Иден ответил традиционной английской фразой: – Мы остаемся в контакте!

Что мистер Даллес не сообщил своему английскому коллеге, был реальный, непредставимый для непосвященных размах тихого американского вмешательства во Вьетнаме, сначала в согласовании с французским командованием, но в полном понимании того, что вскоре этого самого французского командования тут больше не будет. Американский генерал О'Дэниел развивал с Наварром уже довольно интенсивное сотрудничество в военной области.

Из МААГ, как называлась американская миссия по консультациям и оказанию помощи, образовался своеобразный маленький генеральный штаб. Ввиду силы Вьетминя, особенно на севере, основное внимание американцев обратилось на юг, с центром в Сайгоне. Туда прибывало все больше так называемых «техников», наземный персонал и механики самолетов. Инструкторы и радисты высаживались в южновьетнамской метрополии и принимались за работу, состоявшую в том, чтобы предоставить остаткам созданных французами местных вооруженных сил современное вооружение и технику и обучить их новым методам ведения войны. Однако в первую очередь министр иностранных дел США попросил своего брата Аллена Даллеса, шефа ЦРУ, осуществить нацеленное на будущее мероприятие: Управление должно было,

так сказать, за спиной французов, создать скрытно действующую организацию на юге, готовящую методами нетрадиционной войны почву для позднейшего расширения американского влияния.

Аллен Уэлш Даллес, специалист по тайным операциям, так определил цель: – Подразделение будет называться SMM – Saigon Military Mission («Военная миссия в Сайгоне»). Она, не привлекая к себе внимание, устроится на юге и поддержит местные антикоммунистические силы (вьетнамские, а не французские!) во всех формах ведения тайной войны, для подавления коммунизма в этом регионе. Размещенные там французские войска будут рассматриваться как дружественные союзники.

Стоило шефу ЦРУ услышать пояснения своего брата, он тут же понял, что лишь один человек может стать руководителем операции. Это был самый способный и опытный в Азии разведчик – полковник Эдвард Дж. Лансдейл. В данный момент он еще пребывал в Маниле, где долгое время занимался борьбой с коммунистической повстанческой армией «хуков». Благодаря его помощи, «хуки» были практически нейтрализованы. На Филиппинах Лансдейл опробовал множество своих весьма необычных идей, направленных на то, чтобы не просто бороться с вооруженным освободительным движением наступательными методами, но и подрывать его изнутри. В этом он преуспел вместе со своим закадычным другом Рамоном Магсайсаем, ставшим теперь филиппинским президентом и правившим в интересах Соединенных Штатов, которые построили на островах самые большие военно-морские и военно-воздушные базы за пределами собственной территории. Но Лансдейл не был тем человеком, которому можно было просто приказать. Он был редким специалистом высокого класса, с которым нужно было сперва в дружеской форме обсудить новую работу.

Хорошо выглядевший, в прекрасной форме мужчина 46 лет, родом из Детройта, он сделал карьеру офицера в ВВС и окончил университет в Лос-Анджелесе. Разведывательные задания он выполнял еще во время Второй мировой войны, а после нее был принят в ЦРУ теми людьми, которые превосходно знали его выдающиеся способности, после чего выполнил немало деликатных заданий.

Лансдейл обладал важным преимуществом – он одинаково уверенно чувствовал себя и на скользком дипломатическом паркете и на заминированной тропе в джунглях. Он мог очаровать супругу посла на приеме, и с таким же успехом нанять мелкого гангстера в гонконгской таверне, который за пару сотен долларов зарезал бы проезжавшего политика из любой страны, а уж Лансдейл позаботился бы о том, чтобы большие бульварные газеты приписали это убийство коммунистам.

- Примечательное задание, сэр, – сказал Лансдейл, когда Даллес лично проинформировал его о новом поручении после удачного завершения дел на Филиппинах. Он думал о том, кого он знал на новом театре действий, еще со старых времен, на кого мог бы положиться, и кто смог бы стать его ближайшим сотрудником.

- Это долговременное задание, полковник, – подчеркнул Даллес. – Оно, вероятно, продлится годы. А закончится лишь тогда, когда Индокитай прочно будет в наших руках. Так же прочно, как Филиппины. Это, так сказать, мягкое подбрюшье Азии. Тихий океан это американское море и останется им. Индокитай, с этой точки зрения, будет нашим важнейшим передовым постом на противоположном материке...

Я понял, сэр. Каковы мои полномочия?

- Вы подчиняетесь напрямую мне. Никто больше не может вам указывать. Ни наш посол во Вьетнаме, ни генерал О'Дэниел, глава консультативной миссии наших вооруженных сил. На первой фазе в качестве контактного лица с вьетнамской стороной с вами будет работать руководитель бюро Информационной службы Соединенных Штатов. Ваше прикрытие – заместитель военно-воздушного атташе.

К концу разговора оба мужчины были едины во мнении. Полковник Эдвард Лансдейл будет своими методами пробивать дорогу для постоянного расширения американского вмешательства, организуя тайную борьбу против коммунизма во всем Вьетнаме. Он вернулся в свой отель в Вашингтоне, выпил сначала в тишине виски без воды и безо льда. Потом начал готовиться к поездке.

Для своих французских союзников брат шефа ЦРУ министр иностранных дел Джон Фостер Даллес придумал в эти дни еще один психологический трюк. Он должен был помочь поддержать боевой дух французского экспедиционного корпуса, пока США спокойно подготовятся к безопасному взятию этого театра войны в собственные руки.

- Найдите Калдеру, – приказал министр курьеру, который через пару часов должен был вылететь в Манилу, молодому бравому майору ВВС, выполнявшему уже не первое задание такого рода. – Я хотел бы, чтобы он вылетел в Сайгон. Срочно. Все, что ему нужно делать, написано в моем письме. Еще я хочу, чтобы после прочтения письма он тут же позвонил мне. Хорошего путешествия!

Генерал Калдера, профессиональный военный, принял курьера в своем штабе на американской авиабазе Кларк-Филд недалеко от филиппинской столицы с некоторым скепсисом. Он командовал дальневосточной воздушной армией США, мощной военной силой, и он привык получать приказы только от

своих военных начальников в генеральном штабе. Здесь было не так. Пару дней назад его уже предупредили из Пентагона, что он должен со всей старательностью выполнить поручение, которое передаст ему Даллес.

- Ну а что это, – спросил Калдера ожидавшего курьера, прочитав послание госсекретаря, – предложение или приказ?

Майор осторожно ответил: – Я просто курьер. Я не знаю содержания.

Калдера и не ждал ответа на свой вопрос. Это было просто выражение негодования, потому что ни один военный в мире не любит, когда гражданские приказывают, что ему делать. Он взял телефон и приказал связаться с Ханом и узнать, кто его встретит, если он прибудет туда примерно через 12 часов. Потом он отпустил курьера, посоветовав скорее лететь назад. – Иначе может получиться, что я буду в Ханое раньше, чем вы сообщите мистеру Даллесу о передаче его послания.

Через несколько минут Калдера получил ответ. Кроме французского верховного комиссара Мориса Дежана с ним будут вести переговоры Коньи и направленный Наварром офицер ВВС.

- Переговоры – это хорошо! – веселился Калдера, сидя в своем четырехмоторном С-119 и смотря на тонкий слой облаков, похожий сверху на пуховую перину. – Я прилетаю сюда скорее как фокусник-новичок, еще опасющийся выхода на сцену!

Но когда он выполнил задание Даллеса в Ханое, страх сцены прошел; он чувствовал себя уверенным как всегда. Ему удалось обмануть французов, с которыми он вел переговоры, скрыв от них настоящую цель его миссии, как это и задумывалось Даллесом. Обманул всех, кроме Коньи. Старый лис, правда, тоже не сомневался в искренности американских предложений, но сомневался в ожидаемом эффекте.

Калдера предложил французам измененный вариант старого плана «Гриф», который в последнюю минуту мог бы переломить ситуацию под Дьенбьенфу. Вместо политически неприемлемой атомной бомбардировки должна была быть оказана помощь обычными средствами. До восьмидесяти четырехмоторных тяжелых бомбардировщиков В-29 «Суперкрепость», входивших в дальневосточную авиадивизию, подчинявшуюся Стратегическому авиационному командованию США, должны были три ночи подряд одновременно разбомбить кольцо осады Вьетминя вокруг затерянной в джунглях крепости, а затем свежие французские парашютисты, десантировавшись там, смогут все-таки выиграть битву.

В-29 могли, подсчитывал Калдера перед своими слушателями, пролететь расстояние от Кларк-Филда до Дьенбьенфу и обратно, при этом взяв на борт

восемь тонн бомб. Части Стратегического авиационного командования привыкли проводить ковровые бомбардировки с больших высот. При большой эффективности таких бомбежек по площадным целям свои потери будут очень малы, так как зенитные пушки вьетнамцев не смогут уничтожить самолеты на таких высотах. Калдера подчеркнул, что это предложение поступило непосредственно из Вашингтона и его нужно рассматривать как замену неосуществимых планов использования атомных бомб.

Предложение вызвало раздумья трех французов. В-29 был известен как ужасное оружие. Кое-кто называл его «ангелом-хранителем Тихого океана». Это название появилось неспроста. После того, как только что принятые на вооружение В-29 использовались для первых атомных бомбардировок Японии в августе 1945 года – с варварскими последствиями, американские психологи решили, что умелой рекламой можно сделать из негативного имиджа позитивный. Это подтвердилось уже пять лет спустя, когда эскадрильи В-29 во время Корейской войны опустошили своими ковровыми бомбардировками огромные части этой страны. Так в официальном лексиконе этот самолет стал называться «оружием, защищающим наше полушарие».

Коньи не высказал замечания, что он считает битву под Дьенбьенфу проигранной в любом случае, и что во всем Индокитае французы не наберут уже достаточно сильных свежих парашютных подразделений, которые можно было бы десантировать в разбитую котловину. Он получил указание Наварра стимулировать американцев к предоставлению дальнейшей помощи.

Дежан, хоть это и не входило непосредственно в его компетенцию, все-таки осведомился по поводу расходов. Ему ответили, что Калдера за это не отвечает, это дело правительств.

Командующий ВВС Наварра генерал Лозен наконец, подошел к технической осуществимости использования огромных бомбардировщиков. Ему было известно, что В-29 действуют с высоты примерно десяти тысяч метров и не располагают обычными бомбовыми прицелами, а пользуются системой радионаведения, то есть, бомбят «вслепую», получив над целью радиосигнал.

Этот вопрос потребовал от Калдеры в полной мере продемонстрировать весь свой талант фокусника. Он сказал: – Я думаю, нам нужно всего три радиобуя для наведения на цель. Один к востоку от крепости, другой на северо-западе, а третий – на юго-западе.

- Вы говорите об области, контролируемой Вьетминем, сэр, – напомнил ему Лозен. – Как можно там будет установить эти устройства?

Со всей искренностью Калдера ответил: – На наших авианосцах в Тонкинском заливе есть специальные самолеты, которые смогут сбросить эти устройства в необходимом месте за считанные часы.

Потом он подождал, пока его партнеры выложат свои плохие карты. Ждать пришлось недолго. Коньи, как бы походя, сказал: – Означает ли это, что нам придется найти места для систем радионаведения и охранять их?

- Да, по возможности в безопасной местности.

- Радиобуи вместе с генераторами?

- Да. Речь идет о сравнительно легких дизельных агрегатах. Мы их вам поставим, само собой разумеется. И настроим. Но вот защита... ею придется заняться вашей стороне.

Этим он, так сказать, вынул из рукава пятый туз, и показал его так непринужденно, что Коньи засомневался в его компетентности.

- Как вы себе это представляете, сэр? Знаете ли вы, что происходит в областях, контролируемых Вьетмином? Мы рады, что Вьетминь пока не содрал с нас шкуру здесь, в дельте. Но там, в горах, в джунглях, нет ни одной тропы, за которой не следил бы Вьетминь. Ни одной деревни, где нет их информаторов.

Теперь, подумал Калдера, пришло время изобразить волнение, представить им себя беспомощным. Наступила тишина. Наконец Лозен спросил, не было бы возможным наводить бомбардировщики с помощью сбрасываемых с воздуха связок осветительных бомб, как это делалось во время Второй мировой войны. – Так называемые рождественские елки...

Калдера, изображая сожаление, покачал головой. – К сожалению, нет. У нас есть негативный опыт из Кореи. Если на земле ведется интенсивный артобстрел, экипажи В-29 не смогут с такой большой высоты различить эти световые целеуказатели и, например, залпы реактивных минометов. Бомбардировка будет походить на лотерею. А с восемью тоннами бомб на каждой машине это большой риск. Поймите меня правильно – я не опасаюсь за наших летчиков. Они в безопасности на такой высоте. Но у вас там внизу стоят ваши войска, и стоит «выложить бомбовый ковер» на центр вашей крепости – нет, это будет концом для ваших укреплений, как их мне описывали...

Я не хотел бы нести за это ответственность, – ворчливо подтвердил Коньи.

Калдера увидел, что его расчет оправдался. Хотя, на самом деле, это был расчет хитрого мистера Даллеса. Он по-прежнему держался готовым помочь и предложил, чтобы французская сторона еще раз спокойно все обдумала и поискала возможности для размещения радиобуев. Сам он будет держать свои авиачасти в боевой готовности. За 72 часа они будут готовы к вылету.

Он так умело провернул дело, что его французские партнеры были, очевидно, растроганы тем, как по-братски великая Америка предложила им свою помощь.

Точно так же, как и в вопросе о возможном использовании атомной бомбы, Даллесу с помощью этого трюка удалось создать у французов впечатление американской готовности к бескорыстной помощи. К сожалению, лишь фатальные обстоятельства мешают этому, как заметил даже сам верховный комиссар Дежан в момент отлета Калдеры.

Соединенные Штаты напряженно ждали своего шанса в Индокитае. Но они были хорошими игроками в покер. С нейтрально-дружеским лицом они ожидали, пока их соперник Франция со смертельной уверенностью окажется у последней черты. Вьетминь они вначале не рассматривали ни как партнера для переговоров, ни как серьезного противника. Они просто учли, что народная власть сконцентрировала свои силы на севере страны, чтобы окончательно прогнать оттуда французов. Из этого возникала возможность начать американское продвижение с юга. Сайгон, дельта Меконга, а потом можно будет продвигаться дальше на север. Планы США были долгосрочными, а Франция непреодолимо скатывалась все глубже в дилемму неизбежного поражения.

В те дни, когда Гастон Жанвилль не ползал с мегафоном по грязным траншеям на передовой, призывая своих земляков к разуму, он в последнее время сидел в одной из хижин близ Туан-Гиао и делал работу, заставлявшую его становиться то печальным, то решительным, то яростным.

Однажды, когда его рана зажила настолько, что он смог уже ходить и осторожно пробовал садиться, причем вначале резко втягивал в этот момент воздух сквозь сжатые зубы, к нему подошел начальник агитационной группы, солдат с прекрасным знанием французского языка и с почти неисчерпаемым терпением, который готовил Жанвилля и других к действиям на фронте.

- Ты можешь снова сидеть, как я вижу. Я рад, что все кончилось хорошо.

Жанвилль знал, что этот вьетнамец был заядлым курильщиком и протянул ему пачку «Котаб», которых можно было вдоволь насобирать там впереди между траншей. Трофей из попавших не по назначению и треснувших французских контейнеров.

- Спасибо. Агитатор взял одну сигарету.

- Бери всю пачку, а потом сможешь забрать хоть целый мешок для других. Мы с Кенгом насобирали их для лазарета, но там хватит и для вас.

Агитатор вытащил свою зажигалку, сделанную из патронной гильзы, закурил, и с удовольствием втянул в себя дым. Потом он, походя, заметил: – Так как я тут стою, то я предложил бы после войны назвать одну из наших марок сигарет «Дьенбьенфу»!

- Ты не стоишь, а сидишь, – сухо заметил Жанвилль.

Тот, в его же духе ответил: – Причем, в отличие от тебя, у меня при этом не болит задница. Не так ли?

Жанвилль улыбнулся. – Зато я уже вообще могу сидеть, это уже многое, правда? И знаешь ли ты, кого я за это должен благодарить? Одну красивую девушку, которая два раза в день осторожно втирает в мои самые деликатные части чудодейственную мазь из волшебного сундучка профессора Тунга. Вот так!

Агитатор сообразил, что наигранная веселость Жанвилля была чем-то вроде его самозащиты от того, что ему пришлось здесь увидеть. Но с другой стороны, такие люди, как этот «шут» обогатили свои до сего момента теоретические знания о возможности изменить сознание колониальных солдат практическими примерами. Стало необходимым получить об этом ясное представление в связи с теми бесчисленными пленными, кого Народная армия захватила лишь за последние дни. О них ей теперь приходилось заботиться. Жанвилль тут мог бы во многом помочь. Но сегодня агитатор пришел к нему, чтобы попросить об услуге, которую француз мог бы оказать своим погибшим землякам.

Колониальные солдаты или нет, главнокомандующий принял решение, что они были людьми, у них были семьи, родители, жены, подрастающие дети. И они имели право знать, где погибли их сыновья, мужа, отцы.

Вопрос такта. Хотя эти мертвые при жизни очень часто становились добровольными инструментами террора и смерти.

- Нам нужны списки людей, которых мы хороним, – пояснил агитатор, – с отметкой, где они лежат. Имена, домашние адреса, служебные номера с их жетонов. Но у нас мало солдат, которые знают французский и могли бы все это делать. А с другой стороны, при такой жаре и приближающихся дождях мы не можем долго оставлять трупы непогребенными...

- Да, да, – прервал его Жанвилль, – ты меня убедил. Оставь мне бумагу и пришли все найденные у погибших личные документы!

Теперь он целыми днями сидел среди легкораненых, в тени высоких деревьев, куда грохот взрывов доносился из-за горных цепей. Он строчку за строчкой вписывал имена французских, марокканских, алжирских, немецких и

других погибших. Иногда он останавливался и задумывался: – Не слышал ли я раньше этого имени? Нет, это был другой Годдар или Буве. Тот, кого я знал, был не из Марсея, нет, из Нормандии...

Ночью, одной из последних в апреле 1954 года, Жанвилль вместе с Кенгом снова отправился на фронт. До этого он посетил профессора Тунга, чтобы попрощаться. Доктор ощупал шрамы, кивнул и заметил: – Все в порядке. Зажило хорошо. Я желаю вам успеха. Уже потому, что там ценен каждый человек на той стороне, который прекратит сопротивление.

Он вызвал Ба, как раз наматывавшую выстиранные бинты. На пару минут оба остались одни. Они говорили мало, прижавшись друг к другу, и Ба прошептала: – Ты должен выдержать и вернуться, слышишь!

Он успокоил ее, сказав, что теперь будет ползать на животе по самой ужасной грязи, про осторожность ему не дадут забыть шрамы.

Вернулся Тунг. Он держал два прямоугольных куска марли с прикрепленными к ним ленточками. – Это я подготовил для наступления, – объяснил он. – Там между воронок лежит полно сгнивших трупов, вонь не дает солдатам дышать. Кроме того, это еще и вопрос гигиены.

Он показал Кенгу и Гастону, как нужно привязывать эту тряпочку, подобно повязке хирурга, перед носом и ртом.

Над горными грядками трещали молнии сквозь густые черные тучи, на нижней стороне которых отражались отблески взрывов снарядов. Оба мужчины пробирались по частично обвалившимся траншеям к французскому укреплению, обозначенному на их картах как 505, лежавшему на дороге в Туан-Гиао. Французы построили его как внешний пост системы укреплений «Доминик», он был так далеко на востоке, что его до сих пор не взяли. Но теперь ударные отряды Народной армии были готовы к его штурму. Командир встретил Жанвилля, которого уже знал, с коробкой парижских конфет, предложив их со смехом. – Угощайтесь, сегодня у нас праздник, а тут еще как раз прилетел контейнер со сладостями!

- Праздник? – попытался вспомнить Гастон Жанвилль. Было трудно запомнить все вьетнамские праздники. Что же сегодня? Тэт давно прошел.

- Первое мая! – разъяснил ему командир. Жанвилль взглянул на Кенга. Тот смущенно поднял брови. Он тоже забыл об этом дне, потому что с утра переходил с одного поста на другой.

- Итак, – сказал он теперь и полез в предложенную коробку с конфетами, – отпразднуем Первое мая вот так!

- У вас два часа времени, – объяснил командир.

- Не дольше? А почему?

- Ровно через три часа мы уже будем там. Командир показал на французские баррикады из мешков с песком. Жанвилль понял. Атака.

Когда он заговорил в мегафон, в ответ послышалась стрельба из винтовок. Но огонь был слаб. У французов было все меньше патронов, поэтому им было приказано стрелять только тогда, когда атакующий противник был хорошо виден. Сегодня никто не решился последовать призывам Жанвилля. Он ругался, но тут ничего нельзя было изменить.

Штурмовые части Народной армии за последние недели много раз отрабатывали атаку на находящиеся перед ними позиции. Их тактические методы улучшились. Когда был подан сигнал к штурму, легкие минометы уже успели сильно повредить баррикады противника, а теперь повсюду вынырнули стрелки, взявшие под прицельный обстрел выживших защитников. В это время атакующие группы рванулись вперед. Не прошло даже предсказанного командиром часа, как укрепление 505 пало. Пара небритых грязных типов с впалыми щеками, сцепив руки за головой, отправилась в плен в тыл.

Гастона Жанвилля нельзя было удержать. Кенг едва успел последовать за ним, когда он в ярости прыгнул между мешков с песком, где рядом с разнообразным брошенным оружием лежали погибшие и раненые.

- Вы идиоты! – в бешенстве кричал Жанвилль. – Почему вы не послушались меня? Что, вас нужно сделать калеками, только тогда вы перестанете подыхать ради французских богачей? Вы настоящие идиоты, вот вы кто!

В глазах его были слезы ярости. Внезапно начался дождь, сильный, громкий, с тропической грозой. Удары грома заглушались грохотом боя. Наконец, Кенгу удалось успокоить бушевавшего Гастона. Он натянул плащ-палатку над собой и им, и под нею им удалось закурить.

Когда дождь кончился, штурмовые группы уже двигались по направлению к берегу реки.

- Пошли, – подгонял Кенг Жанвилля, – мы тут одни и нам нельзя здесь оставаться.

Стоило Жанвиллю двинуться, как он поскользнулся. Он стоял на ноге засыпанного землей мертвеца, думая, что это ветка. Теперь ливень смыл грязь с лица мертвого француза. Когда над соседним опорным пунктом, оборонявшимся нервничающими легионерами, взвилась в небо осветительная ракета, и ее белый свет распространился над окрестностями, Жанвилль узнал лицо

погибшего. Он наклонился к нему, чтобы удостовериться. Да, это был он. Его имени Гастон не смог вспомнить, но тогда, в Лаосе, когда Жанвилль уже был опытным военным, этот паренек только что прибыл с родины. Хотел воевать против «дикарей». И он вовсе не был глуп, но, тем не менее, оказался готов пожертвовать своей жизнью ради любого безумного приказа. Мечтал о девочках дома. Все кончилось. Ему двадцать лет, и он лежит втоптаный в грязь Дьенбьенфу. «Mort pour la France» – напечатают родители под его фотографией, «Погиб за Францию». На фото будет красивый, хорошо выбритый голубоглазый парень с короткими светлыми волосами. Не то, что лежит сейчас перед ним.

- Пойдем отсюда, – сказал Жанвилль неподвижно стоявшему рядом Кенгу. – Попробуем добиться большего успеха в другом месте...

ПОСЛЕДНИЙ БУНКЕР

Огонь вьетнамской артиллерии непрерывно продолжался два дня подряд после первого мая. С регулярными перерывами вьетнамцы быстро вытаскивали орудия из своих казематов, и после выстрела тут же оттягивали назад в безопасное укрытие. Бесчисленные колонны добровольных носильщиков в ходе битвы продолжали доставлять боеприпасы из тыла; двигались грузовики, буйволиные упряжки и велосипеды. Мужчины и женщины даже по цепочке передавали снаряды в окрестности Туан-Гиао.

Все последовали призыву местных партийных комитетов – внести свой вклад в общую победу. Это были не только добровольцы, которые доставляли снаряды, позволившие вести непрерывный огонь по французским позициям. Женщины в горных деревнях из окрашенного в камуфляжную расцветку шелка вражеских парашютов шили маскировочные чехлы для тропических шлемов и кабин грузовиков, мастерили сандалии из автомобильных шин, красили ткани для униформы и заготавливали продукты. Собранный на полях арахис в расплавленном тростниковом сахаре стал любимым лакомством солдат, помогавшим им утолять голод до прибытия транспортов с провизией. Табак упаковывался в кисеты, вместе с рисовой бумагой или кукурузными листьями, чтобы бойцы сами смогли скрутить себе сигарету. Не в последнюю очередь лазареты опирались на помощь крестьян. Старухи и молодые девушки оказывали тысячи мелких услуг, необходимых там ежедневно. Они стирали бинты, делали ватные повязки из хлопка, резали бамбук, используемый для шин.

Если вначале Верховное главнокомандование опасалось, сможет ли оно организовать тыловое обеспечение и снабжение для самой большой битвы в истории вьетнамских освободительных сил, то затем оказалось, что объединенные усилия сотен тысяч превзошли те технические преимущества, которые были у французов.

Кенг-невидимка во второй половине дня 3 мая сидел среди разрушенных баррикад из мешков с песком на взятом еще несколько недель назад опорном пункте Хим-Лам и курил.

Он привел сюда врача Нгуен Донг Кванга, человека из школы профессора Тунга. Доктор Кванг должен был создать в захваченном предполье крепости вспомогательные лазареты и перевязочные пункты. Обычно для этого дела не было никого, кроме обученного санитаря или студента-медика, вынужденного прервать учебу, чтобы оказывать помощь.

Не было и медицинского оборудования. Но зато можно было воспользоваться многими вещами, оставшимися на поле битвы. Из парашютов делались палатки и простыни для тяжелораненых. Тут можно было найти сброшенные французам с самолетов контейнеры с перевязочными материалами, канистры, посуду, даже хирургические инструменты в грязи. При этом заботиться приходилось не только о раненых вьетнамцах. Был приказ о лечении и получивших ранения врагов.

За это время количество раненых защитников крепости, которых нужно было лечить, очень возросло. Для более, чем 12 тысяч колониальных солдат в Дьенбьенфу уже с самого начала боевых медицинское обеспечение французов оказалось совершенно недостаточным. Оно базировалось на абсолютно неверных расчетах. В ходе битвы медицинско-санитарная служба французского гарнизона ужалась до единственного, наполовину закопанного в землю бункера, где главный врач с несколькими помощниками трудился круглые сутки. После операции раненых выносили из бункера, и они лежали прямо тут, подверженные вражескому огню, дождю, жаре и холоду. Все чаще места для пребывания раненых в центре крепости превращались в импровизированные морги.

Разведчики Народной армии, которым удалось ночью проникнуть на вражескую территорию, сообщили, что из тридцати солдат, находившихся в среднем в узле сопротивления, десять тяжело ранены, половина других больна или только условно боеспособна из-за легких ранений. Нужно было рассчитывать на то, что когда гарнизон Дьенбьенфу, если он по приказу своих командиров продолжит борьбу, потерпит поражение и будет вынужден капитулировать, то ему придется оказывать медицинскую помощь в огромном объеме. Но верховное главнокомандование уже сейчас приняло меры, чтобы после неизбежного поражения французов создать предпосылки для оказания им гуманитарной помощи.

Когда Кенг, посасывая сигарету, задумчиво глядел на юг, он увидел клубы дыма, поднимавшиеся между «Доминик» и берегом реки. Горел резервуар топлива, возможно, тот, который должен был снабжать оставшиеся французские танки.

Над долиной нависали тяжелые тучи. Через несколько часов, возможно уже к вечеру они должны были привести к грозе. На склонах, еще не вспаханных разрывами снарядов, трава становилась нежно-зеленой, какой она остается до наступления жары. В некоторых местах были видны белые, красноватые и голубые пятна – это цвели дикие цветы, которых множество в горах в это время года.

Подошел солдат и передал Кенгу: – Доктор останется тут поработать еще на пару часов. Но ты обязательно должен подождать его. Он не знает обратной дороги. Перед самой победой он не должен по ошибке попасть в руки французов!

- Понятно, я подожду, – ответил Кенг.

Помощники врача строили на обратном склоне Хим-Лама укрытия из бамбуковых палок и покрашенного в камуфляжные цвета шелка французских парашютов. Они где-то нашли рабочий дизель-генератор, и сейчас запустили его, заправив трофейным топливом. Поступали раненые с передовых позиций. Для их лечения нужен был свет.

Кенг откинулся назад и заснул. Нужно пользоваться каждой минутой для отдыха. Кто знает, что будет ночью.

Его разбудил оглушающий треск 37-мм зениток. С северо-запада в долину влетали три В-26. С них спрыгивали парашютисты. Кенга это не удивило. Радист Кванг До уже несколько дней назад слышал передаваемое французскими радиостанциями открытым текстом сообщение, что в Дьенбьенфу будут высажены части 1-го колониального парашютного батальона для усиления обороны: отдохнувшие солдаты с большим боевым опытом, решившие помочь своим товарищам в крепости. Теперь они прыгали с самолетов, маленькие черные точки, над которыми раскрывались белые парашюты.

Кенг видел, что многие сели на левом берегу. Он сомневался, что эти подкрепления смогут принести французам какую-то пользу. Разведчики сообщали, что там уже нет связного фронта, только отдельные бункера, солдаты в которых не решаются даже показываться на поверхность, если их не атакуют непосредственно. Народная армия за последние дни разработала новую тактику. Такие и без того потерянные очаги сопротивления не стоило штурмовать сразу. Нужно экономить силы. Их следует изолировать и изматывать длительным минометным обстрелом. Когда падет центр крепости, они сдадутся сами.

Один из В-26 внезапно, поднимаясь вверх, сделал крутой поворот и устремился прямо к горной цепи на востоке. Его левый мотор задымил. За дымом появилось пламя. Машина двигалась вперед, но слишком низко, чтобы пере-

лететь через горы. И через пару секунд она с ярким взрывом врезалась в слабо поросшую лесом скалу.

Капитан Пуге, спрыгнувший с парашютом в первый раз в жизни, видел как взорвался В-26, второй пилот которого ему и другим еще пару секунд назад подал сигнал к прыжку. Теперь в разбитом самолете никто не выжил. Пуге, который заполз в наполовину заполненную водой воронку, потому что при посадке по нему откуда-то стреляли, не рискнул вылезать из нее сразу. Он еще не знал, куда попал, хотя за последние дни долго изучал карты и снятые с самолетов фотографии крепости. Но реальность была совсем не такой, как на фотографиях и картах в штабе главнокомандующего Наварра в Сайгоне, где Пуге несколько дней назад еще был личным адъютантом генерала.

Натиск Коньи, требовавшего послать новые подкрепления в Дьенбьенфу, был все-таки удовлетворен приказом Наварра о посылке туда 1-го колониального парашютного батальона. Пуге не входил в него. Он прибыл по личному приказу главнокомандующего с посланием к де Кастри, в котором говорилось, что его направление сюда нужно рассматривать как часть энергичного участия главнокомандующего в судьбе крепости.

Доберусь ли я еще к де Кастри живым? Пуге немного высунул голову, чтобы сориентироваться, как вдруг еще один снаряд взорвался на краю его воронки. Нет сомнения, его засекли. Но теперь он хотя бы смог видеть, что попал в центр когда-то входивших в «Элиан» позиций: сгнившие трупы, разрытая земля, брошенные предметы оборудования, вонючие лужи, агрессивные москиты, да еще и снайпер, ожидавший его в засаде. Через какое-то время Пуге начал тихо звать на помощь. Возможно, ему все-таки удастся обратить на себя внимание своих товарищей, которые должны лежать где-то поблизости. Они помогут ему выбраться. Но сначала никто не отзывался на его крики, хотя он кричал все громче и громче.

Группа, проходившая с наступлением темноты мимо его воронки, чуть не открыла огонь, когда его окликнули. Это были три бородатых, грязных легионера, мало похожих на солдат, направлявшихся к реке за водой. Уже много дней система очистки воды нигде не работала, и солдатам приходилось пользоваться грязно-желтым глинистым пойлом из реки Нам-Юм, если они не хотели умереть от жажды.

- Продолжай лежать, – мы заберем тебя при возвращении, – крикнул ему один из троих, после того как удостоверился, что Пуге не ранен. Нести его у них не было никакого желания.

Пуге стал проявлять нетерпение. С наступлением темноты стало холодать, а он промок до нитки после двух ливней во второй половине дня. Когда группа

снова оказалась рядом с ним, в ней было уже два человека. Они тянули ржавые металлические баки с речной водой.

- Третьего зарезали марокканцы, – ворчливо объяснил один.

- Марокканцы?

Вместо ответа главный в группе, капрал-корсиканец, спросил Пуге: – Ты кто? Снабженец?

Когда он узнал, что в грязном комбинезоне перед ним был капитан, а к тому же адъютант главнокомандующего, он непонятливо покачал головой: – Зачем они послали тебя сюда? В наказание?

- Нет! для меня это не наказание, а честь, помочь вам в таком тяжелом положении!

Оба легионера не имели никакого желания спорить с офицером о чести. Капрал просто сказал: – Ну, хорошо. Но ты подохнешь тут точно так же, как и мы, если скоро все не закончится.

- Закончится?

- Закончится, – подтвердил капрал. – Мы здесь в ловушке, как тот петух, которого запирают в бамбуковой клетке, чтобы привлечь тигра. А тигр уже тут. Повсюду тигры. Здесь ими кишит.

- И марокканцами, – прорычал другой. Капрал подкрепил эти слова проклятьями. Потом он объяснил офицеру: – Немца, который был с нами, они зарезали внизу у реки. Он не хотел дать им сигарет.

- У него их просто не было, – проворчал второй.

- У вас тут режут людей из-за сигарет? – удивился Пуге. Он знал количество грузов, сбрасываемых в контейнерах над крепостью.

Оба солдата высмеяли его, когда Пуге начал рассказывать им об этом. – Здесь, дружище, не Сайгон, даже не Ханой. Здесь Дьенбьенфу. Можно сказать – ад. Контейнеры достаются Вьетминю. А мы лежим в грязи и зарываемся в нее. После того, как наш генерал отдал приказ стрелять в дезертиров на берегу реки, они стреляют в каждого из нас, кто идет за водой. Чтобы сберечь патроны, они пользуются ножами. Видел ты марокканские ножи? Он показал на свою шею. – Одним движением доходит до позвоночника. Мы сразу бросили немца в реку. Сейчас его, наверное, течение проносит мимо «Изабель».

Стало так темно, что стрелок, много раз пытавшийся подстрелить Пуге, прекратил огонь. Оба водоноса взяли с собой капитана в «Элиан», где на холме, обозначенном Народной армией как А-1, все еще сидела группа французов. Удобная позиция не позволяла атаковать их. Пуге выслушал доклад командующего там лейтенанта о ситуации. Он прислушивался к шорохам внутри холма, на которые ему посоветовали обратить внимание. Но это был лишь очень тихий, спорадический шум, и он не придал ему никакого значения. Потом по еще работающей радиации он сообщил о себе де Кастри: – Главкомандующий послал меня к вам, чтобы доказать его тесную связь с защитниками Дьенбьенфу, мой генерал...

- Благодарю, – кратко ответил де Кастри. – Что он еще прислал?

- Части 1-го колониального парашютного батальона направляются к вам...

- Да, я знаю. У де Кастри не было никакого желания дальше общаться с этим странным новичком. Он приказал: – Оставайтесь на «Элиан». Так как вы новичок в крепости, я не могу передать вам командование этим опорным пунктом. Но я уверен, вы сделаете все, чтобы защитить честь Франции.

Пуге заметил, что это было пустой фразой, но его это уже не слишком удивило. Со времени его приземления здесь мир в его глазах перевернулся. Все, что имело значение в Сайгоне, ничего не значило здесь – в этом котле, полном колючей проволоки и воронок от снарядов, распаханном окопами, превращенном дождями в грязную пустыню, где обросшие, похожие на бродяг люди, делали что-то, что генерал де Кастри именовал защитой чести Франции.

Ночью Пуге в своем промокшем мундире, который нигде нельзя было высушить, сидел перед блиндажом и жевал совершенно безвкусный, противный консервированный кекс, который легионеры притащили из американского контейнера. Он назывался «Pacific-Ration». Через какое-то время Пуге его выплюнул. Из той же упаковки он попробовал сухой инжир. Едва он съел пару штук, как сидящий рядом легионер предупредил: – Осторожно, не ешь их много! Будешь срать в воздух фонтанами. А Вьетминь любит целиться в офицерские задницы...

Перед входом в штаб Народной армии Ань Чу поставил маленький стол и пару скамеек. Офицерам нравилось расслабиться тут за чашкой чая после долгих военных советов. Тут было еще немного выпечки из одной соседней деревни. Хо Ши Мин только что объявил, что Фам Ван Донг из Женевы сообщил ему о начале переговоров. Французы проявили интерес к быстрому прекращению конфликта. С этим согласились и англичане, а также, естественно, советский и китайский представители. США ничего не говорят, они ведут се-

бя официально отчужденно. От друзей поступила информация, что за кулисами американцы готовят пропагандистскую кампанию о так называемой коммунистической опасности для Юго-Восточной Азии. Но в целом Фам Ван Донг уверен, что сможет договориться с Францией.

Хо Ши Мин обсуждал с верховным главнокомандованием дату начала генерального наступления на последние опорные пункты французов. Сначала нужно было закончить все приготовления, потом должен последовать прыжок через Нам-Юм прямо к сердцу вражеской обороны. Сердцу, которое уже едва билось, как выразился со своей медицинской точки зрения профессор Тунг. Его привлекли к обсуждению, потому что многое зависело от создания перевязочных пунктов на передовой. И тут тоже еще не все было сделано.

Хо Ши Мин, думая о сообщении Фам Ван Донга, вспоминал о том, что происходило во время Второй мировой войны и особенно сразу после провозглашения Республики в отношениях между Вьетнамом и США.

Поднявшиеся на борьбу за национальное освобождение вьетнамцы тогда вели войну против японских оккупантов. После освобождения Франции принадлежавшие к профашистскому колониальному правительству Петэна французские части были интернированы японцами, поскольку те боялись, что они переориентируются против них. В китайском городе Куньмине, где находились сотрудники американской разведки, Хо Ши Мин тогда заявил, что освободительные силы Вьетнама, само собой разумеется, выступают на стороне союзников, пока Япония не будет разбита, и Вьетнам не станет суверенным государством. Американцы использовали этих союзников, прежде всего для операций в духе «коммандос» против японцев. Но освободительные силы, кроме того, спасли многих американских пилотов 14-й авиагруппы, сбитых над Вьетнамом.

Хо Ши Мин, в штаб которого время от времени приходили посланцы США, обратился к президенту Франклину Рузвельту, о котором знал, что он сторонник ликвидации колониальной системы в Индокитае после войны. Хотя Рузвельт на словах очень хвалил действия вьетнамских освободительных сил на стороне союзников, американское верховное командование в Бирме, Китае и Индии отказывалось от поставок вьетнамцам даже небольшого количества легкого стрелкового оружия.

Это делалось под предлогом, что нет гарантии того, что это оружие не будет использоваться также и против французских колониальных войск.

17 августа 1945 года Хо Ши Мин послал телеграмму американскому командованию в Китае: «Национальный фронт освобождения Вьетнама просит США проинформировать Объединенные Нации, что мы сражаемся на их стороне против японцев. Теперь Япония капитулировала. Мы просим Объединенные

Нации сдержать их торжественное обещание о получении независимости и демократии всеми странами. Если ООН забыла свое торжественное обещание и не предоставит странам Индокитая независимость, мы продолжим борьбу, пока не завоюем независимость своими силами».

Но новая американская администрация Гарри Трумэна, сменившего умершего Рузвельта давно планировала совсем другое. По внутренним каналам американцы добились, что Объединенные Нации не ответили на послание Хо Ши Мина. Его просто отложили в сторону. На этой стадии США все еще посылали своих эмиссаров к вьетнамскому фронту освобождения, которые что-то обещали и никогда не сдерживали своих обещаний, зато разными путями пытались вербовать в стране агентов и образовывать вооруженные группы для борьбы с освободительными силами. В конце концов, они согласились с французами, когда те объявили законное правительство Хо Ши Мина низложенным и начали колониальную войну, пользуясь полной поддержкой США.

- На этой развилке дороги они нас предали, – заметил Хо Ши Мин сейчас, стоя с чашкой чая среди своих соратников по борьбе. – Все сообщения последнего времени указывают на то, что они это сделают снова. Мне кажется, что они уже приняли твердое решение исподтишка завладеть наследием французского владычества над нами. Не стоит поддаваться иллюзиям...

Ван Тиен Дунг с профессором Тунгом склонились над картой левого берега. Там были обозначены места для санитарных пунктов, которые должны быть созданы, и для будущих сборных пунктов военнопленных.

- Мне нужен каждый французский врач, каждый санитар, – подчеркивал Тунг молодому штабному офицеру, – и об этом следует напомнить каждому командиру.

Ван Тиен Дунг подтвердил, что это уже сделано и сообщил Тунгу: – Главный врач французов – некий Гровен. Разведчики сообщают, что он приказал по возможности всегда помогать и нашим раненым. Мы уже издали приказ, что по окончании боев, если он останется жив, он должен будет продолжать работу в своем лазарете, по крайней мере, на первое время.

Профессор Тунг кивнул. Он еще во время учебы познакомился с французскими медиками и знал, что многие из них еще тогда выступали за прекращение колониальной войны. После победы стоит об этом вспомнить. – В крепости сидят еще тысячи французских солдат, большая часть их больны или ранены. Мы должны принять их всех. Тогда на нас ляжет и ответственность.

Ван Тиен Дунг говорил с профессором о дорогах, по которым побежденных будут отправлять в тыл. На определенных расстояниях должны быть устроены медпункты и полевые кухни. Так что еще перед окончательной победой приходилось думать о множестве будущих проблем.

Генерал Зиап подул на свой стакан, чтобы охладить горячий чай. Потом он как бы между прочим сказал: – Товарищи, нас ждет последняя битва. Чем быстрее мы решим в нашу пользу ее исход, тем скорее французы в Женеве подпишут соглашение о перемирии. Все зависит от нас. Тыл снабдил нас всем, чем нужно. До победы можно дотянуться рукой.

Он сделал глоток чая.

Неожиданно Хо Ши Мин обратился к начальнику охраны: – Я часто видел тебя здесь, как тебя зовут?

- Ань Чу, товарищ президент.

- А, так это ты ведешь дневник?

- Да, я.

- Храни его. Я хотел бы его прочесть, когда битва закончится. Может быть, мы его даже напечатаем, потом. Те, кто сейчас еще дети, должны будут знать о нашем времени. Ты из Ханоя?

- Так точно, товарищ президент.

- И что ты там делал?

- Я по профессии слесарь-водопроводчик, разбираюсь немного в водопроводе и во всем таком...

Хо Ши Мин улыбнулся. Он любил просто поболтать с солдатами или с крестьянами. Еще он любил детей, причем, как все знали, особенно ему нравилось, когда его называли просто «дядюшкой». Теперь он спросил начальника охраны: – Ты женат?

Ань Чу ответил, что пока нет, и на вопрос, есть ли у него подруга, ответил несколько смущенно, что есть. Президент высоко поднял брови и посоветовал ему: – Создавай побыстрее семью, сынок! Когда мы освободимся, все возвращающиеся домой солдаты должны создать семьи.

В небе послышался шум самолета. Где-то часовой ударил в подвешенную пустую авиабомбу. Сигнал означал, что всем нужно спрятаться в убежище.

Площадка перед штаб-квартирой опустела. В последнюю очередь унесли стол. В гроте генерал Зиап снова взял свою указку и подошел к карте, висевшей на стене.

6 мая 1954 года должно было стать ясным солнечным днем. На небе не было ни облачка, дул легкий южный ветер. Он уносил дым с пожарищ и хоть на какое-то время освежал атмосферу от ужасного трупного запаха, висевшего над разрушенным ландшафтом.

В бункере коменданта де Кастри подполковник Ланглэ собрал нескольких офицеров для обсуждения вопроса о возможности прорыва.

После первых же слов он понял, что шансов воспользоваться расплывчатым советом Коньи нет никаких. Де Кастри не зря с самого начала оценил эту идею настолько скептически, что даже не стал заниматься подготовкой, поручив это Ланглэ.

Количество действительно боеспособных солдат в крепости немного превышало две тысячи. Кроме того, патронов к стрелковому оружию было очень мало. Не было ручных гранат. Частично их сбрасывали без взрывателей, а поисковые группы не смогли найти контейнеры, в которых лежали сами взрыватели. Минометы большей частью вышли из строя, для оставшихся почти не было боеприпасов. Из танков, которые, по мнению Коньи, должны были пробить первые бреши в кольце блокады, на ходу был лишь один «Чэффи». Два другие могли быть использованы как неподвижные огневые точки, если для них были бы снаряды. Легкие бронированные амфибии типа М-29 «Краб», как и другие бронетранспортеры, привезенные сюда по воздуху, хотя никакой возможности их использовать тут не было, стояли без горячего. По замыслу Наварра они должны были участвовать в дальних рейдах в горы. Но до этого так никогда и не дошло.

Количество еще действующих орудий точно не известно. Кроме того, в командном бункере не знают, как обстоит дело с боеприпасами. Многие склады уничтожены огнем Народной армии, большая часть сброшенных с воздуха снарядов не попала в крепость, или их не смогли найти. Так что, хотя в отдельных узлах сопротивления и есть то тут, то там действующие пушки, нет никакого единого центра управления огнем. А оставшиеся орудия часто обслуживаются расчетами из солдат, ничего не понимающих в артиллерийском деле, потому что артиллеристы ранены или погибли.

- Концентрированный артиллерийский удар, например, по месту прорыва, больше не возможен, – констатировал майор Бижар, командир остатков 6-го колониального парашютного батальона. Он известен скорее как храбрый вояка, старающийся сделать невозможное возможным, чем как осторожничающий человек. Но и другие чувствуют, что и он в душе сдался, они соглашались с ним. Без артподготовки любая попытка прорыва обречена на неудачу с большими потерями.

- Даже если мы пройдем через систему траншей Вьетминя – через пару сотен метров мы упадем без сил, половина наших солдат спрячется в кустах со спущенными штанами, и мы превратимся в тарелочки для стрельбы, – продолжал Бижар. Остальные кивали. Бижар мог позволить себе так говорить с Ланглэ, подполковник его глубоко уважал. Но и Ланглэ уже не нужно было убеждать в невозможности прорыва. Он точно знал ситуацию. Для него проблемой было лишь убедить де Кастри, что командиры подразделений против. Потому что отказ от попытки прорыва автоматически означает капитуляцию.

- Итак – белые флаги? – спровоцировал он собравшихся. Он не получил ответа. Они все прибыли в Дьенбьенфу, чтобы добиться славной победы, но реальность обернулась для них шоком. Они сопротивляются пониманию безысходности их положения, но мысль о том, что они разбиты, не покидает их мозг. Капитулировать перед Вьетминем – еще несколько недель назад такое пророчество вызвало бы взрывы смеха. Теперь никто не решался сказать об этом открыто. Слишком долго колониальная армия привыкала ломать сопротивление своим техническим превосходством и рассматривать противника как нецивилизованного бандита. Теперь у нее страх перед неизвестностью, стоящей за неизбежной капитуляцией. Их мировоззрение зашаталось: если это действительно нецивилизованные бандиты, то выжить никому не удастся. Если же это все еще распространенное представление – ложь, то следует спросить себя, почему они так долго поддавались этой пропаганде, на что никто не хочет ответить.

Деморализация – слишком мягкое определение состояния, в котором мы очутились, думал Бижар. Но он не сказал этого. Он только обратился к Ланглэ: – Разрешите мне вернуться в мою часть?

Ланглэ смотрел вслед офицерам, как они быстро исчезали, один за другим прыгая в траншеи и низко нагибаясь. Он отказался давать им какие-то общие инструкции для капитуляции. Верховное командование строжайше запретило вывешивать белые флаги. Любой ценой даже в поражении следует сохранять лицо.

- Французский офицер не сдается этим типам, в самом худшем случае он только прекращает борьбу, – сказал Наварр Коньи. А тот передал это по радио де Кастри. Что тут еще можно было сказать?

Над опорным пунктом «Жюнон», маленьким каре из мешков с песком, уже достаточно потрепанным, поднимались фонтаны грязи. Вьетнамская артиллерия без перерыва вела огонь с рассеиванием. И этот огонь с рассеиванием, днем и ночью, заставлял легионеров сидеть в норах, заставлял беспокоиться, сумеют ли они добежать до ближайшего клозета, до кухни, или до ближай-

шего контейнера с грузом, лежавшего всего в сотне метров – несоизмеримо далеко. Никто больше не удивлялся, как Народной армии удалось установить на своих позициях артиллерию с практически неограниченным запасом снарядов. С этим уже смирились, привыкли к тому, что бесславный конец вскоре придет. У простых солдат все сильнее распространялся менталитет ландскнехтов – все равно, кто победит, главное – спасти свою шкуру!

Ланглэ снова вызвали, когда он был перед бункером де Кастри. Два С-119 приближались к крепости и хотели – истинно гусарский трюк – сбросить контейнеры. Им нужно было указать место сброса. Это были американцы, летавшие на транспортниках с двойным фюзеляжем. Один из них – старый знакомый, Макговерн, ветеран Корейской войны, вручивший после нее свое шаткое будущее в руки «Летающих тигров» Клэра Ли Ченно. Великан и прекрасный летчик.

- Мы будем над вами через две минуты, – донесся по рации его низкий голос. – Куда нам снести яичко? Вы подадите дымовой сигнал?

Ланглэ тут же ответил: – Нет, это невозможно. Тут дым в сотне мест, вы по нему не сможете ориентироваться. Сбрасывайте прямо на командный бункер, он рядом с бункером под красным крестом!

- Понятно! Через минуту!

С «Габриель» и «Анн-Мари» доносился стук вьетнамских зениток, еще до того, как стал слышен звук моторов С-119. Ланглэ вытянул шею, пока не увидел самолеты. То, что они делали, он считал заданием для камикадзе. Многотонные машины летели тяжело и не могли реагировать на сконцентрированный зенитный огонь. Медленно, равномерно покачиваясь, приближались они, вокруг их протянулись дымные нити зенитных снарядов, белые дымовые шарики от разрывов появлялись под их крыльями. Потом, внезапно, они оказались над бункером, один точно вслед за другим, с грохотом, заглушившим на пару секунд даже гром артиллерийского огня. Гигантские контейнеры выскользнули вниз, повисли на открывшихся парашютах и шумно опустились между траншей. Сброс удался!

Когда Ланглэ снова вызвал пилотов по рации, ответы Макговерна было трудно понять. Грохот, треск и лязг мешали приему. Да и летчик, казалось, не мог говорить связно. Он кричал: – Правый двигатель... горит... подняться, но вес... черт побери.. нужно хоть немного вверх... Ханой...

На вопросы Ланглэ он не реагировал. Он не мог принять радиосигнал из крепости, или из Ханоя или отлетевшего рядом с ним коллеги. В паре дюжин километров за Дьенбьенфу горящий С-119 упал в джунгли и взорвался.

Ланглэ огорченно положил микрофон рации на место. Он пошел к де Кастри и сообщил об удачном сбросе.

- Это последний раз, как сообщил мне Коньи час назад, – ответил де Кастри. – На завтра разведчики сообщают о следующем генеральном наступлении Вьетминя.

Ланглэ принял это к сведению. Под его ногами задрожала земля от близкого разрыва снаряда. Генерал, казалось, не заметил этого. Он стал еще апатичнее, когда Ланглэ сообщил ему, что на совещании офицеров не было принято решение о попытке прорыва, он только устало кивнул. Его лицо с заметным орлиным носом совсем похудело и несло печать страдания.

Нет сомнения, он тоже в душе сдался. Он показал на металлические ящики с документами, стоявшие на грубо обструганном столе в бункере. – Это не должно достаться противнику. Сжечь все! Вы за это отвечаете. Определите время.

Ланглэ приказал установить гриль. Раньше, в первые дни крепости на нем жарили стейки. Теперь солдаты складывали на него пачки документов.

Пригибаясь, подполковник по траншеям направился к бункеру лазарета. Там оперировали днем и ночью. Трупы лежали на одной стороне вала из мешков с песком, сложенные как бревна. Другие высывались из грязи, грязные части тела, разорванные ноги, головы. На бывшей взлетной полосе, на голой влажной земле лежали прооперированные раненые. Стоило врачам прооперировать кого-нибудь, как пара сенегальцев, ставших санитарями, тут же выносили его с операционного стола и складывали его тут рядом с другими. Больше никто ничего не мог сделать. Время от времени подходил один из санитаров от одного раненого к другому и пробовал кормить их смоченным в воде кексом. Женевьев де Галлар тут же распределяла воду, грязный бульон из реки Нам-Юм.

- Во время дождя мы натягивали полотна палаток, но вся собранная вода уже израсходована, – оправдывалась де Галлар, увидев недовольный взгляд Ланглэ.

Но подполковника уже не интересовало, что получают раненые, ему уже было все равно, что находилось в контейнерах, сброшенных С-119. Смерть пилота Макговерна оставила его таким же равнодушным, как и смерть его солдат на левом берегу, погибших там в последние дни и втопанных в грязную землю. И тех, кто погибал там сейчас. Ведь как раз в этот момент артиллерийские снаряды и минометные мины снова начали перепаживать землю между берегом и оставшимися очагами сопротивления. Там же лежал брошенный железный мост через Нам-Юм. Никто не мог перейти через него при дневном свете, чтобы не стать жертвой вьетнамских снайперов.

- Нам в командном бункере понадобится большое белое полотнище, Женевьев, – сказал Ланглэ. – Размером с простыню. Может быть сшитым из кусков. Главное, чтобы оно было снежно-белым.

- Я поняла, – ответила женщина с испугом. Она была в одежде медсестры, на груди еще дополнительно красный крест. Запинаясь, она спросила: – Оставят ли они меня в живых?

Ланглэ предпочел не отвечать на этот вопрос. Он еще раз напомнил де Галлар: – Пожалуйста, принесите полотнище через час. Потом он вернулся в командный бункер.

Ровно в 17.00, 6 мая 1954 года, командир подрывной группы у подножия холма А-1, последнего очага сопротивления бывшего опорного пункта «Элиан» дал знак командиру подготовившегося к атаке подразделения. Для этого он поднял вверх правую руку со сжатым кулаком. Сапер с «адской машинкой» нажал на рычаг. В ту же секунду вершина холма А-1 с грохотом буквально поднялась в воздух. Примерно через минуту последние куски земли и обломки металла посыпались вниз на землю.

Командир атакующего подразделения поднял руку и крикнул: – Тиен лен! Для штурма эта команда была не столь нужна, потому что рядом с ним уже бежали вперед первые солдаты, их штыки блестели в последних лучах солнца. Трещали автоматы, боевые крики раздавались вокруг холма.

Капитан Пуге, который только что рассматривал взрывы снарядов в центре крепости, оказался поднятым в воздух на метр, как будто его бросила гигантская подземная катапульта. Упав, он потерял сознание. Его присыпало землей. То тут, то там кто-то из легионеров пытался отстреливаться. Но атакующие так быстро ворвались на вершину, что сопротивление не успело организовать.

Когда капитан Пуге пришел в себя и попытался двинуться, его заметил солдат Народной армии. За последние дни этот солдат, как и многие другие, успел хорошо выучить требование сдаваться на французском языке. Теперь, когда перед ним из-под земли поднялся большой, широкоплечий француз, озирающийся, еще не пришедший в себя, вьетнамец направил на него винтовку и крикнул: – Руки вверх! Вы пленный вьетнамской Народной армии.

Пуге ничего этого не слышал. В его ушах звенело, барабанные перепонки пострадали от взрыва. Но он видел перед собой вражеского солдата, маленького человека в сплетенном из бамбука с кусочками парашютного шелка шлеме. Он видел винтовку и длинный штык. Так что он безучастно сцепил руки за головой и ожидал выстрела. Но солдат подал одному из своих знак. – Уведи его в тыл. Он контужен, ничего пока не понимает...

Ночью вьетнамцы атаковали еще один узел сопротивления между уже взятым холмом С-1 бывшего опорного пункта «Доминик» и берегом реки, а также несколько мелких бункеров между С-1 и Нам-Юмом. К утру пала позиция 506, немного севернее подхода к мосту Муонг-Тан, оставшегося теперь без защиты, и, как выяснили саперы, не заминированного. В тоже утро солдаты Народной армии атаковали западную часть крепости, опорный пункт 301 к югу от командного бункера.

Повсюду распространялись сведения, что сопротивление французов слабеет. Все чаще поднимались белые флаги. Было видно, как французские солдаты приводили в негодность оружие, сжигали оставшиеся запасы топлива и боеприпасов. Перед командным бункером де Кастри на гриле догорали штабные документы. Утром 7 мая 1954 года капитулировали три последних узла сопротивления на левом берегу, разбитые снарядами подземные бункеры, обозначенные на картах Народной армии как 507, 508 и 509.

В полдень генерал Зиап появился в местах сосредоточения войск, ожидавших приказ на форсирование Нам-Юма и штурм командного центра де Кастри. Он был недалеко от моста, на правом берегу. Там поднимался дым. Артиллерия очень осторожно стреляла по центру, потому что рядом с ним был лазарет с ясно видимым красным крестом.

Зиап быстро догадался, что колониальная армия Франции, с удовольствием украшавшая себя ореолом гуманности, не упустила бы случая показать всему миру, что освободительные силы нарушают правила ведения войны, на которые сама Франция, как только ей предоставлялась такая возможность, не обращала никакого внимания. Главнокомандующий высказался по этому поводу, когда командиры обратили его внимание на эту проблему, что мы победим – так или иначе. Теперь они там готовятся к концу, думал генерал, рассматривая местность, удерживаемую противником, через стереотрубу. Он понял, что по ту сторону реки у врага не было никакой системы обороны. Повсюду лежали разбитые пушки, дымили топливные склады. Защитники, если они еще были способны на сопротивление, зарывались еще глубже в землю. Куда глубже, чем вначале, когда они еще мечтали о «кавалерийских наскоках на горы», о быстрых рейдах, о победах.

Зиап взглянул на часы. Он получил донесение, что выделенные для атаки части готовы к последнему штурму. Он вызвал командира саперов, чтобы тот посмотрел через стереотрубу.

- Вы видите на том конце моста укрепления?

- Нет, товарищ главнокомандующий, – ответил тот. – У противника там всего лишь контрольный пост, чтобы не пропускать к центру дезертиров, устроивших себе лагерь на берегу реки. В центре они пытались воровать продоволь-

ствие. Кстати, я во многих местах вижу белые флаги, над стрелковыми ячейками и отдельными бункерами...

- Я тоже их видел, – подтвердил генерал. Он снова посмотрел на часы и задумался. Противник получил такой сильный удар, что еще долго не сможет собраться с силами. По всему опыту, который Во Нгуен Зиап накопил за долгие годы вооруженного сопротивления, как раз сейчас наступает момент, когда следует нанести новый удар, если есть для этого силы. Силы у нас есть, думал Зиап. И мы полны решимости как можно быстрее закончить битву в этой долине, о которой уже говорит весь мир.

- Почему мы тогда этого не делаем?

Он не заметил, что сказал эту фразу вслух. Командир саперов, стоявший рядом, сказал: – Повторите, пожалуйста, товарищ главнокомандующий.

Зиап посмотрел на него и сказал только одно слово: – Атакуйте!

Примерно в то же время рука де Кастри царапала трубку радиотелефона. Его собеседником в Ханое был Коньи, говоривший о том, что нужно продержаться, устоять, о запланированных сбросах новых контейнеров, об умном использовании оставшейся в крепости артиллерии. Он осведомился, были ли эвакуированы все раненые с потерянных на восточном берегу опорных пунктов. Как будто у него не было точных донесений обо всем, происходившем в крепости.

Де Кастри догадывался, что эта беседа записывается на пленку. Потом хитрый Коньи воспользуется ею как доказательством, что он не знал достоверно о том, что положение защитников Дьенбьенфу безнадежно.

У него были аналитические справки и материалы аэрофотосъемки, сделанные самой современной американской аппаратурой, на которых было прекрасно видно, что пространство, удерживаемое де Кастри, уменьшилось до квадрата со сторонами примерно по пятьсот метров.

- Если мы..., – с трудом выдавил из себя де Кастри, – предположим, если мы сможем продержаться до наступления темноты, тогда вы дадите свое согласие на то, что я с остатками гарнизона все же как-то попытаюсь прорваться?

Коньи не отказался дать согласие. Больше того, он начал фантазировать, что лежащий дальше всех на юге, пока удерживаемый, но уже полностью изолированный опорный пункт «Изабель» должен поддержать прорыв своим артиллерийским огнем. «Изабель», по мнению Коньи, продолжавшего пустословить вопреки своим собственным убеждениям, сможет сама продержаться дальше, более того, сможет стать фундаментом нового укрепленного района в долине.

- У вас там еще свыше двух тысяч снарядов! – призывал он де Кастри. Но тот лишь саркастически заметил, что на всей «Изабель» есть лишь одна пушка. А Коньи, казалось, не услышал этого. Тогда де Кастри грубо бросил трубку. Коньи, правда, воспринял это как помехи на линии и завершил со своей стороны беседу заверением, что он еще раз выйдет на связь в течение дня.

- Ланглэ! – крикнул де Кастри. Когда его заместитель отодвинул бамбуковый занавес на входе в бункер, де Кастри потребовал от него уничтожить все, что могло бы дать противнику сведения о стратегических намерениях Франции, а также все личные документы, вплоть до грамот о награждении орденами.

Подполковник молча закурил, потом приказал радисту передать это распоряжение во все подразделения, с которыми еще была связь. Не прося разрешения у де Кастри, он сам отдал распоряжение о приведении всего оружия в нерабочее состояние и о прекращении сопротивления в случае новой атаки противника. Он не говорит прямо о капитуляции, но все его понимают. Остатки крепости ожидают последнего удара. Тот, кто голоден, устал до смерти, тяжело ранен, кого мучит дизентерия, тот с нетерпением ожидает конца, того или иного. Все должно закончиться, наконец-то.

В 15.00 начинается последний массированный артобстрел очагов сопротивления французов, из которых еще стреляют. В первый раз реактивные минометы выпускают несколько залпов. Проносящиеся с ревом ракеты ударяют по французским позициям, и те прекращают сопротивление. На восточном берегу реки командиры взводов Народной армии поднимают вверх кулаки и дают тем самым сигнал к штурму.

Штурмовые отряды бегом преодолели последние метры перед мостом Муонг-Тан. Солдаты уже ощущали победу; они видели, что враг уже не стреляет. Солдаты закатали свои зеленые штаны по колено, как крестьяне на рисовых полях, и босиком пробирались по жидкой грязи, в которую превратилась земля после многодневных дождей. Не встречаясь с сопротивлением, первые отряды преодолели покрытый деревянным настилом железный мост. На другом его конце было лишь несколько нор, из которых вылезали французские солдаты с поднятыми вверх руками. Тут и там трепетали на ветру куски белой ткани. Над листом из волнистого железа, накрывавшего командный бункер, тоже развевалось белое полотнище. Никого не было видно.

Командира взвода, прорвавшегося к бункеру первым, звали Чу. Он был молод, но уже ветеран многих боев. Вскоре после 17.00 взводный Чу приказал своим солдатам залечь у бункера. Он еще не знал, что генерал полчаса назад умылся, побрился и надел новый мундир. На голову он надел красное кепи спаги, которыми когда-то командовал. С Коньи он попрощался несколько минут назад: – До свидания. Я сдаюсь.

Как будто подготовившись заранее, Коньи выпалил: – До свидания, дружище! Только слушайте – никакого белого флага! Никакой капитуляции! По официальной версии, ваш командный пункт был захвачен противником. Мы это сейчас же сообщим прессе. Ясно?

- Мне все ясно, – ответил де Кастри. Его не интересовало, будут белые флаги или нет. От лазарета несло сладковатым запахом трупов, а вдали были уже слышны победные крики вьетнамцев. Он просто сидел с несколькими штабными офицерами в бункере и ждал.

Командир взвода Чу несколько секунд раздумывал, можно ли верить белому флагу над крышей из волнистого железа. Слишком часто французы придумывали хитрости, стоившие немало жертв тем, кто на них поддался. Но Чу решил не ждать. Его окрыляло то, что он стоит перед цитаделью противника. Проверив магазин в автомате, Чу закричал по-французски: – Выходите! Вы пленные вьетнамской Народной армии. Война закончена!

Потом он отодвинул занавес у входа. Он увидел французских офицеров без оружия, стоявших по стойке смирно, но глядевших в пол. Чу узнал де Кастри и знаком попросил его подойти. Неожиданностей больше не было. Прошедшие войны французские офицеры поняли, что их победили такие молодые вьетнамцы, как этот, стоявший у входа с автоматом в руке. Теперь их ждал только марш в плен.

Через некоторое время солдаты Чу сняли с крыши бункера белый флаг и установили там свое полковое знамя с вышитым на нем девизом «Полны решимости на борьбу и на победу». Повсюду стояли оборванные, усталые, потерявшие надежду французские солдаты. Безо всякого приказа все, кто мог идти, собирались в колонны для похода в плен. Гордые властители колонии вдруг превратились в послушных побежденных людей.

Доктор Нгуен Дуонг Кванг, в сопровождении Кенга, добрался до командного бункера. Он был в хорошем настроении, потому что раненых после последней атаки было очень мало, а он втайне опасался больших жертв. Но то, что он увидел здесь в центре французского сопротивления, заставило его вздрогнуть: сотни неухоженных раненых лежали на голой земле, в грязи, повсюду трупы, многие уже начинали гнить. Между ними беспомощные разбитые французы.

Он побежал к бункеру с красным крестом и увидел, что врачи его уже ждут. Казалось, что они тоже приготовились отправляться в плен.

- Вы доктор Гровен? – спросил он лысого великана с никелированной оправой, совершенно отвечавшего данному Квангу описанию.

- Да, это я Гровен.

- Тогда я прошу вас продолжить свою работу.

- Но у нас ничего нет! Ни бинтов, ни лекарств, ни гипса, ни...

Нгуен Дуонг Кванг получил от профессора Тунга распоряжение временно продолжить работу лазарета и обеспечить персонал самым необходимым. Теперь он действовал быстро и тщательно. Он сказал взводному Чу: – Пожалуйста, соберите в командном бункере все продукты, весь табак, кофе, алкоголь и принесите все в лазарет. Кроме того, мне нужны еще три ваших человека...

Через час, когда стемнело, французские врачи во время перерыва пили горячий кофе. В первый раз он был не на глинистом бульоне из реки, а на кристально-чистой воде, доставленной солдатами Народной армии с восточных гор. Родниковой воде.

В последних лучах заходящего солнца трое направленных Чу солдат отыскивали вместе с несколькими французскими санитарями на развалинах крепости контейнеры с медицинскими грузами.

В это время на крайнем юге долины все еще существовал полностью изолированный опорный пункт «Изабель», где прятались несколько сотен французских солдат. Там уже не было ни пищи, ни воды, и настроение солдат было ужасным. В первые ночные часы минометы Народной армии сделали пару залпов по этому последнему очагу сопротивления. Французы отстреливались очень слабо. Поэтому минометы тоже прекратили огонь. Вызвали Гастона Жанвилля. Он взял свой мегафон и прополз до первых баррикад, откуда его было слышно. Затем крикнул: – Гарнизон «Изабель»! Сражение за Дьенбьенфу окончено. Генерал де Кастри и его штаб, как и все оставшиеся в живых, пребывают во вьетнамском плену. С ними будут хорошо обращаться, и после окончания кампании они смогут вернуться домой. «Изабель» окружена и не имеет никаких шансов. Мы призываем вас прекратить кровопролитие и отказаться от сопротивления на тех же условиях, как и прочие части гарнизона. Мы посылаем к вам офицера и двух сопровождающих, чтобы с вашим командиром принять решение о прекращении огня. Выстрелите желтую ракету, если вы готовы...

Чуть позже над «Изабель» на парашюте повисла желтая ракета. Когда она опустилась, трое военнослужащих Народной армии отправились в путь. Не было ни единого выстрела. Еще до полуночи гарнизон последнего опорного пункта бывшей крепости Дьенбьенфу сложил оружие и сдался в плен.

В раннем утреннем свете Гастон Жанвилль, бледный, усталый, голодный и небритый, но счастливый, стоял у дороги, по которой в направлении Туан-Гиао брели колонны оставшихся в живых французов.

Жанвилль думал о том, что скоро он сможет вернуться домой, в поселок, ставший с помощью Ба его новой родиной. Он теперь свободный человек, думал он, у меня прекрасная жена, друзья. И я сделал все, что мог, чтобы эта грязная война во Вьетнаме закончилась. Чего еще можно хотеть?

Он закурил и подумал, как здорово было бы, если бы Ба в лазарете, куда он сейчас отправится, сварила ему кофе. Что он за француз без чашечки кофе ранним утром? Он усмехнулся про себя. Затем снова взглянул на колонну пленных. Одно лицо вдруг показалось ему знакомым. И этот француз, с трудом передвигавший ноги, тоже узнал Жанвилля. Он был одним из тех, кто в ханойском лазарете часто добродушно смеялся над выходками Жанвилля.

- Гастон-шут! – крикнул он, остановившись.

- Я тебя знаю, но не знаю твоего имени...

- Не имеет значения. Мы лежали в соседних палатах. Ты всегда играл в «очко» с комендантом Прюнеллем.

- Да, с одноногим. А ты?

- Я часто думал, что если не хочешь убивать людей, нужно просто стать шутом, как ты.

- А что ты имеешь против шутов? – засмеялся Жанвилль.

Ничего, – ответил тот. – Я даже слышал тебя по мегафону. Мне не хватило мужества послушаться тебя. Но я часто думал, что в такое время, как это, шуты, вроде тебя, наверное, и есть самые лучшие французы.

Он побрел дальше, нагнув голову. Охранник прошел мимо Жанвилля и взглянул ему в лицо. Кто тут меня еще не знает, подумал Жанвилль. Потом он отправился к Ба.

ЭПИЛОГ

Пятьдесят пять дней и ночей длилась битва за Дьенбьенфу. Она окончилась, а с ней и французское господство в Индокитае.

21 июля 1954 года собравшиеся в Женеве министры иностранных дел подписали соглашение об окончательном уходе французов из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

В первую очередь они должны были покинуть свои последние военные базы на севере. По 17-й параллели была проведена временная демаркационная

линия. С южной части разделенного этой линией Вьетнама Франция тоже должна была вывести постепенно свои войска в согласии с местными административными органами. Не позднее 20 июля 1956 года, т.е. через два года после заключения соглашения, граждане всего Вьетнама должны были на всеобщих выборах решить вопрос о воссоединении страны и об ее будущем государственном устройстве. Соглашение гарантировало Вьетнаму суверенитет, территориальную целостность и международное признание.

Соглашение запрещало направлять на всю территорию Вьетнама оружие, военный персонал и военных инструкторов из-за рубежа.

20 июля 1956 года Женевское соглашение по Индокитаю, которое соблюдала Франция, уже было официально нарушено Соединенными Штатами Америки. Под их прикрытием на юге страны состоялись выборы, в результате которых так называемым президентом Южного Вьетнама стал отобранный американцами на эту роль политик Нго Динь Дьем. Затем США объявили «борьбу против коммунизма» своей главной задачей в регионе. Они пообещали использовать для ее решения всю свою военную мощь.

Как начиналось это новое крупномасштабное вмешательство, свидетельствует первое донесение руководимой полковником Эдвардом Дж. Лансдейлом «Сайгонской военной миссии» (SMM), отрывки из которого приводятся ниже. (Сайгонская военная миссия была основана совместно ЦРУ и Пентагоном 1 июня 1954 года, то есть, всего через три недели после падения Дьенбьенфу и за месяц до заключения Женевского соглашения по Индокитаю. Это была используемая в Южном Вьетнаме совместная группа для ведения тайной войны против социалистических сил во всем Вьетнаме, но, в первую очередь, на севере страны.)

«Министерству обороны Соединенных Штатов Америки

Широкомасштабные задачи команды состояли в проведении военизированных операций и организации политико-психологической войны...

В тесном сотрудничестве с руководителем Информационной службы Соединенных Штатов в Сайгоне Джорджем Хеллиером, была разработана концепция проведения психологической кампании в пользу (южно)вьетнамской армии и против правительства в Ханое. Немедленно начался курс по обучению психологической войне, на котором учился (южно)вьетнамский военный персонал.

Первая кампания по распространению слухов состояла в умело пущенной в оборот истории об изнасиловании вьетнамских девушек солдатами красного китайского полка в одной из деревень Вьетминя в Тонкине. При этом основывались на недисциплинированном поведении национально-китайских войск (Чан-Кайши – прим. пер.), посланных для поддержания порядка в Се-

верный Вьетнам после 1945 года. Спустя несколько недель среди крестьян в Тонкине на самом деле начались возмущения, связанные с недостойным поведением якобы (красно)китайских частей на территориях Вьетминя. Выяснилось, что причиной волнений действительно был пущенный нами и раздутый самими вьетнамцами слух...

Майор Люсьен Конейн и его команда по проведению тайных военизированных операций были немедленно направлены в северные районы, под тем прикрытием, что они в Ханое и Хайфоне помимо прочих задач должны якобы наблюдать за отъездом переселенцев и возвращающихся на родину французов. Группа Конейна собрала вокруг себя вьетнамцев, ранее принадлежавших к (прояпонской) партии Дай-Вьет и по-прежнему почитавших кайзера Бао-Дая. 13 из них удалось незаметно через порт Хайфона доставить на юг, где они прошли фундаментальную подготовку в вопросах ведения тайной войны и получили соответствующее оснащение перед их инфильтрацией обратно...

(Таким образом) мы узнали, что самая большая вьетнамская типография осталась на севере и работает для Вьетминя. SMM совершила попытку разрушить современные печатные машины, но органы безопасности Вьетминя сорвали операцию, которую должен был осуществить вьетнамский агент (псевдоним Триеу) под руководством капитана Эрандела.

Наша группа SMM, действующая тайно на севере, использовала последние дни перед передачей Ханоя Вьетминю, чтобы добавить в цистерны с запасами топлива для местного общественного транспорта специальное вещество, которое позднее при использовании горючего вызывает разрушение двигателей. Кроме того, группа осуществляла подготовку для позднейших актов саботажа на железных дорогах (в сотрудничестве со специальной группой ЦРУ, которая превосходно выполнила эти задания).

Еще группа постоянно выявляла цели для позднейших полувоенных операций. Группа попала в критическую ситуацию, когда она добавляла разрушительную смесь в цистерны с топливом. Ей пришлось действовать по ночам в закрытых помещениях.

Когда после добавления вещества неожиданно начали образовываться пары, члены группы едва не потеряли сознание...

Некоторое количество сотрудников SMM объезжало государства в тихоокеанском регионе, чтобы доставить вьетнамцев в определенные учебные центры, где их обучали подпольной работе. Или они организовывали отправку материалов для проведения диверсий в Северный Вьетнам, где их прятали для позднейших операций. На Филиппинах удалось мобилизовать новую поддержку для SMM. Там была основана «Компания Свободы», зарегистриро-

ванный союз под патронажем президента Магсайся. Организация будет вербовать филиппинцев, получивших боевой опыт при подавлении местных коммунистических повстанцев из движения «хуков», и готовых действовать во Вьетнаме (и в других местах).

SMM смогла доставить доверенным лицам в оперативной зоне на севере, принадлежавшим к (китайскому) меньшинству хоа 8,5 тонн военных грузов (1 американская тонна = 907,185 кг). Среди этих грузов 14 агентурных радиостанций, 300 карабинов с 90 000 патронов, а также 300 фунтов взрывчатки (1 американский фунт = 454 грамма). 2,5 тонны взрывчатых веществ было доставлено агентам хоа в Тонкине, остальные спрятаны агентами SMM в тайниках вдоль Красной реки с помощью специалистов нашего военно-морского флота...

Победа над колониальной Францией: солдаты Вьетминя на командном бункере противника под Дьенбьенфу, 1954 год.

[Прим. ред. ВС: На сайте Велесова Слобода доступны еще две публикации Гарри Тюрка: «Бирма. Ад полузабытой войны» и «Час мёртвых глаз».]

Библиотека Велесова Слобода, 2015 г.